Достался нам век неспокойный

Емельян Филаретович Кондрат

SHOUT
SHARE
IT

- Кондрат Емельян Филаретович

Кондрат Емельян Филаретович Достался нам век неспокойный

Кондрат Емельян Филаретович
Достался нам век неспокойный

Аннотация издательства: В книге Героя Советского Союза генерал-майора авиации в отставке Е.Ф. Кондрата повествуется о доблести и беспримерном героизме советских летчиков-истребителей в небе республиканской Испании, в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны и в период разгрома японской Квантунской армии на Дальнем Востоке.

Автор, участник этих важнейших в истории нашей Родины событий, рассказывает о своих боевых товарищах, с честью прошедших все испытания в боях за честь и славу Отчизны. Книга рассчитана на массового читателя.

Содержание

ЗАБУДЬТЕ СВОИ ИМЕНА...
По обе стороны баррикад
Самая длинная ночь
Небо кипит
Гренада, Гренада...
Красные гвоздики Испании
Прощай Испания!
ПЫЛАЮЩИЕ СОРОКОВЫЕ
Нашествие
Круговая оборона
Однополчане
Такой долгий-долгий бой...
Японские крепости
Забудьте свои имена...
По обе стороны баррикад

18 июля 1936 года. Мы разыграли бой - один против, троих. По всем канонам учебной программы такого не полагалось. Но наш командир любил эксперименты.

"Один" - это я. Они меня, конечно, "сбили", хотя и не сразу. Особенно досаждал Матюнин. Я почти возненавидел его в ту минуту, когда он повис у меня на хвосте и шел как привязанный, какие бы пилотажные номера я ни выкидывал. На мгновение даже представил его лицо: с сердито прищуренными глазами и закушенной нижней губой - таким он обычно бывал на футбольном поле, когда его обходил нападающий.

Самолеты приземлились, срулили с посадочной полосы и понеслись на стоянку, уже больше похожие, наверное, на торпедные катера: задрав высоко носы и отбрасывая винтами воздух, они оставляли за собой зеленые волны стелющейся травы.

Мы спрыгнули на землю, поправили гимнастерки и зашагали к тому месту, где в окружении нескольких командиров глыбасто возвышалась мощная фигура комбрига. Поодаль, за самолетами, стараясь не маячить на глазах у начальства, поджидали нас друзья, чтобы вместе идти в городок.

- Так... Ну что ж, неплохо. Действовали слаженно и напористо. Комбриг Король сделал два шага вдоль нашей коротенькой шеренги. - Но этого еще недостаточно. Надо искать... Надо пробовать и привыкать вести бои с превосходящими силами врага.

Комбриг, подробно разобрав наш бой, наконец, сказал улыбнувшись:

- Свободны.

Только теперь мы по-настоящему почувствовали, как устали.

Трудовая неделя окончена. Завтра - выходной день, и я увижу Олю. Увижу ее широко распахнутые глаза, лицо, обрамленное неброской прической, протяну ей букетик цветов без названия и скажу: "Это - с аэродрома". Она воз мет их, поднесет к лицу, чтобы скрыть смущение. Славная...

- Женька! Ты чего это витаешь в облаках? - голос Ерохина возвращает меня к действительности.

- Летчик - где же ему еще витать? - заступается за меня Мирошниченко.

Мы идем по аэродромному полю, планшеты с картам опущены на длинных ремешках и при каждом шаге бьют по икрам - особый авиационный шик. Сдернуты шлемы, ветерок приятно ласкает голову. Все залито солнцем, земля пахнет вчерашним дождем, свежестью травы.

- Нет, ребята, вы посмотрите на него, - не унимается Ерохин, размечтался.

- Да будет тебе! - пытаюсь остановить его.

Но все уже навострили уши, и особенно, конечно, Виктор Матюнин. Не подай Ерохин голос, Виктор, возможно, так и продолжал бы вышагивать, оторвавшись от всех. Такая у него привычка. Даже если они идут только вдвоем с Мирошниченко - утром ли в эскадрилью, в столовую ли, в Дом Красной Армии - на полкорпуса впереди обязательно кряжистая, чуть сутуловатая фигура Матюнина.

Вот они-то и выкручивали только что в небе с меня пот: Ерохин - мой закадычный друг, а Матюнин с Мирошниченко -

тоже неразлучная пара.

В эскадрилье шутят, что если иных связал случай, то нас с Ерохиным не иначе как сам черт. Мы с ним и фигурами схожи, и лицами, говорят, похожи, и увлечение одно - акробатика. Так что нас в шутку еще называют "два брата-акробата". Даже костюмы гражданские для выходных дней у нас одинаковые.

А Виктор с Николаем... Никогда не сказал бы, что такие могут подружиться. Матюнин - анекдотчик и заядлый футболист. Мирошниченко в отличие от друга строен, красив, деликатен до застенчивости. Когда Виктор первый срывается в хохот от своих простецких грубоватых шуток и рассказанных историй, Николай морщится, словно у него приступ зубной боли. И хотя их водой не разольешь, по характеру, они совершенно разные и нередко спорят друг с другом.

Матюнину так и неймется что-нибудь затеять. Он и сейчас, предвкушая удовольствие, подстрекает Ерохина.

- Давай, профессор, рассказывай!

Профессором Ерохина прозвали не зря: в авиацию его призвали с институтской скамьи, да, кроме того, Леня постоянно носит с собой в планшете или в руке книги. Чаще всего по математике. Он где можно и даже где нельзя решает свои задачки. Однажды так увлекся, читая на ходу, что чуть не налетел возле штаба на комбрига Короля. Батя молча взял у него из рук книгу, снисходительно повертел ее в руках, молча же вернул. После этой встречи стал Ерохин читать летчикам бригады лекции по высшей математике.

- Давай, профессор! - Матюнин нетерпелив.

- Ну вот, - начинает Ерохин. - Поехали мы с Женькой в город. Сначала я поднял его культурный уровень в центральном кинотеатре, потом вывел в парк. Смотрю: блондиночка стоит...

- Ну-ну, - торопит Матюнин. - Что дальше?

- Дальше - вот! - Ерохин театральным жестом указывает на меня. - Был человек - и нету.

- Трагический случай, - тоном врача заключает Осипенко. - Я-то знаю...

- Во-во! - отзывается Матюнин. - Сказывается твой почин...

Слава богу, внимание перешло на другую историю. Не так давно в нашем военном городке появилась летчица. Всеобщее обозрение состоялось в столовой. Все неприкрыто поглядывали на фею в гимнастерке, галифе и сапогах, один я сразу и запросто подошел.

- Здравствуй! - обрадовалась она. - А я смотрю: хоть бы знакомое лицо. Знаешь, пока ребята привыкнут, чувствуешь себя белой вороной.

За то время, что прошло после Качинской авиашколы, где мы вместе учились, Полина стала иной. Вид теперь боевой, уверенный, этакая девушка-гусар. Даже подстрижена под мальчишку.

- А начинала свой путь в небо издалека - надев белый фартучек с маленькой голубой эмблемкой нашей училищной столовой. Кажется, не была она тогда такой рослой, крепкой и решительной, хотя, конечно, такой и была только заслонялось все это для нас чем-то другим. Платьем, что ли, в цветочках, бантиком на груди? А скорее всего - той скромной манерой держать себя, когда человек еще присматривается на новом месте.

Потом Полина заболела небом. В ней проснулась настойчивость, да такая, что она извела ею начальство от Качи до Москвы, пока не разрешили ей стать курсантом авиашколы...

- Ну, я пойду, - сказала она тогда, резко встала, красиво надела пилотку и уверенным командирским шагом направилась к выходу.

Меня обступили: кто такая? Откуда? Где познакомились? Незамужем?.. Один только Саша Осипенко не расспрашивал. Саша - человек дела.

Вообще Саша - личность! Смуглявый, стройный, галифе с шиком. А главное - летает Саша, как дьявол, и стреляет без промаха. Мы постоянно встречаемся в учебных боях, и, честно сказать, мне частенько от него достается.

Когда бригада улетала в Москву на первомайский парад, Сашу подвела ангина, он остался в части. А вернулись - и пожалуйте на свадьбу! Первый во всем, Саша тут не изменил себе - стал первым "клятвоотступником" нарушил холостяцкий уговор не жениться. Так нашего полку стало убывать...

Что ж, оптимизм свойственен молодости. Но в то время, когда мы шутили, в мире происходили события далеко не шуточные...

* * *

Выйдя из отеля, Квартеро направился в комендатуру. Сегодня надо бы улететь. Сколько можно торчать в этом раскаленном солнцем городке! Ему и забот-то всех было, что перелететь на своем самолете Гибралтарский пролив, оказаться здесь, на севере Африки, и вручить пакет коменданту Ларачи. Пакет с тяжелыми сургучными печатями вручен, но вот уже четыре дня Квартеро не дают выбраться отсюда.

До этого он никогда не был в колонии. Отхватила-таки Испания кусочек Африки. Маленький кусочек большой страны Марокко. И есть теперь испанское Марокко...

Нет, он не завидует тем, кто служит здесь. Жара, унылый пейзаж, эта кажущаяся постоянная нехватка воздуха отчужденность марокканцев...

А сейчас вообще что-то непонятное происходит в городе. Все административные здания сегодня заняли испанские солдаты из Иностранного легиона. В машинах проносятся патрули.

Квартеро лениво шагал раскаленной улицей. В комендатуре было суматошно, Комендант, хмуро глянув на него, бросил:

- Сегодня не полетите. Все! - отрезал. - Завтра зайдите.

Знакомый портье в отеле, полненький, живой, лысеющий, встретил на этот раз обеспокоенным взглядом, протянул листочек. Поверху крупными буквами было написано: "Воззвание". Интересно, что же там такое. Так, "...армия решила вновь восстановить порядок в Испании ...генерал Франко взял на себя руководство движением в испанском Марокко". Ну ясно - здесь крупные воинские силы.

- Говорят, - портье наклонился к нему через стойку, - генерал прилетел сегодня, переодетый арабом, с Канарских островов. Радио передавало сигнал: "Над всей Испанией безоблачное небо". Я сам слышал, а что это сигнал к мятежу, мне сказал знакомый офицер из Иностранного легиона. В метрополии свои центры восстания. От нас сейчас туда готовятся корабли с войсками.

- Понятно, - ответил Квартеро, присвистнув.

Вчера вечером, в половине десятого, когда на середине киносеанса по обыкновению сделали получасовой перерыв, он, как и все, вышел перекурить и чего-нибудь поесть. Направился в сторону почтамта, там было крохотное кафе, где можно выпить прохладного вина и подкрепиться хорошим куском мяса.

Несколько столиков вынесли на улицу - здесь не так было душно. Хотя, скорее, это только кажется. Густой теплый воздух обволакивал, будто стоячая вода. Низкорослые пальмы широко и недвижно раскинули свои ветви, похожие на вееры.

Слева послышался рокот автомобиля. Квартеро отхлебнул из стакана, задержав холодное вино во рту, и. безразлично повернул голову на звук. Грузовик ослепил фарами, пронесся мимо, и в кузове его можно было различить солдат-испанцев.

Чего это они на ночь глядя? - спросил сосед по столику, пожилой, с иссушенным лицом человек, жадно куривший между глотками кофе.

Квартеро пожал плечами и ничего не ответил.

Грузовик проехал еще немного и остановился у почтамта. Квартеро вновь посмотрел туда лишь после того, как там начался какой-то шум. Солдаты стояли неорганизованной группой, офицер кричал на них, угрожающе размахивая руками.

Пахло происшествием, и туда уже потянулись зеваки. Квартеро глянул на часы - до продолжения сеанса оставалось пятнадцать минут - и тоже пошел, подгоняемый любопытством.

- Занять здание! - несколько раз прокричал офицер. Солдаты мешкали, на их лицах отразились растерянность и страх.

- Не нравится мне это, - услышал рядом Квартеро и узнал в говорившем соседа по столику.

- Тут что-то не так, - обеспокоенно отозвались позади.

Зарокотал и нервно засигналил второй грузовик. Он пробился через уже немалую толпу и остановился рядом с первой машиной. Из кабины выскочил молоденький лейтенант, скомандовал. Солдат - а на этот раз приехали марокканцы в своих зеленых тюрбанах - будто сдуло командой на землю. Но следующая команда их также обескуражила.

Лейтенант нервничает, выхватывает пистолет.

- Приказы выполняются! - кричит он тоненьким голосом. - За невыполнение - я стреляю!

Никто этому не верил - ни солдаты, ни в толпе. Но офицерик совсем потерял самообладание. Он неестественно, конвульсивно выбросил руку вперед - и треснул выстрел.

На несколько секунд стало удивительно тихо.

- А-а-а! - взвился над зелеными тюрбанами крик озлобления, и блеснул огонь ответного выстрела.

Началась беспорядочная стрельба. Толпа отшатнулась. Квартеро встал за пальму, чувствуя щекой мохнатый ствол.

Появилась третья машина. Выстрелы, автомобильная сирена, крики, ругань - и вдруг все разом оборвалось.

- Расходись! - бросился начальник третьего грузовика к толпе, которая вновь нахлынула, словно океанская волна.

- Много жертв? - спросил Квартеро, когда капитан оказался рядом.

Форма военного летчика подействовала, и капитан сказал, остывая:

- Два офицера, трое солдат.

- А что все это означает?

- Узнаете... - отмахнулся капитан и тут же побежал от него, вновь срываясь на крик: - Куда? Тут тебе что - коррида?!

Теперь, после слов портье и прочитанного воззвания генерала Франко, Квартеро понял: это были первые минуты и первые жертвы фашистского путча.

* * *

20 августа 1936 года. Мы слушаем политинформацию. Стоим вольным строем, позади мерными тяжелыми шагами расхаживает наш батя - командир бригады Король. Смотрит в землю,

обдумывая что-то непростое.

Политинформацию проводит начальник политотдела.

- ...И вот в 1931 году долгая борьба против монархии завершилась. Короля Испании изгнали. Была установлена буржуазная республика. В 1936 году наметились серьезные предпосылки для более глубоких прогрессивных перемен. Вот тут-то темные силы и всполошились. Реакция подняла военный мятеж, а мировая буржуазия поспешила ей на помощь.

Мы будто видим ту далекую страну Испанию, о которой до последнего времени мало что знали.

- Наша Родина, - продолжал начальник политотдела, - первая подняла свод голос в защиту Испанской республики. Только за шесть дней августа, например, советские рабочие собрали свыше двенадцати миллионов рублей в помощь испанским борцам за свободу...

- А почему на наши рапорты не отвечают? - не выдерживает кто-то в задних рядах.

Командир бригады выходит слева, все поворачивают головы на его густой баритон.

- На рапорты ответят...

Над строем слышится вздох облегчения, но у бати привычка говорить медленно и он еще не выдохнул всю фразу:

- Ответят, когда придет время. А мы-то обрадовались!

- Рапорты - это хорошо. Все хотят помочь республиканцам, но все ли смогут?

Низкие ноты его голоса, кажется, повисли в воздухе, звучат долго, как звук басовой струны.

- Все смогут? - еще раз строго-допытливо спрашивает комбриг, и нам немножко не по себе. Действительно, рвемся, как мальчишки, а вчера два воздушных боя так оценили на разборе - стыд и срам.

- Вот только, пожалуй, тридцать четвертая эскадрилья еще более-менее, - смягчается комбриг. - Там люди с головой.

О, это совсем другое дело. Тридцать четвертая - наша. Своей похвалой комбриг как бы признал то, за что в свое время разносил в пух и прах. Особенно доставалось командиру нашего отряда Гордиенко. В отряд пришло больше половины молодых летчиков, только что окончивших летные школы. Андрей Васильевич работал с ними по своей программе - ускоренной. Ему стали подражать остальные командиры отрядов и эскадрилий.

Высокий, сутуловатый, с хрипотцой в голосе, Гордиенко наставлял коллег по обучению:

- Обстановка диктует иные темпы.

В других эскадрильях с академической размеренностью

"проходили классы". Гордиенко весь курс сжал до предела, не жалел ни себя, ни других. Зажег молодежь своей сверхзадачей, а опытные летчики с азартом поддержали его.

Новички в бригаде еще отрабатывали слетанность в группе, а у Гордиенко молодые пилоты уже выполняли иммельманы, бочки, петли. А тот все поторапливал: работать в воздухе энергичнее, создавать перегрузки, фигуры выполнять стремительнее! Затеяли отработку хитрого маневра: от преследования уходить переворотом на спину, и затем энергичной полупетлей заходить в хвост атаковавшему самолету.

Потом наступил срок проверки молодых. Комбриг занимался этим лично. Вначале заслушал доклады командиров. Гордиенко докладывал последним, а отряд наш на экзамен вышел первым. И получалось так не случайно.

- Как у вас с программой? - спросил комбриг у Гордиенко.

- Программу перевыполнили.

- Перевыполнили?.. Гм... А что это может означать?

- Звенья слетаны. Кроме того, молодые летчики выполняют различные фигуры как в одиночку, так и в составе звена...

- Что?! - густые брови комбрига взлетели вверх. - Я думал, что это "старики" тренируются, а оказывается - юнцы! Да далеко ли до беды! Ведь зеленые еще!

Командир отряда побледнел, но сказал глухо, подчеркнуто медленно и твердо:

- Я исходил из возможностей, они существовали. Я был уверен и теперь уверен - поэтому и докладываю.

- Ну-ну, поглядим, - угрожающе заключил комбриг.

Казалось, что у него палилась кровью не только шея, но и побагровел широкий высоко стриженный затылок.

Наблюдал полеты он молча, рассерженно и потом тоже ничего не сказал. Так молча и ушел. Только с тех пор относиться к Гордиенко стал с заметной, особой уважительностью. И вскоре Андрея Васильевича перевели от нас с повышением...

Мы рвались в Испанию и учились в небе и на земле яростно. Даже в воскресенье просили разрешения летать. Так что Олю я не вижу уже целых полмесяца. В прошлую встречу она спросила:

- Почему друзья зовут тебя Женькой?

- Имя у меня незвучное.

- Очень звучное: Же-ня.

- Вообще-то я и не Женя, а... Емельян. Мать взяла, наверное, из церковного календаря. Потом сама же стала звать Женей, так и пошло. А на самом деле я всего лишь Емельян...

- Емельян - мне нравится, - возражает Оля. - Пугачев был Емельян. И Ярославский... Хорошее имя, серьезное.

И заключила, будто сделала для меня открытие:

- Вот видишь!

Посмотреть бы ей в глаза... Но что поделаешь. Теперь, когда все мы встревожены судьбой республиканской Испании, когда по вечерам жадно перечитываем и обсуждаем сводки, судьба той далекой страны стала для каждого из нас на первое место, а все остальное - и город, так властно звавший нас раньше по выходным, и мысли об отпусках, и манящие прежде живописные берега Тетерева... Все это стало вчерашним днем.

* * *

Квартеро стоял у ангара и, затягиваясь дымом сигареты, наблюдал за тем, что делается внутри. Там заканчивали собирать новенький "юнкерс ". Их везут из Германии под видом металлического лома, а под видом туристов и коммерсантов добираются сюда первые немецкие летчики и инструкторы. Квартеро уже видел их на занятиях по повой технике.

Он курил, мрачно обдумывая, что же произошло в стране. Когда фашисты подняли мятеж, основная часть вооруженных сил оказалась в их руках. Из стосорокапятитысячной армии - сто тысяч. Он и не знал, что его ожидает в Испании. Прилетел - в городе новая власть.

Квартеро глубоко затянулся и продолжал свою думу. Да, мятежники набирают силу. И все же половина Испании продолжает оставаться республиканской. Было время, казалось, что мятеж задавят, сметут. Но вметались Гитлер и Муссолини... Вон как в последние дни повалили к ним итальянские "фиаты", немецкие "юнкерсы" и "хейнкели". И летчики из Германии.

А его от полетов отстранили. Мол, будет создаваться спецгруппа, и он кандидат. Но тут другое. Что он маленький, не понимает, что ли. Просто помнили его симпатии к республиканскому строю. Ладно... Будем зарабатывать доверие. Спасибо, выручает характер. Друзья недаром шутят: "Квартеро, твою бы степенность быкам - тореадоры не оставляли бы вдов".

Он, пожалуй, впервые с уважением подумал о своем характере флегматичность, которая раньше не раз его подводила, помогает теперь держаться, скрывать, что думаешь и чувствуешь.

Вчера вызвал майор: "Будете работать на "юнкерсе", Я специально держал вас для такой машины... "

Прохвост! Держал потому, что боялся оставить на истребителе, А тут не один, тут обеспечен надзор.

- Эй! - позвали его. - Получайте свой тяжеловоз.

Квартеро вошел в плотный и жаркий воздух ангара. Из-под черного брюха "перса" вынырнул маленький, юркий техник Матео.

- Внушительное сооружение, ничего не скажешь, - хлопнул

ладонью по фюзеляжу. - Вместимость - будь здоров! Как вываливать начнет, - не позавидуешь тем, кто внизу.

Не понять было только, как сам он относится к такой способности "юнкерса" забрасывать республиканцев бомбами. Квартеро чувствовал, что за этой бесстрастностью и неопределенностью голоса Матео кроется желание выведать у него, Квартеро, его собственное отношение ко всему этому,

К ангару подходили майор и еще один незнакомый,

- Полетите вторым пилотом, а вот он - первым.

Значит, так и есть... Квартеро оглядел своего нового командира. Высок, сухощав, держится как в строю, вытягивает позвоночник - типичная манера вышколенного строевика. Гражданская куртка ничего не говорила о звании, поэтому Квартеро спросил, как у равного:

- Знакомы с машиной?

Новичку вопрос, а скорее тон, не понравился. Он ответил сухо, с сильным акцентом.

- Прикажите выкатить...

Вчера вечером Квартеро включил приемник. Выступал генерал Сунига: "Мы хотим создать новую Испанию. Германия показывает нам пример. Мы не только восхищаемся Адольфом Гитлером, мы уважаем его... "

Так в открытую славить Гитлера!.. Но ведь всем известно, что произошло в Германии и какой "пример" показывает гитлеровский фашизм.

Жена слушала тоже. Но если Квартеро застыл в отрешенной позе у приемника, то Пакита нервно ходила по комнате, крепко прижимая к груди сынишку, словно его хотели отнять.

- Что творится с нашей Испанией? Чего они хотят? Зачем все это? горячечно спрашивала она. - Говорят о свободе, а кругом кровь, убийства. Как же так?.. На улице поймали человека, кто-то в нем признал коммуниста. Сбежались наши лавочники, рвали его на куски...

- Не делись ни с кем такими словами, - предупредил Квартеро. - А еще лучше - уезжай к матери. Завтра же.

- О господи! - в глазах Пакиты ужас и мольба.

* * *

11 октября 1936 года. Раннее утро. За кораблем остается белый пенный след. Мы с тоской смотрим на него и дальше, туда, где он пропадает. Там Родина.

Грустно...

Нет, грусть не такая, когда хочется повернуть назад. Это - как прощаешься с матерью.

Мы все стоим на палубе, но будто каждый наедине с собой.

Вспоминаю тот день, с которого, собственно, и начался путь. Вернее, тогда тоже было утро. Раннее утро воскресного дня. Разбудил меня стук в дверь. Стучали не так, как при тревоге, а тихонько, боясь разбудить соседей.

- Вам приказано срочно явиться, - объясняет помощник дежурного.

Горсть воды - в лицо, несколько скользящих движений бритвы по щекам и подбородку, форма будто сама взлетела с вешалки и оказалась на мне. А в голове роятся догадки. Что бы это означало? По службе, кажется, все нормально... И явиться, оказывается, надо не в штаб, а в Дом Красной Армии.

- Сюда, - показывает помдеж.

Стучу. Немного растерялся: в такой ранний час все начальство в сборе. И несколько незнакомых. В центре за столом - начальник политуправления Киевского военного округа армейский комиссар второго ранга А.П. Амелин.

Докладываю о прибытии.

- Ваше желание помочь Испанской республике нами учтено. Вы готовы?

- Так точно!

Несколько вопросов: как летаю, в чем чувствую слабость...

- Летчик отличный, - басит комбриг Король.

Так я впервые узнал его мнение о себе.

Сидя на стуле вполоборота и перекинув руку через его спинку, Амелин молча несколько секунд смотрит на меня.

Наконец говорит, предупреждая:

- Борьба предстоит трудная. И, видимо, долгая...

- Я готов.

- Ладно... Двадцать минут на сборы. И - строжайшая тайна.

На улице столкнулся с запыхавшимися Матюниным и Мирошниченко.

- Чего вызывали?

- Срочная командировка.

Бегом домой. Разбудил соседей - техника Сашу Сиренко и его жену. Протянул Наде ключ.

- Уезжаю ненадолго, пусть побудет у тебя. Ерохину пришлось громыхнуть основательно. Наконец он открыл дверь, тараща заспанные глаза.

- Леня, ни о чем не спрашивай. Скажешь Оле... Скажешь ей...

Зачем я к нему пришел! Не надо было.

- Скажешь, что я ее люблю.

- Привет, я ваша тетя, - пожимает плечами Ерохин. - Продекламируешь сам.

Срываюсь по лестнице вниз, оставляя его в недоумении.

Представляю, как бурчит: "Совсем свихнулись. Ссорятся, а логом ищут посредников. Вы себе ссорьтесь, да хоть в воскресенье не будите. А то жизнь проживешь и не выспишься".

Часа через три мощные чернолаковые ЗИСы домчали нас, "испанцев", до Киева. В боковой комнате железнодорожного вокзала мы, летчики-истребители, ожидали московский поезд. Проводить нас прибыл командующий войсками Киевского военного округа командарм 1 ранга Иона Эммануилович Якир. Его умное красивое лицо всегда выражало озабоченность, когда наставлял нас на боевую жизнь, и озарялось весельем, когда хотел развеять нашу скованность шуткой.

- С немцами там придется тоже столкнуться. Я когда-то учился у них в академии Генштаба, присматривался, на что горазды. Теперь вам присматриваться...

Вижу его не первый раз. Бывал у нас, расхваливал за инициативу в проведении дней боевого содружества. В такие дни наши отправлялись в городок к кавалеристам пли те приезжали к нам. Конники показывали свою удаль, выделывали всякие чудеса на полном скаку, рубили лозу и чучела, предлагали попробовать нам. Мы же демонстрировали свое мастерство в воздухе, поднимали в небо и их, а однажды, помню, с разрешения командира спросили: "Может, есть желающие прыгнуть с парашютом?" Они смешались, но, удара по престижу не допустили. Один из лейтенантов подошел к парашютам:

- Покажите, как управляться с этой штуковиной, Инструктор по парашютной подготовке проинструктировал, помог надеть парашют, еще раз напомнил, как следует действовать в воздухе.

- Шпоры-то сними, - спохватились. Он помедлил. Шпоры - это не только шенкеля давать коню, это и особое достоинство кавалериста. Так не разыгрывают ли?..

Внимательно посмотрел на летчиков.

- Можно зацепиться за что-нибудь, - сказал я и одобряюще улыбнулся ему: - Сам понимаешь, лучше без приключений.

Ах, как царственно проделывал он этот ритуал - снимал шпоры! Подумаешь - парашют...

И так же нарочито спокойно взбирался в кабину. И так же потом, после прыжка, не торопясь, отстегнул лямки и снял шлем.

А ведь еще не все из наших решались прыгать. Пример кавалериста был им немым укором...

Не знаю, почему вспомнился мне сейчас этот кавалерист. Но тогда невольно подумалось, что он тоже рвется в Испанию. Может, встретимся там...

Из Москвы путь наш лежал в Симферополь. Жилье определили на окраине, в городке пограничников. Над воротами

висел для конспирации свежий яркий лозунг: "Боевой привет старым чекистам!"

- Ничего себе старые чекисты, - Матюнин хохотнул, оглядев нашу молодую ватагу.

- В каждом предложении, - начал по обыкновению возражать Мирошниченко, - есть главные члены предложения и второстепенные. Главное тут что? Привет! Какой привет? Боевой!..

На другой день дали увольнение. С Виктором и Николаем навестили мою сестру Веру. Она охнула, засуетилась, накрывая на стол. Присели.

- Каким ветром к нам? - вопрос задала с улыбкой, но выдавали глаза, встревоженные и затаенно пытливые. Что-то сердце ее чуяло.

- На соревнования едем в Севастополь, - соврал Николай, но слишком невозмутимо.

Сестра потухла, молча налила в рюмки, подняла свою, дрогнувшим голосом спросила:

- Воевать едете, да?

Наверное, сердце ее совместило все сразу - и то, что в Испании война, и что страна наша активно выражает поддержку республике, и что, наконец, мы - военные...

- Воевать, - с иронической интонацией подтвердил Матюнин. - Я на ринге буду воевать, а вот он - на ковре для акробатов.

И по обыкновению коротко засмеялся.

А Вера поставила рюмку на стол и... заплакала.

... Тянется след от корабля и тает вдали. Все смотрят на него, словно завороженные. И там, куда он уходит, растворяясь, там, на горизонте, появляются три точки. Они разрастаются, и вскоре становится очевидным: катера. Стремительно несутся к нам. А наше тяжелое судно, груженное лесоматериалами, под которыми скрыты ящики с разобранными самолетами, запчастями и емкости с бензином, сбавляет ход.

- По местам! - скомандовал Рычагов.

Это означало, что мы должны исчезнуть. Сам он остался на палубе.

Рычагов - командир нашей эскадрильи, созданной из летчиков разных частей. За эти несколько дней, что все мы вместе, он нам успел понравиться. Невысокий плотный крепыш, крутогрудый, с ясными глазами. Он молод, и потому, видно, нарочито огрубляет голос - для солидности.

Катера подошли. Матросы с нашего судна сбросили трап. На палубу поднялись военные, впереди комдив.

Наш комэск смахнул набок светлую короткую челочку,

подошел, немножко неловкий в своем гражданском облачении, и вытянулся смирно.

Они о чем-то поговорили, Рычагов дал нам знак рукой, чтобы подошли.

- Как настроение, товарищи?

Ответили все сразу, каждый по-своему, но, в сущности, одинаково: настроение что надо!

- Мы не могли пожаловать к вам на пристани. Осторожность не помешает. Лучше так... Вот дали вашему командиру последние наставления... Если кто заболел или по каким-нибудь другим причинам не может ехать, скажите. Всякое ведь случается. После этого рубежа дороги назад уже не будет. Подумайте.

Сами отвернулись, облокотились на леера, разглядывают море, хотя чего там в нем разглядывать? Просто не мешают нам принять окончательное решение. Ведь мы - добровольцы.

- Да нет, - торопимся нарушить неловкую паузу, - все нормально, на здоровье не жалуемся!

- С этого момента, товарищи, начинается ваша заграничная боевая работа. Сейчас вам выдадут деньги, получите оружие - всякое может приключиться. Не исключено, что стычка с фашистами произойдет еще в море...

Разглядываем незнакомые банкноты, подвешиваем к брючным ремням пистолеты.

- В добрый путь! - комдив каждому жмет руку. - Все... Забудьте свои имена. Но ни на миг не забывайте, что вы - советские летчики, советские люди, интернационалисты.

Рычагов проводил его. Комдив вскинул руку в прощальном приветствии.

- Счастливо, товарищи! Счастливо, капитан Пабло Паланкар! - улыбнулся Рычагову,

Катера загудели моторами и понеслись прочь. Долгим взглядом провожали их бойцы-интернационалисты. Среди них был и серб Алихнович. Так было записано в моем документе.

* * *

Отто Крамер, первый пилот "юнкерса", любил откровенные беседы, во время которых говорил преимущественно он сам. Испанский язык Отто немного знал и раньше, а здесь и вовсе наловчился.

Готовились к вылету. Техники осматривали моторы, оружейники подвешивали бомбы, заряжали пулеметы. Отто, сидя неподалеку под переносным полотняным навесом, читал немецкую газету, изредка бросая взгляд на работающих.

- Квартеро! - позвал он. - Хорошие новости. Квартеро возился в кабине. Он спрыгнул на землю и подошел к навесу.

- Немцы и итальянцы будут серьезно помогать генералу Франко. Португалия тоже с нами. Остальные правительства в Европе рассуждают: пусть горит, лишь бы не у нас. Одна красная Россия, конечно, за испанских коммунистов, но она далеко.

Отто перевернул страницу газеты.

- Вам нечего беспокоиться, Квартеро. Если фюрер взялся за это дело... У него жесткая хватка. Когда Муссолини в девятнадцатом году создал первую в мире фашистскую организацию, разве это был настоящий фашизм? Но идею он дал, конечно, отличную. "Фашио ди комбатиментом"... фашио - пучок, связка! - Отто с удовольствием произносил эти слова. - Союз против мирового большевизма. Но только фюрер вдохнул настоящую жизнь в идею фашизма. Я вам говорю, потому что знаю: у него стальной напор. Вы еще не то увидите...

Отто многозначительно поднял палец вверх. Достал сигарету, чиркнул зажигалкой.

- А вот интересные подробности об испанских большевиках: "Народные милиционеры получают талоны с надписью: "На одну девушку", Такой талон стоит от одной до двух песет и является официальным разрешением... " Ну, ясно?

Он засмеялся.

- Да, - отозвался Квартеро, чтобы не молчать, - у них там бог знает что творится.

- Германия очень довольна развитием событий в Испании, - продолжал Отто. - Что вы скажете насчет заголовка: "Совсем как у нас"? Приятное совпадение... Послушайте: "Гораздо более жестоко, чем у нас, уничтожены и вырваны с корнем марксистские партии вплоть до самых мелких своих ячеек. За каждым домом, за каждой квартирой, за каждым учреждением ведется постоянное наблюдение и надзор. Принцип современного национализма "противник не существует или же он уничтожается" проводится до конца. Совсем так же, как у нас... "

Квартеро глянул на небо. Полет состоится. В эту пору года дождей, как правило, не бывает.

Отто сложил газету, не спеша, с удовольствием затянулся несколько раз.

От самолета к самолету сновала машина - это майор проверял готовность. Окинул взглядом и их "юнкерс ", но Квартеро сразу почувствовал, что подъехал он не за этим.

- Сегодня поведете вы, - обернулся к Квартеро и произнес с фальшивой будничностью в голосе. - Вторым пилотом сядет вот он.

Вышедший вместе с ним из легкового автомобиля незнакомый летчик чуть наклонил голову и назвал себя:

- Хименес.

Отто даже бровью не повел, не проявил интереса. Стало быть, знал.

Когда занимали места, штурман Эрнандес вопросительно глянул в лицо первому пилоту.

- "Как договаривались", - незаметно кивнул Квартеро.

Впереди было около получаса монотонного полета, Квартеро несколько расслабился. Его крупные руки спокойно лежали на штурвале. Думал об Отто. Очень образованный, интеллигентный. А бывают минуты - что-то нечеловеческое в лице. Когда бомбы летят на Мадрид и Отто, чуть покачивая машину, старается лучше разглядеть следы бомбежки, глаза его загораются наслаждением сумасшедшего.

Город беззащитен. В последнее время вообще не попадается ни одного республиканского истребителя. "Наши "хейнкели", - объяснял Отто, - всех их перемололи". Еще и пошутил: "Вот теперь действительно над всей Испанией безоблачное небо".

Показались отдаленные контуры мадридской окраины. Армада стала разворачиваться, чтобы выйти по центру города. Квартеро подался телом вперед, всматриваясь в четкую геометрию планировки города. Он видел, как от первых "юнкерсов" оторвались черные капли бомб. По сторонам повисли редкие дымки зенитных разрывов.

Второй пилот все чаще бросал на него взгляд.

И тут Квартеро увидел то, что искал. Да, там сейчас, пожалуй, никого нет. Увидел, наверное, и Эрнандес, потому что попросил подправить курс. Затем самолет вздрогнул и подскочил вверх - бомбы оставили его чрево...

Едва приземлились, техник Матео передал им приказание: всем экипажем явиться к командиру.

Тон майора был решительным:

- Вы отклонились и бомбили парк. Как вас понимать?

- Там я заметил батарею. Чем бросать бомбы просто на дома или куда попало, мы решили подавить военный объект.

Майор недоверчиво перевел взгляд на Хименеса. Второй пилот угодливо подался всем телом вперед и, часто заморгав глазами, подтвердил:

- Да, очень сильная батарея, господин майор.

Самая длинная ночь

Ночь темная, зловещая. Все притаилось - ни звука, ни огня. Эта ночь может быть последней...

Франкистские радиостанции объявили, что завтра войска каудильо будут маршировать по мадридским улицам.

Город будто вымер. За закрытыми ставнями, за плотными

шторами, в удушливо давящих кубах квартир - оцепенение.

Война идет на юге и на севере страны, но здесь, в центре, - сердце, здесь Мадрид. Здесь самый решающий участок борьбы. Сломать оборону республиканцев, ворваться в город, возвестить о победе - для франкистов дело необычайной важности. И сделать это необходимо до 7 ноября.

Ведь взятие города в день русской революции, которую коммунисты всего мира признали открытием повой эры, своим знаменем и примером, было бы таким мощным "двойным" ударом!

Разработан даже ритуал. Генерал Мола - его войска осаждают Мадрид будет на белом коне, одиннадцать оркестров воспоют славу победителям, на центральной улице девицы из вспомогательной службы угостят солдат кофе и булочками. Назначено место торжественного парада.

Вчера вечером радиостанции Лиссабона ж Рима поспешили сообщить: "Мадрид в агонии", "Передовые части освободителей - в городе... "

Такую картину нарисовал нам Саша, наш переводчик, только что вернувшийся из Мадрида. Мы, конечно, не представляли всех подробностей, но главное знали. Знали, что прошедший день и эта ночь - пик событий для республиканской Испании за все время гражданской войны. Пик, за которым может сразу последовать пропасть...

Саша волнуется.

- Через Мадрид весь день текли толпы беженцев. Что творилось! Говорят, правительство тоже неожиданно уехало. Сейчас единственная организующая сила в городе - коммунисты.

Слушаем его с мрачным настроением.

- Мадрид не отдадут, - уверенно говорит Рычагов. - Мы ведь сами видели, когда были в Альбасете: там формируются интернациональные бригады. Они скажут свое слово. - Обвел всех спокойным взглядом. - А мы должны сказать свое. Сегодня неплохо поработали.

- Если бы вы знали, какая слава идет о вас, даже несмотря на всю кутерьму.

- Слава нам ни к чему, - останавливает Сашу Рычагов. Не любит Пабло Паланкар, когда его перебивают. В любом случае его речь - это речь командира. Но Саша еще не привык, не знает характера капитана Пабло, да и человек он сугубо гражданский. Хотя к военным кое-какое отношение все же имеет: его отец - русский царский полковник, эмигрировавший во Францию. Саша приехал сюда из этой страны, очень просился свести его с советскими людьми. Гордится не понятой его отцом Россией и

тем, что может теперь послужить ей. Он владеет французским, испанским, естественно, русским, и просто незаменим.

- Слава ни к чему, - повторяет Рычагов. - Надо побольше сбивать. Сбивать и сбивать! С рассветом для нас тоже, может быть, начнется "наш последний и решительный бой", А в бой надо идти не издерганным, неожиданно заключает он, - поэтому спать! Спать!

Единственный приказ, который нам не выполнить. В эту ночь нам вряд ли уснуть. Но все же приказ есть приказ - расходимся.

В комнате мы живем втроем - Матюнин, Мирошниченко и я.

- Вот негодяи! - неразговорчивый Николай Мирошниченко добавляет этими словами столько настроения.

Действительно, во всей ситуации есть что-то особенно несносное для нас, глубоко оскорбительное.

- И какой день выбрали, а! - негодующе говорит Виктор. - Видишь, чего захотели, - именно седьмого ноября. Ну погодите, мы еще сведем с вами счеты!

Ложимся, не разбирая постелей и не раздеваясь. Время от времени один из нас обронит слово, второй закурит, третий встанет, подойдет к окну и надолго застынет там, вглядываясь в чернильную темноту ночи.

В голове у каждого рой мыслей. И каждому припоминается все, с самого начала...

Был вечер. Наше судно подходило к испанскому берегу, Солнце уже скрылось за горизонт, и в сумерках ярко полыхало пламя: порт бомбили, горели склады.

Неширокая полоса воды отделяла нас тогда от материка,

Здесь уже шел бой, а нам нужно было еще добраться от порта Картахена до городка Мурсия, собрать разобранные самолеты, облетать их и опробовать оружие.

Мурсия по сравнению с пылающей Картахеной показалась нам тихим райским местечком. Она будто дремала в тени деревьев, но нередкие руины и выщербленные мостовые напоминали нам, что мы все-таки на войне.

Жители провожали автомашины со странными большими ящиками любопытствующими взглядами. Внимательно всматривались в наши явно не испанские лица.

За городом быстро разрасталось новое необычное поселение. Обозначались сборные площадки, места для хранения горючего, боеприпасов. Среди нас, добровольцев, слишком мало было авиационных механиков и техников. Положение спасали только их энергия и предприимчивость. Они то и дело проворно сновали между автомашинами с ящиками и тюками, объясняли жестами республиканцам, что надо делать в первую очередь. Работа шла

полным ходом. Испанцы были необычайно возбуждены. Мы то и дело ловили их восхищенные взгляды на новеньких, словно обсыхающих на солнце самолетах и благодарные на себе.

Мы все очень торопились. Но и в этой буче выделялся Пуртов, Этого обычно молчаливого и чуточку флегматичного парня сейчас было не узнать: он буквально носился по аэродрому, стараясь всюду успеть.

Однажды вечером, когда автобусы доставили нас в городские старые казармы, где мы поселились, нам было приказано собраться в большой комнате и ждать.

Вошли трое. Двоих из них мы сразу узнали. В комбинезоне, с непокрытой головой, с черным пышным вьющимся чубом, крупный, неторопливый - генерал Дуглас. Иначе - Яков Владимирович Смушкевич, ставший здесь советником начальника ВВС Испанской республики. Другой, плотный, среднего роста, с веселыми глазами - полковник Гулио, он же заместитель Смушкевича по истребительной авиации - Пумпур. Имя третьего генерала мы узнали после того, как его представил нам Дуглас:

- Начальник республиканской авиации товарищ Игнасио Идальго де Сиснерос.

Худощавый, с впалыми щеками, с усиками над чуть вздернутой губой, испанец снял берет, поправил рукой седоватые волосы. Начал говорить:

- Я рад познакомиться с советскими летчиками. Мы вас очень ждали, товарищи.

Замолчал, дожидаясь, когда переведут,

- Страна Советов протянула нам руку помощи в самое трудное для нас время. Очень трудное! Честно скажу, друзья. На днях я вынужден был отдать приказ, который в устах командующего ВВС звучит парадоксально. Я сказал: "Поднять в воздух истребитель". Потому что у нас оставался всего один боеспособный самолет. Франко получает щедрую помощь от Гитлера и Муссолини, к мятежникам сплошным потоком идут новейшие самолеты. Положение для нас складывалось трагическим образом.

Сиснерос закурил, сделал несколько глубоких затяжек, в то же время пристально разглядывая нас.

- Мы пытались купить что-нибудь за границей, США за золото получили около двадцати машин гражданского типа, Они уже были отправлены сюда, но когда американское правительство узнало об этой покупке, оно велело военным кораблям догнать транспорт с нашим грузом и возвратить. Во Франции - та же история. Всего несколько самолетов успели переправить, а вооружение к ним правительство задержало... Только родина

Октябрьской революции без промедления откликнулась на наш зов о помощи.

Мы невольно расправили плечи: ведь ответственность за судьбу нашей страны ложится и на каждого из нас, - продолжал Сиснерос. - Мне трудно передать мое волнение, ведь помощь прибыла. И я хочу сделать официальное признание: и русская техника, и русские летчики превосходят все мои самые оптимистические ожидания.

Он понизил голос - было заметно, как этот человек растроган, - и заключил:

- Я благодарю вашу страну и вас, друзья!

Через несколько дней нашего полку прибыло. Мы тогда уже облетывали машины, и вдруг показался неизвестной марки самолет. В воздухе было двое наших, хотели атаковать, но "чужак" всем своим поведением выказывал миролюбие. Зашел на посадку, пробежался по полю, подрулил поближе к самому людному месту. Здесь как раз собрались незанятые на полетах, чтобы послушать Антона Ковалевского. Он и еще несколько летчиков прибыли в Испанию раньше нас, добирались сухопутным путем через несколько границ. Здесь вошли в состав 1-й Интернациональной эскадрильи, уже успели побывать в боях. Достались им старые республиканские самолеты, иные из них еще летали в первую мировую войну, но что было делать? Ковалевский умудрился другого слова тут не подберешь - сбить троих фашистов.

Разговор наш оборвался, конечно, все теперь смотрели, что это за таратайка, как успел окрестить прибывший самолет Матюнин. На крыло вышел летчик.

- Внушительный организм, - с уважением сказа, Виктор Матюнин.

- Гедес! - обрадованно позвал Ковалевский.

- Капитан Казимир! - с удивлением откликнулся тот.

Они сошлись - оба рослые, крепкие, - пожали рук: захлопали друг друга по плечам, как давние друзья-забияки. Тут мы узнали, что Антон к тому ж умеет сносно говорить по-французски,

- Доброволец, коммунист, - объяснил нам капитан Казимир, когда отвел француза к Рычагову и вернулся. - У него предписание проверить, как наши летают.

Гедес пробыл день, наблюдая за полетами, иногда восхищенно покачивал головой, когда летчик завершал испытательный облет машины каскадом сложнейших фигур.

Вечером его таратайка с трудом вскарабкалась в небо, но наутро он появился вновь, да еще с другими. Стали нам представляться:

- Дори.

- Костането.

- Анри...

А Гедес с улыбкой объяснил Ковалевскому:

- Я доложил, что советских летчиков нечего инспектировать, надо бы самим идти к ним на выучку. Вот мы и здесь.

Так группа французов влилась в нашу эскадрилью.

Неподалеку распаковали ящик с одеждой. Кожаные куртки, новенькие шлемы заинтересовали иностранцев.

- Ребята, переоблачим гостей! - озорно призвал Матюнин.

Веселая ватага наших парней окружила французов. Через пять минут они были неузнаваемы.

- О, фото! - вспомнив, щелкнул пальцами Дори, и Костането метнулся объяснять кому-то, чтобы принесли его фотоаппарат.

Для оригинального снимка чего-то явно не хватало. Конечно, местного колорита! Подвели упирающегося мула. Дори в летных доспехах важно уселся на него. Фотограф усердно щелкал фотокамерой, а все вокруг весело смеялись, зрелище действительно было забавное.

- Ладно, давайте работать, - недовольно напомнил Пуртов и первым пошел к самолетам.

- За окном - опять ночь. Матюнин прикуривает от догорающей папиросы новую.

- Альто! Стой! - слышится за окном оклик часового. Наверное, смена.

Страшная усталость, но ничего нельзя поделать: сон не придет. Что там сейчас, за три десятка километров, в городе, приковавшем взоры всего мира, - в Мадриде? Как дерутся наши ребята-танкисты, которые прямо с корабля пошли в бой, защищая сердце республики?..

Вскоре пришел и наш черед. Двух республиканских бомбардировщиков "потез" стали догонять истребители - "хейнкели" и "фиаты". Две старые французские калоша против четырнадцати.

Нам немедленно сообщили об этом. И вот двенадцать советских истребителей мигом взвились в небо и пошли наперерез. "Хейнкели" и "фиаты" оставили "потезы". Похоже, фашисты даже обрадовались, что есть добыча поважнее, лихо развернулись и устремились нам навстречу. Мы плотным строем, крылом к крылу пошли в лобовую атаку. Я чувствовал, как нога подрагивает на педали, а спине стало мокро и жарко.

Они не выдержали сближения, рассыпались, тут рассыпались и мы, вцепившись каждый в своего врага. Загрохотали пулеметы. Почему-то я плохо стал видеть. То ли от резких маневров, то ли

от нервного напряжения, не пойму, но бой для меня протекал, как в тумане. Единственно, о чем помнил, не зазеваться, успевать смотреть во все стороны. Заметил: слева удирал, карабкаясь вверх, "хейнкель", а наш - по номеру узнал Рычагова - вцепился в него мертвой хваткой и рубанул очередью. Впереди задымил еще один. Я стрелял, по мне стреляли, увертывался, и от меня увертывались, догонял, ускользал и все опасался просмотреть или оторваться далеко от своих. Как-никак - первый бой... На вираже в поле зрения мелькнуло: падает наш дымящийся И-15. Но кто - по номеру не вижу. Далеко. Почему не прыгает?..

Франкисты выходили из боя, уносясь подальше и кто куда.

В этот бой нас водил Пумпур. Вон его самолет, делает горку - сигнал сбора.

Летим на свой аэродром. А кто-то не вернется. Ни на аэродром, ни в тот уголок России, где его крыльцо, где ждут и не знают пока того, что его уже нет...

После посадки, разгоряченные боем, приходим в себя, подбиваем бабки. Нет Пуртова. Скромного и очень целеустремленного парня. И я с неприятным чувством думаю, что не могу вспомнить его облик. Помню, что было у него мальчишеское и вместе с тем очень серьезное лицо, а вот черты не воскрешаются...

Почему же так получилось? Наверное, вот что: слишком он торопился взять свое. Оторвался, увлекся, никто не подстраховать.

Об этом, наверное, размышлял и генерал Дуглас. Поздно вечером он собрал всех на разбор.

- Пуртова могли не потерять... Надо действовать звеном, а не каждый сам по себе...

На ошибках учатся. Но теперь ошибки слишком дорого стоят.

Командный пункт Дугласа на самом высоком здании Мадрида - небоскреб "Телефоника". Там облюбовали себе место и артиллеристы, оттуда видно на многие километры вокруг, оттуда по телефонным проводам бегут к нам торопливые слова целеуказаний. Их принимают. Затем ползет, шипя, в небо ракета. И вот растревоженным ульем суетится и гудит аэродром, один за другим отчаянно спешат подняться в небо истребители. Пока мы собираемся в группу, на земле успевают выложить белую полотняную стрелу: знак, куда лететь, чтобы встретить врага.

Тогда, завершая разбор первого боя, Смушкевич сказал:

- Мы располагаем сведениями, что у фашистов переполох. Они надеялись встретить слабого противника. То, что появились какие-то новые марки самолетов, их не смущало. Но их здорово потрепали: четыре сбитых против одного у нас плюс позорное

бегство. Фашисты привыкли хозяйничать в небе, вот гонор и взыграл - готовятся взять реванш. Что нам надо помнить? Мы сильнее на вертикалях. Используй свое преимущество - и победа твоя...

На следующий день после первого воздушного боя вновь сигнал тревоги поднял нас в небо, стрела на земле указывала в направлении того же района. Похоже, "хейнкели" и "фиаты" специально поджидали. Они как-то даже охотно развернулись в нашу сторону. Я быстро подсчитал - опять больше чем нас. Сегодня чувствую себя увереннее - побили мы их вчера! Да и каждый поразмыслил над вчерашним, в голове цепко засело: держаться друг друга, подстраховывать, навязывать бой на вертикалях.

И вновь началось... Четыре "хейнкеля" распрощались с небом навеки. Задымил и наш. Вот летчик вываливается из кабины, вот отдаляется от своей машины, за ним тянется бесформенная масса парашюта, наполняется воздухом и... плывет в сторону от летчика. А его живое тело понеслось в бездну, к земле.

Смерть всегда, говорят, нелепа, но такая...

Молчаливо сошлись после боя, присели на землю под деревьями. Погиб замечательный наш товарищ, Ковтун.

Стали вспоминать. Не любил Костя всего стесняющего движения застегнутых на шее пуговиц, затянутого ремня, галстука переносить не мог. Может, это и подвело его? Может, не застегнул нагрудный карабин, когда сел в кабину, чтобы парашютные ремни не мешали? Скорее всего, так и было.

6 ноября был третий по счету воздушный бой. На сей раз над самим Мадридом в критический для юрода и всей республики день.

... Привычно завопили сирены. Люди шарахнулись с улиц. Тысячи беженцев втиснулись в подъезды, прижались к стенам. С запада наползала армада фашистских бомбардировщиков. "Юнкерсы" шли тяжело, над ними висели истребители.

Город был беззащитен. Вот уже много-много дней он стоял раскрытый, словно приговоренный к расстрелу со связанными руками.

Первые бомбы загрохотали в парке Каса дель Кампо, по краю которого проходила линия обороны. Следующая серия рванула в центре...

И вдруг - на земле это скорее почувствовали, чем поняли, - что-то произошло. К мерному рокоту безнаказанных "юнкерсов", неспешно делающих свою варварскую работу, примешался еще какой-то звук - натянутый, звенящий, торопливый. В массу черных стервятников вонзились новые, неизвестные раньше

двукрылые самолетики. Бомбы перестали рваться, а над городом в поднебесье поднялась трескучая пальба пулеметов.

Такого еще никогда не было. Любопытство сильнее предосторожности. Горожане стали выглядывать из окон, выбегать из подъездов на улицы. Осмелев и приободрившись, тысячи людей по всему городу стояли, задрав головы к небу. Еще бы, там такое творилось!

Маленькие, юркие, проворные крылатые машины дерзко и смело набрасывались на ненавистные франкистские самолеты.

Бомбардировщики поспешно исчезли. Но бой продолжался уже между истребителями. Небо, казалось, стонало от надсадного гула моторов. Во все стороны неслись огненные брызги очередей. Самолеты, те и другие, метались вправо и влево, низвергались вдруг вниз или стремительно забирались под самые облака. Вот один, будто натолкнувшись на невидимую преграду, перевернулся на спину и штопором пошел к земле. Вот второй, распустив черный шлейф дыма, резко стал терять высоту. Третий... Шестой...

Это невероятно! Девять фашистов на глазах всего Мадрида получили по заслугам. Девять. А маленькие самолеты - такие великолепные маленькие самолеты! - не потеряли ни одного. Вот они, упруго покачивая крыльями, словно успокаивая себя после потасовки, сходятся в строй и гордо проносятся над городом по кругу, летят, наклонясь, показывая свои республиканские знаки.

- Наши! - шумят улицы. - Ура! Наши! У самолетов передняя часть как бы чуть вздернута. И кто-то восторженно закричал:

- Чатос! Курносые!

- Чатос!.. Чатос! - разносится повсюду, как эхо.

И в этих возгласах - надежда и уверенность. Женщины плакали, молились, благословляли своих спасителей. Мужчины возбужденно закуривали, радостно обсуждая такое небывалое событие.

- Курносенькие!..

- Это советские, - высказывает кто-то догадку. - Я уже видел танки из России...

- Вива Русия!

- Вива!

Саша-переводчик, прибыв на наш аэродром, возбужденно рассказывал нам о том, как реагировал Мадрид, и мы были растроганы, взволнованы этим событием.

Через много лет мы с таким же волнением прочитаем строку Долорес Ибаррури: "Описать этот момент невозможно. Единодушный крик радости, благодарности, облегчения, вырвавшийся из тысяч сердец, поднимается с земли к небу,

приветствует и сопровождает появление в небе нашей родины первых советских самолетов, бдительных часовых, преграждающих дорогу врагу.

Это советские самолеты! Наши! Наши!

В один миг далекая страна социализма настолько приблизилась к сердцам наших бойцов, наших женщин, наших мужчин, что кажется, нет больше гор, границ...

Охватившее всех чувство близости с Советской страной, лучшие сыны которой, приняв участие в нашей борьбе, проявили подлинный героизм и пролили на испанской земле свою кровь, во много раз усилило боеспособность и сплоченность республиканских сил",

О Мадрид тридцать шестого года! Дни и ночи слились в единое время борьбы. Нам, "испанцам", и сейчас слышится могучая поступь республиканских отрядов по брусчатке мостовых... Шаги приближаются, звучат громче. Вот кто-то затянул "Интернационал". Его подхватили, он призывно, словно набат, загремел в гулких, темных коридорах улиц. Идут рабочие Испании. И вот-вот, закончив формирование, подоспеют колонны первых интербригад. И в первых шеренгах - коммунисты.

... Как медленно она тянется, эта самая длинная ночь с 6 на 7 ноября. В нашей казарме слышатся шаги. Они затихают где-то в дальних комнатах первого этажа и вновь оживают на крыльце.

- Альто! - встречает их обеспокоенный окрик.

- Свои, - негромко откликается Рычагов.

Далеко отсюда страна, которую ты называешь с большой буквы Родиной, готовится к иному событию. На Красной площади выстроились войска, радостные и возбужденные, собираются рабочие в заводские колонны. Повсюду - алые флаги, радостные, счастливые лица... Утром в наше общежитие пришел капитан Пражевальский, комиссар эскадрильи.

- Друзья! Поздравляю вас с праздником Великого Октября!

Слова привычные, но капитан заметно взволнован, его настроение передается нам.

- Вы уже знаете, - продолжает он, - что именно сегодня Франко назначил своим войскам взять Мадрид. Этим он намерен омрачить всемирный праздник революции. Сегодня, может быть, решается самое главное. Мы - коммунисты, мы - полпреды первой в мире страны социализма. И здесь, в Испании, это все - и друзья и враги - должны почувствовать...

Маленький наш митинг закончен. Говорить долго некогда. Идем к самолетам. Уже совсем светло. Замечаю возле кабины своего "чатос" красный бант.

Техник Шаблий аккуратно расправляет его яркие лепестки,

говорит мне:

- Сегодня в бой - как красногвардейцы в дни Октября.

Небо кипит

Весь день 7 ноября были в воздухе. Весь день - конвейер одна часть эскадрильи дерется над Мадридом, вторая спешит заправить самолеты бензином, снарядить боекомплектом.

С высоты порой замечали, как по рокадным дорогам шли танки. Наши танки, с нашими смоленскими, харьковскими, минскими ребятами. Танки переползали с одного участка мадридской обороны на другой, чтобы появиться, вмешаться в дело то тут, то там, переломить обстановку, создать видимость большой массированной силы.

Летчики повторяли тактику танкистов, с той лишь разницей, что летчиков еще более вынуждал к этому противник. Франкистская авиация шла нескончаемым потоком. Приходилось круто! Всего три десятка советских пилотов беспрерывно метались из боя в бой. И лишь с приходом сумерек идем окончательно на посадку и, зарулив на стоянки, буквально вываливаемся из кабин.

Рядом с моим пристраивались самолеты Матюнина и Мирошниченко. Виктор тяжело приподнялся над козырьком, с трудом разгибая спину, сказал: "Ух, черт, сковало всего... " Так и стоял он несколько секунд, откинувшись назад, подняв к небу лицо. В голубоватых сумерках оно казалось отлитым из свинца.

- Вылазь! - окликнул он Николая, но тот не пошевельнулся, продолжал сидеть в кабине, склонив к приборной доске отяжелевшую голову.

- Ты что! - обеспокоенно вскрикнул Виктор, - уж не ранен ли?

- Живой я, - почти со стоном откликнулся Николай. Глаза его на худом лице еще глубже впали.

Подошел Артемьев. Сухие побелевшие губы его нервно подрагивали в улыбке. Был он какой-то необычный, издерганный, что ли.

- Ну, Женька! - еще за десяток шагов сказал он. Приблизился, развел руками: - Ну, Женька!

Матюнин посмотрел на него, хотел, по обыкновению ввязаться с какой-нибудь шуткой, но только устало махнул рукой; ладно уж, мол...

- Ну, брат, спасибо! - Артемьев обнял меня. - Я как увидел, что он у меня на хвосте, - все, думаю, амба. Такое ощущение, будто нож в спину, Никуда не деться. Вдруг смотрю - пропороло его очередью, отшвырнуло в сторону а на его место наш выскочил. На борту вижу тридцать второй - твой номер. Ничего не хотелось. Ни говорить, не слушать.

- Ладно, - говорю, - в следующий раз ты меня выручишь.

Усталость валит, с ног. Сейчас бы упасть на землю, провалиться в сон.

Николай тискает меня, благодарит.

Трава - разве это трава? Рыжая, высушенная солнцем, жесткая, как щетина.

Неподалеку вразброс, в одиночку, по двое, по трое приходили в себя летчики: кто сидел, согнувшись, сгоняя на миг сумерки с лица вспышкой папиросы, кто лежал, обессиленно распластавшись.

Появился Саша-переводчик.

- Товарищи! - он всегда с особой интонацией произносил это слово. Пойдемте, уже пора.

Саша ходил между нами, словно пушкинский Руслан на поле отшумевшей брани.

- Товарищи, вас ведь ждут...

Переводчик наш с виду - совсем юноша. Ему чуть больше двадцати, он по сравнению с нами чистенький и свежий. Саша полон сил, интереса и нескрываемой любви к нам. Его непокрытая русоволосая голова склоняется то над одним, то над другим:

- Устали? Может, попить? Хочешь, массаж устрою?..

В ответ только качают головой: ничего, мол, не надо.

Даже неутомимый Рычагов сдал. Вот он сидит, прислонившись спиной к колесу самолета, отрешенно глядя поверх всего земного.

- Есть новости? - наконец подает кто-то голос.

- Приемник слушал, - отвечает Саша. - Передачу из Бургоса. Там Франко свою столицу учредил... С утра хвалились успехами. В середине дня стали ссылаться на упорное сопротивление. Непонятно, говорят, откуда у коммунистов появились танки и самолеты. А к вечеру совсем скисли...

- Еще не так скиснут...

- Ну пойдемте! Ужин стынет.

Саша чего-то недоговаривал, это было видно по его лицу. В столовой повар Базилио наверняка что-нибудь придумал.

- О! - воспрянул Артемьев. - А я-то думаю: чего для полного счастья не хватает. - Хлопнул ладонью по животу.

- Ладно, пора, - произносит Рычагов и первым тяжело поднимается.

Шли медленно, молча. Еще не стемнело, еще четко белел поодаль замок сбежавшего маркиза, где мы жили. Справа от него длинной густо-темной полосой тянулся сад, днем он ярко желтеет мандаринами и апельсинами. Мы прошли поле, гуськом

перешагнули по мостику через небольшую речушку, и вот ноги ощутили гладкую, выстланную крупным песком дорожку, ведущую к белым колоннам парадного подъезда.

Пока мылись, меняли одежду, пропитанную остывшим уже потом, Саша ходил за нами, загадочно поторапливая:

- А повар сегодня в ударе. Базилио утверждает: главное в том, чтобы человек поел вовремя.

В столовой ослепила белизна скатертей и яркость цветов на столах. Да сегодня же и есть праздник, и, судя по всему, тут нас ожидает тот сюрприз, от соблазна раскрыть который удержался Саша.

На стене алело полотнище с белой строчкой: "Да здравствует 19-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!". Изредка показывалось в дальнем конце комнаты жаркое улыбающееся лицо Базилио. Можно было представить, как постарался шеф-повар. Он успел полюбить всех нас и гордился своей близостью к советским летчикам.

Постепенно исчезала давящая тяжесть усталости, и на душе становилось просто и спокойно, как обычно бывает дома после дальней дороги.

- Как это тебе, Коля, нравится? - спросил Матюнин, склонив голову и сияющими глазами оглядывая стол.

- Люблю цветы, - мечтательно ответил Мирошниченко и смущенно улыбнулся, словно признался в тайной слабости. - Цветы - лучшее украшение...

- Лучшее украшение стола - бутылки, - перебил Виктор и засмеялся громко и бесцеремонно, в предвкушении удовольствия потирая ладони.

- У моего отца был знакомый, на тебя похожий...

- На меня нет похожих, - опять перебил Виктор.

- А этот был похожий, - с мягкой упрямостью продолжал Николай. Ну начинается!

- Смотри, ожили! - с веселым изумлением сказал мне Артемьев, показывая глазами на друзей. - Я-то думал, что на сегодня у них уже не хватит сил заниматься любимым делом.

Рядом Ковалевский, помогая руками, азартно обрисовывал момент боя:

- Я, значит, бац, выскочил за облака и резко свернул, но и они за мной. А один зазевался... Повернулся к нашему столику:

- Матюнин, это ты срезал желторотика?

У франкистов много молодых летчиков - испанцев и немцев, мы уже в третьем бою по летному почерку научились отличать их от бывалых и прозвали желторотиками.

- Пусть не глядит в одну точку, - небрежно ответил Виктор.

В двери появился плотный, словно литой Пумпур, он в черном берете и обычной, совсем не праздничной рубахе. Снял берет и сразу взял власть над залом:

- Товарищи, внимание!

Шум стих, все повернулись.

Входит женщина и следом - генерал Дуглас - Смушкевич. Он приглашающим жестом дотрагивается до ее локтя. Женщина высока и стройна, в длинном черном платье. Волосы гладко зачесаны назад и там взяты в тугой узел. Ей около сорока. Глаза щурятся от света и в то же время внимательно быстро охватывают зал и наши лица.

Несколько секунд она стоит так, встали и мы, она делает легкий поклон и неторопливо идет через зал, здороваясь кивком головы направо и налево.

- Долорес! - шепотом передается от столика к столику.

Раздаются дружные аплодисменты.

О ней мы наслышаны. Дочь горняка, она с молодых лет посвятила себя рабочему движению, выступала в печати под именем Пасионария, что значит Пламенная. Редактировала коммунистические газеты. В прошлом году избрана кандидатом в члены Исполкома Коминтерна. Секретарь ЦК компартии Испании. Вместе с генеральным секретарем Хосе Диасом - самые популярные личности среди рабочих.

Обо всем этом подробно рассказал нам недавно Михаил Кольцов. А вот и он - сухощавый, в круглых очках с тонкой металлической оправой. Известный всему миру журналист "Правды", основатель "Огонька" и "Крокодила", с нами он держится по-товарищески, запросто, и многие зовут его просто Мишей. Тем более что к авиации он имеет особое отношение, - сам летал, организовывал знаменитые перелеты. Когда прибыли в Испанию, Кольцов сразу же появился у нас, и теперь нередко наведывается. Все уселись, Долорес осталась стоять.

- Дорогие мои! Так много хочется сказать вам сегодня. О вашей замечательной стране, о вас, ее замечательных сынах...

Наверное, она не умела, не могла говорить обыденно. Говорила, как и жила, - энергично, горячо. Обрисовала положение республики, не скрывая его предельной напряженности.

- Теперь мы не одни, и поэтому силы наши удесятеряются. Но пасаран! Они не пройдут!

Это ее лозунг, это она окрылила им республиканскую Испанию.

... Гости торопились. У выхода Долорес задержалась, вспомнив:

- У вас уже есть имя. Курносыми зовут вас в Мадриде. И еще

мы назовем вас так: эскадрилья "Прославленная"...

* * *

До ноябрьских боев над Мадридом наша эскадрилья располагалась в Мурсии - здесь рождалась она из своего походного "разобранного" состояния. Оттуда мы перемахнули в Альбасету, уступив свое место новой группе прибывших эскадрилье Тархова. Собравшись, они тоже перелетели в Альбасету, там какое-то время жили вместе. В труппе Тархова - капитана Антонио истребители И-16, однокрылые, по тем временам скоростные. Мы летаем на И-15, скорость у наших меньше, но зато они проворнее, резвее, как стрекоза.

Тарховцы заметно гордятся своими "ишачками" - последнее слово техники.

Есть у них один парень, Володя Бочаров, - виртуоз. Не так давно, когда к нам прибыла группа американских летчиков, он показывал им возможности И-16 в воздухе,

А перед этим полковник Хулио - сдержанный, невозмутимый Пумпур, закончив короткий рассказ о новом советском истребителе, поискал глазами кого-то, поманил рукой.

От группы наших ребят отошел летчик, на ходу надев; шлем. Американцам представился:

- Хосе Галарс.

Пумпур знал, кому доверить полет: Бочаров служил в той же прославленной Витебской авиабригаде, откуда были и Смушкевич, и сам он, Пумпур.

Хосе-Володя легко, с подчеркнутым шиком сел в кабину, бросил очки со лба на глаза.

Летчику нетрудно узнать почерк мастера. Я тоже летал на И-16, но теперь мне казалось, что у Бочарова он и разбегается как-то быстрее, и оторвался от земли раньше обычного. Оторвался - и сразу круто пошел вверх. Я было подумал, что мотору не вытянуть. Но мотор вытянул. Бочаров положил самолет на крыло, по спирали забирая все выше и выше. Сделал несколько фигур, и все у него выходили изящно и стремительно. Но вот он вдруг низвергся в крутом пике вниз. Пора выходить, давно пора, а он тянет. Николай Артемьев беспокойно посмотрел на меня и... с облегчением вздохнул: "ишачок" почти у самой земли выпрямил полет, что называется, постриг аэродромную траву - и вновь понесся по дуге в набор, на этот раз едва не касаясь крылом земли...

Американцы качали головами. Когда Бочаров подрулил и спрыгнул на землю, бросились обнимать его. А рыжий здоровяк Артур восторженно хлопал огромной ладонью по фюзеляжу, повторяя:

- Вери вел!..

Хосе стоял, сняв шлем, смущенно отбиваясь от похвал:

- Да ну что вы, пустяки...

Дерзко, смело летал и полковник Хулио - Пумпур, виртуозно водил машину Пабло Паланкар - Рычагов, много других талантливых летчиков приехали в Испанию, но Хосе - Володя Бочаров был недосягаем.

Он мне сразу понравился еще и своей необыкновенной скромностью. Вытер потное лицо, отошел и сел под оливой, словно вовсе не он только что заставил дрогнуть сердца тоже далеко не новичков в авиации.

Я подошел, присел рядом.

- Силен ты, черт! Боязно было за тебя.

- Да чего там, - отмахнулся он.

Разговорились. Оказалось, наши пути пересекались. В небе и на земле. Не так давно, когда был, как его называли, первый скоростной первомайский авиационный парад. Демонстрировались новые истребители И-16 и бомбардировщики СБ. Парад прошел безукоризненно. Вечером ею участников пригласили в Кремль.

Мы вспоминали с Бочаровым те дни.

- А я, знаешь, думал, что Сталин большого роста и крупный, - говорит Володя.

Сталин, Ворошилов, другие руководители тоже были тогда возбуждены, довольны. Глаза Сталина лучились.

- Ну что же, товарищи, - поднялся он из-за стола, устанавливая этой фразой полную тишину. - Мы теперь имеем хорошие самолеты. Авиация наша крепнет...

Поблагодарил нас, пожелал здоровья и успехов.

Володя молчит. Неожиданно застенчивая улыбка трогает его задумчивые глаза.

- Орден я ведь тогда получил.

- А мне Ворошилов именной патефон вручил.

- Да... - после долгой паузы грустно выдохнул Володя. - Кажется, все так давно было. И так далеко...

Когда после разговора с Бочаровым я подошел к своим, Матюнин встретил меня недовольно:

- Чего ты там с ним любезничал? Отшлепать надо было за все эти выкрутасы у земли. Я понимаю риск, когда нужен. А здесь зачем?

- Не риск вовсе, - успокоил его сидящий рядом летчик из тарховской эскадрильи, - а натренированность. У Бочарова еще плюс талант... Нас Смушкевич знаешь как гонял! Все усложнял и усложнял учебу. Но и его ругали: почему, мол, отсебятины много?

Отсюда, где таким далеким кажется все прежнее, где рядом риск и опасности, действительно, все видится иначе. Вспомнил я нашего Гордиенко с его сверхпрограммой. Если разные солдаты, то все-таки это и потому, что разные у них командиры. Одни умеют не поддаваться магии спокойной жизни. Они видят дальше, задолго чувствуют суровую пору, как чувствуют птицы грядущие бури и землетрясения. И потому вносят в размеренное повседневное свое неудобное для других беспокойство. Их не всегда понимают: "И что им неймется?".

У других ничего этого нет. Они всегда могут сослаться на инструкцию, на привычные нормы, у них никогда не будет конфликтов и угрызений совести. Они удобны.

Но когда начинается испытание, все видят, как нужна была беспокойная голова...

Гул мотора раздался неожиданно. По такой погоде ему не полагалось бы подавать голос.

Все, кто был на аэродроме, оглянулись на звук.

Над землей сквозь сырую дымчатую морось шел самолет. Дотянул до середины поля на минимальной высоте, Только сейчас заметили в контурах машины неестественность. С левой стороны, там, где крыло сходится с фюзеляжем, чернело что-то бесформенное и явно лишнее. Это так привлекло внимание, что не сразу заметили по опознавательным знакам: чужой! Сейчас разберется что к чему - и даст ходу.

Закричали пулеметчикам, чтобы взяли на прицел. Замедлялась пробежка, вот уже инерция иссякла, чуть взвыли моторы, поворачивая машину в сторону стоянки.

То неестественное "что-то", которое сразу удивило нас, зашевелилось, изменило свои формы, увеличилось - и встал на крыле человек. Замахал предупредительно руками, закричал.

Спрыгнул на землю. Откинулась дверца люка, оттуда выбрался летчик, еще один, и еще... Их число явно превышало экипаж, теперь понятно стало, почему человек летел на крыле.

Но все остальное было еще неясно.

Потоптавшись несколько мгновений (вот сейчас прыгнут в ужасе обратно в кабину!), неизвестные не спеша направились к нашему КП, сооруженному наспех из ящиков. Впереди решительно вышагивал высокий летчик.

Рычагов вглядывался в них, прищурив глаза, затем округлым движением руки послал набок влажную свою челочку - этот жест у него обычно был как точка после раздумий или колебаний - и пошел навстречу. Когда сблизились, высокий летчик в чужой форме на ломаном русском языке пояснил, оглянувшись и бросив рукой жест в сторону фронта.

- Мы оттуда... Из армии Франко. Хотим бороться с фашизмом...

Это был Квартеро.

А на крыле лететь пришлось технику Матео, Матео-маленький - так мы вскоре стали называть его.

* * *

Высушенная земля жадно пила воду. Шли дожди, с неба лило, и, похоже, еще не скоро установится летная погода. Наш комэск два дня наблюдал, как мы киснем без дела, наконец махнул рукой:

- Ладно... Летному составу разрешаю ознакомиться с окрестностями.

Комэска же непогода нисколько не удручала. По-прежнему ходил капитан Пабло Паланкар по аэродрому, засунув руку в карман и выпятив грудь. Оглядывал хозяйство, заговаривал с охраной, обслуживающим персоналом, с техниками, которым в плохую погоду все равно работы не убавлялось.

- Ну что, Петрович, слава твоя растет?

- В чем дело, товарищ командир? - не понимал техник.

- Газеты пишут, что в эскадрилье "Прославленной" есть один выдающийся техник. Он пообещал однажды починить самолет за ночь, а провозился двое суток.

- Так, товарищ командир, разве я знал, что его пропорют всего? Вы поглядите - одни лохмотья.

Павел Васильевич идет дальше. Наш одногодок, он очень талантлив, смел, и не случайно его назначили командиром первой советской эскадрильи в Испании. Командир достался нам строгий и веселый.

- Чего, Кондрат, приуныл? - он нарочно делает ударение на последнем слоге, превращая мою фамилию в имя. - Как ты вчера уцелел - ума не приложу. Это же надо - так выскочить на пулеметы "хейнкеля".

И, подмигнув, шагает дальше. Я с удивлением думаю: как он успел в той неразберихе заметить мою оплошность?

Ну что ж, коль есть разрешение, то не будем тратить время зря! Мы быстро собрались для пешеходной экскурсии по городу, неподалеку от которого был наш прифронтовой аэродром. У города длинное загадочное название: Алкала де Энарес.

Гидом, конечно же, был Саша. Кому же еще? Водил нас по улицам, расспрашивая испанцев, рассказывал потом и нам всякие любопытные подробности и истории. И вдруг сообщил такое, что ушам не поверишь:

- В этом доме, товарищи, родился Сервантес. Дом как дом. А все же вызывает почтительность.

- Здесь крестили великого писателя.

Молчаливо постояли в церкви возле тумбы, на которой держалась массивная чаша. Купель, объяснил Саша, в которую окунали автора "Дон-Кихота Ламанчского".

Мелкий, сеющий дождичек не прекращался и на другой день.

- Между прочим, нас приглашали в гости, - значительно, но вроде ни к кому особо не обращаясь, сказал Матюнин за завтраком.

- Кто? - поднял на него глаза Рычагов. - Мадрид. Отель "Флорида". Михаил Кольцов, - Матюнин словно прочитал визитную карточку, Какое-то мгновение Рычагов колеблется,

- Спрошу у начальства...

Через полчаса он напутствовал нас:

- Только сеньорит берегитесь, повлюбляетесь - что потом с вами делать?

Отпустили пятерых. Жаль, без Антона Ковалевского. С удовольствием прихватили бы его, он уже бывал в Мадриде, но теперь ему прописан постельный режим.

Несколько дней назад Георгий Захаров, парторг, сразу после боя провел короткое собрание.

- На повестке, - сказал, - вопрос о поведении коммуниста в бою. У нас нет плохих случаев в этом смысле, повестку подсказывает как раз пример положительный. Только что наш боевой товарищ Антон Ковалевский приземлился на совершенно раздетом самолете.

- Как это - раздетом?

- Он так яростно гнался за фашистом, что на пикировании не выдержала обшивка, сорвало перкаль.

- А где же Ковалевский? - опять раздается чей-то вопрос.

- От перегрузок у него пошла кровь из носа и ушей. Теперь на обследовании.

- Напрасно тут секретарь сказал, что случаев у нас нет...

- Какие же?

- Вот ты, Рыскаев, не очень энергичен, мало инициативы в бою проявляешь.

Пунцовый Рыскаев полувнятно пробормотал:

- Тебе что - видно?

- Видно. Как группа в пекло - тебя куда-то на окраину боя относит!

На лице Рыскаева стыд и смущение.

... Не все, конечно, на собрании было, как говорится, по форме, но для пользы дела высказали все, что было на душе у каждого,

- Какую резолюцию примем? - неуверенно спросил Захаров.

- Резолюция ясная, - встал Артемьев. - Бить врага со всей ненавистью!

Короче, едем без Ковалевского.

Тридцать километров по Французскому шоссе, и вот он открылся нашим взорам - знаменитый город Мадрид. Красивый, усталый, тревожный. Оживший сейчас, по замечанию Саши-переводчика, потому что вот уже несколько дней из-за погоды люди не опасаются бомбардировок. Мы все же не можем защитить город полностью. Во-первых, нас еще немного. Во-вторых, нам сообщают о налете, когда бомбардировщики уже подходят к городу. Пока мы поднимемся, пока домчимся, первые бомбы успевают устремиться к земле, на жилые дома, госпитали, парки - куда попадут, и сообщения о жертвах терзают души не только родственников - наши тоже.

Генерал Дуглас вынашивает идею: устраивать небольшие аэродромы засад, или иначе - аэродромы подскока. Группа расположится где-нибудь в рощица близ поля, чтобы быть поближе к врагу, его воздушным маршрутам. Сокращается время сближения с противником. Да и фактор неожиданности - тоже немаловажный фактор.

Наш автобус останавливается, мы выходим, договариваемся вернуться сюда вечером.

Всматриваемся. На улице преобладают рабочие блузы, комбинезоны народной милиции, пилотки с кисточками, которые у нас в стране уже известны под названием "испанки". Многие с оружием. Сеньориты строги и нередко тоже вооружены. На нашу аккуратную выходную одежду поглядывают с любопытством.

Надпись на куске жести, прибитом к дереву: "Без оружия дальше не ходить!".

Большие портреты Ленина и Сталина на стене красивого здания.

Почти целый квартал разрушенных домов.

В небольшом сквере, с краю, что-то вроде митинга, людей немного, а оратор кричит и жестикулирует, как если бы перед ним стояла огромная толпа.

- Что он говорит? - обращаемся к Саше.

- Призывает: "Да здравствует анархический коммунизм!".

Об анархистах мы слышали. Они тоже примкнули к антифранкистскому движению, но неустойчивы, шарахаются в своих крайностях.

Появлялись и у нас на аэродроме такие, с черными лентами на беретах. Разъясняли нам:

- Мы не признаем дисциплину, анархия - это свобода без ограничений.

- А как же тогда выполняете приказы своего командира?

- Мы не выполняем его приказы, нами повелевает наша революционная совесть...

Странно! Трудно их понять. Кажется, они и сами себя не понимают.

Среди них много и честных бойцов, но лидеры своими анархическими доктринами затуманивают им головы, а зачастую ведут и нечестную игру.

Нередко они распространяли и ложную информацию:

- Смотрите, какие орудия поставляет Советский Союз! Старье, которое не стреляет.

Слухи просочились повсюду и взбудоражили людей. После проверки же оказалось, что анархисты приписали Советскому Союзу несколько допотопных пушек, которые неизвестно где и как раздобыли. Для них важно было другое любым способом оболгать первую в мире страну социализма, в которой анархизм иначе и не признается, как политическое шарлатанство.

Мы постояли немного, наблюдая скромный, но крикливый митинг анархистов, и вновь продолжили свой путь.

Навстречу шла стройная смуглая девушка в мужских брюках, густые каштановые волосы ниспадали из-под пилотки, за плечом винтовка. Такая красивая!

Не могли удержаться, оглянулись. Она исчезла за углом, и тут заметили на противоположной стороне улицы большой портрет. Такое знакомое, воодушевленное яростью атаки лицо.

- Чапаев!

Раньше не заметили и прошли мимо, теперь вернулись, постояли у афиши, ощутив вдруг приятную "родимость", что ли, этого уголка.

У входа прислонился к косяку пожилой билетер, с любопытством разглядывая странную публику. Саша о чем-то спросил его, что-то ответил и на его вопрос. Старик засуетился, раскрыл дверь, энергичными жестами приглашая войти.

Оказывается, как раз шел сеанс. Странное, невероятное дело: по окраине проходит фронт, а кинотеатры работают и есть посетители.

- Надо зайти, - сказал Саша, - старик обидится.

Да нам и самим хотелось.

Идем за стариком через весь зал, осторожно ступая в непривычной для глаза после дневного света полутьме. Прямо на нас вылетал в черной развевающейся бурке решительный, неистовый Чапай.

Вспыхнул свет. В зале зашумели, затопали ногами, требуя продолжения сеанса.

- Русо авиньон, - сказал негромко старик.

Секунду, другую висела напряженная тишина, потом раздались первые нестройные аплодисменты, зал подхватил их, и вот уже под сводами зала стоит оглушительный гул.

- Русо авиньон! - кричат. - Камарадо русо! Вива Русия!

Как тут не растеряться!

- Вива русо!..

Да и неловко. Из-за нас впереди какая-то суматоха, освобождают места. Нехорошо как-то получилось.

Приглашают во второй ряд. А в первом и третьем усаживаются, улыбаясь нам, люди в рабочих блузах, в полувоенном, многие с оружием - наша добровольная охрана. И это трогает каждого из нас до щемящей боли в груди.

Картина закончилась, зал вновь зааплодировал, каждый хотел пожать руку, сказать несколько слов привета, восхищения, благодарности.

Шли по улице взволнованные, притихшие. Непередаваемо это, когда на человека вдруг возлагается слава его страны, когда ощущаешь себя ее полпредом, ее живой частичкой. Ведь тем испанцам и испанкам не было дела до какого-то конкретного Кондрата или Матюнина, Артемьева или Захарова. Каждый и все вместе мы были для них олицетворением всего того, что стоит за словами - Советский Союз.

Людей попадалось все меньше. Все чаще улицы были перегорожены баррикадами. Изредка где-то далеко стреляла пушка. С каждой минутой нашего пути этот звук приближался.

- Подходим к парку Каса дель Кампо; - пояснил Саша. - Там сейчас линия обороны,

Многие здания здесь были разрушены, многие покинуты. На развалинах одного из домов, прямо на куче битого кирпича сидела, беспрестанно покачиваясь, женщина. Она смотрела затуманенным взором себе под ноги, шептала одну и ту же фразу. Мы остановились.

- О чем это она? - тихо спросил Матюнин.

Наш молодой переводчик, нахмурив брови, пояснил:

- Она шепчет: "Доченька моя!.. "

С тротуара негромко окликнули таким неожиданным здесь родным русским словом:

- Ребята!

На нас с надеждой и радостью смотрел невысокий сухощавый человек в черной кожаной курточке и берете. На его поясе висела сразу бросившаяся в глаза знакомая кобура пистолета ТТ.

Над левой бровью у него пролегал глубокий багровый шрам.

- Танкист? - спросил его Мирошниченко, Тот широко

заулыбался, кивнул головой.

- Услышал ваш разговор - русские. А по стрижкам понял: военные.

- Точно! - шагнул к нему Матюнин и по-медвежьи сгреб в объятия. Летчики мы... Черт возьми, до чего же приятно встретить своего.

- Да я тут не один. Пошли к нам, мы недалеко. Ух и обрадуются хлопцы!

Он сразу шагнул, увлекая нас, словно боясь давать время на раздумье. Свернули в улочку, прошли еще - и начался парк. Большие деревья густо заслонили небо.

Танкист шел, не пользуясь дорожками, и вскоре вышли к прикрытому брезентом и ветками танку. Поодаль виднелся еще один, дальше - еще.

Отовсюду сходились такие же, в черных кожаных курточках и беретах, люди, лица у всех одинаково исхудалые и темные от усталости. Бросились обнимать, расспрашивали, угощали папиросами. Трудно передать чувство этой встречи.

От машины к машине сновали испанцы, разносили тяжелые ящики со снарядами.

- Вечером пойдем в атаку, - сказал танкист, который привел нас. - Тут же как воюют? Обед - значит, перерыв, ночь - значит, спать полагается. А мы хотим сегодня неожиданно под вечер потрясти фашистов.

- Далеко передовая? - спросил Артемьев.

- Да вон там, метров триста. Хотите посмотреть?

Он опять был впереди, и там, куда мы направлялись, сейчас стояла тишина. Деревья начинали редеть, вскоре мы втянулись гуськом в ход сообщения - длинный петляющий окоп, ведущий к передовой. Нырнули в него, что называется, с головой, и теперь видели только листву и небо. Листва вскоре исчезла, осталось только небо - ход сообщения вывел на опушку. И тут же он уперся в траншею, идущую перпендикулярно к нему. Мы поняли, что это и есть передовая.

Сразу за поворотом увидели бойца, что-то высматривающего в щель между камнями, наложенными на бруствере. Услышав шаги, повернулся в нашу сторону, кивнул танкисту, как знакомому, и остановил свой взгляд на нас.

- Русо авиньон, - сказал танкист.

- Эй! - удивился тот и, повысив голос, бросил в глубину траншей: - Эй! Русо авиньон!

Справа и слева все ожило, пришло в движение, загремело железо, затопали шаги, приглушенно зазвучали короткие фразы.

- Бойцы интербригады, - пояснил танкист. - Здесь как раз

смешанный батальон.

Мы с жадным интересом смотрели на, обступивших нас в тесном окопе людей. Кто носил каску, кто шляпу, кто кепку, у многих были одинаковые серые куртки из грубого сукна, пожалуй, что-то вроде униформы. Иные обхватили ремнями широкие потрепанные гражданские пиджаки.

- Салуд!

- Рот фронт!

- Бонжур!

Саша только успевал поворачиваться, переводить с испанского, с французского, оказалось, что и с немецкого у него получается, и каким-то чудом - с хорватского...

Я не запомнил ни одного из этих людей. Старался через полчаса представить лицо француза-рабочего, сказавшего, что у него дома трое детей, или болгарина, участвовавшего в Великой Октябрьской революции, - но ничего не получалось. Вставал один образ, все выходили на одно лицо. И было это лицо худое, небритое, с остро выступающими скулами, сухими потрескавшимися губами. Мы видели лица людей крайне измотанных, но крепко вросших в эту землю, в этот окоп - как дерево, которое можно жестоко потрепать, но ни за что не вырвать. Через таких людей так просто не переступишь...

С той стороны, куда смотрели дулами винтовки, оставленные в бойницах, бабахнула пушка. Все повернули головы на звук, потом подняли к небу, сопровождая глазами невидимый снаряд. Он прошуршал над нами прерывающимся шелестом и разорвался далеко, наверное, в городе.

Щелкнул винтовочный выстрел. Рядом оглушительно загромыхал пулемет. Все бросились по своим местам - и поднялась такая стрельба!

Я выбрал место и припал к отверстию между мешками с песком. Перед нашим передним краем, рядом, вспыхивали фонтанчики мокрой после дождя земли. Фашистских окопов не разглядел, только справа увидел пульсирующий огонек франкистского пулемета - он бил по нас. А может, чуть в сторону, но в бою, наверное, всегда кажется, что стреляют только в тебя.

- Будем уходить, - встревоженно сказал танкист. - А то, называется, пригласил в гости...

Когда выбрались из хода сообщения, над нами еще щелкали о стволы деревьев шальные пули, но вдруг позади стало так же тихо, как было до этого.

Расставались с танкистом на границе парка.

- Остались бы, а? - просительно спрашивал он, дотрагиваясь рукой до шрама над бровью. - Вот сходим в бой, а потом отметим

встречу. Остались бы, а?.. Долго шли молча. Почему-то на душе стало пасмурно, тоскливо.

- На земле - страшнее, - мрачно сказал потом Матюнин.

Мирошниченко поддержал:

- Здесь смерть на виду: поднимет вдруг у ног пыль или грязь, взвизгнет мимо уха...

Матюнин оглянулся на него и на этот раз не возразил...

Уже вечерело, когда пришли в отель, где жил Кольцов. Он обрадованно приподнялся из-за стола, снял очки - на переносице остался глубокий красный след, шагнул навстречу.

- Ох какие вы молодцы, что приехали. А я как раз закончил статью для "Правды". Пора и разогнуть спину. Поужинаем вместе.

Спустились в холл.

- Прошу любить и жаловать, - весело представил встретившегося нам человека. - Еще один репортер, только с приставкой "кино", - Кармен.

Человек лет тридцати, без головного убора (берет выглядывал из кармана его спортивной курточки на "молнии"), обвешанный своим многочисленным кинобагажом, радостно пожал руки. Но от предложения поужинать с шутливым ужасом отказался:

- Какой ужин! Столько работы! Очень срочно нужно отослать пленку!

Я вспомнил первые киножурналы о событиях в Испании, подготовленные Романом Карменом и его напарником Макасёевым, которые видел в Житомире. Огромные очереди стояли возле кинокасс. Съемки велись в самых опасных условиях, под пулями и бомбежками. Я еще тогда с уважением подумал: операторы - те же солдаты...

Он заторопился по лестнице, как-то неловко, боком - это от стесняющих ремней, тяжести аппарата и сумки с пленкой. Оглянулся, поднял руку, придерживающую сумку, взмахнул: счастливо, мол...

В ресторане Кольцов чувствовал себя своим. Наверное, тут была его постоянная "столовка".

А все же странно: бои у порога, а здесь официанты в белых кителях, да и посетителей не поубавилось. Правда, большинство с тяжелыми пистолетами на поясе.

- Ну, ребята, за ваши успехи! - поднял рюмку Кольцов. - Вы такие у нас молодцы!

К нам он всегда относился с какой-то особенной, мужской нежностью.

Кивая головой, слушал о встрече в кинотеатре, мадридских впечатлениях, последних боях.

Мирошниченко уставился куда-то в угол. Симпатичная сеньорита, чувствуя на себе взгляд, кокетничала и тоже изредка постреливала на него глазами.

Мы повеселели.

- Коля, не разбей сердце.

- Представляешь, привезем Рычагову одни осколки.

- Заставит склеивать. Столько работы!..

Между столиками, пропуская впереди себя спутницу, пробирался к месту, откуда его звали жестами, решительного вида человек в полувоенной одежде, глаза его близоруко щурились (а может, просто была такая привычка присматриваться), большие черные усы загибались книзу.

- Смотри ты, - отреагировал Матюнин. - Не земляк ли? Усы вроде по-нашему...

Но и человек этот заметил нас. Вернее, Кольцова.

- Хэлло, Мигель!

Кольцов взмахом руки тоже поприветствовал его и приглашающе указал рукой на наш стол.

Мы "передислоцировались", освободив места рядом с Кольцовым. Мужчина благодарственно хлопнул ближайшего к нему Матюнина по плечам, а девушка улыбнулась той улыбкой, которая предназначается сразу всем.

Они перебросились несколькими словами, причем иногда включалась девушка, судя по всему, помогая в переводе. Мужчина внимательно выслушал длинную фразу Кольцова и быстрым взглядом, с любопытством, оглядел нас.

- Я сказал, что вы советские летчики, - пояснил Кольцов. А это американский писатель Эрнест Хемингуэй, популярный у себя на родине, ну и здесь, конечно.

Хемингуэй, что называется, с места в карьер переключился на нас. Достал сигареты, предложил всем, отвинтил колпачок зажигалки - он повис на цепочке - и высек пламя.

- Он хочет кое о чем вас спросить.

- Не лучше ли, Михаил Ефимович, сначала за знакомство, как водится...

- Конечно, - засмеялся Кольцов. - Мы-то уже не только баснями покормились.

Перевел нам веселую реакцию Хемингуэя:

- Плохо, что коньяк... За встречу с русскими лучше бы знаменитой русской водки.

- Такого мнения и американские летчики-добровольцы, - вставил Матюнин.

- Как, - удивился Хемингуэй, - с вами летают американцы? Ну и ничего?

- Летают отлично, - подтвердил Мирошниченко.

- Этого мало. А дерутся как? - настаивал Хемингуэй.

- Есть среди них один, Артур, рыжий такой и здоровый. Был сбит и выбросился с парашютом. Никак не мог успокоиться, что его сбили, рассказывал Николай, - с разрешения командира раздобыл машину, примчался на аэродром и сразу кинулся к свободному истребителю - хотел успеть в бой, чтобы отыскать обидчика и расквитаться.

Гость громко рассмеялся,

- Ну что, разве не русский характер?

Вопросов у него было много. Что нас привело в Испанию? Много ли в Советском Союзе было желающих? Что чувствовали в первом бою? Как считаем, в чем сила и в чем слабость фашистской авиационной техники и тактики?.. Слушал внимательно, цепко глядя собеседнику в глаза. Прикурив и сделав пару глубоких затяжек, забывал о сигарете, она истлевала в его руке. Тут же закуривал следующую.

Потом они долго говорили с Кольцовым.

- Миша, а ты изредка и нам переводи, - Матюнин особенно отличался любознательностью.

Сняв очки, протирая их жесткой салфеткой, Кольцов слушал, склонив голову, скороговоркой успевая вводить в курс разговора и нас.

- Речь идет о судьбе культуры в разных социальных условиях.

Американец потерял свою простецкую веселость, говорил теперь сурово, все так же щуря глаза то ли от дыма сигареты, то ли по привычке.

- Как ни странно, но буржуазия, этот образованный класс, меньше всего умеет ценить искусство.

- Взять Пабло Пикассо, - согласился Кольцов. - Сорок лет пресыщенные эстеты Мадрида насмехались над его творчеством. Такой огромный мастер, который мог бы стать гордостью страны, он жил вдали от родины. И только рабочие, коммунисты его признали. Министр просвещения коммунист Эрнандес назначил его директором музея Прадо...

- А что несет с собой фашизм, какую культуру? Когда фашизм уйдет в прошлое, после него ничего не останется. Ничего! Никакой истории искусства - только история убийств.

Все два часа он провел с нами. Несколько раз за ним приходили, но он лишь отмахивался и вновь чиркал зажигалкой...

Снова дождь.

- Поедем в госпиталь, проведаем Тархова. Плох Сергей Федорович. Рычагов скорбно опустил голову, задумался. - Да, нескладно у них получилось.

Он имел в виду эскадрилью И-16, которой командовал Тархов, и тот бой, когда его сбили.

Это было девять дней назад. Разгорелся самый крупный и самый ожесточенный бой не только из всех воздушных схваток над Мадридом, но и, пожалуй, за всю войну, которую мы ведем. Так сказал на разборе генерал Дуглас. Сошлись более ста двадцати самолетов - бомбардировщики "юнкерсы" и "капрони", истребители "хейнкели", "фиаты", наши И-15 и И-16. Кстати сказать, мадридцы тоже скрестили И-16 на свой лад: "москас", то есть мошки.

Сорок минут кипело небо, на высоте от пятисот до пяти тысяч метров ревели моторы и грохотали пулеметы.

Невероятно: носилось в разных направлениях с огромной скоростью огромное множество машин, полыхало все вокруг огнями трасс, но никто ни в кого не врезывался, никто не попадал под шальную очередь. Иногда успевала мелькнуть мысль: "Черт возьми, в мирных полетах - то поломка, то чуть ли не столкнутся два, всего два случайных самолета, а тут такая воющая, стонущая, клокочущая огнем круговерть - и ничего случайного!".

Тот день чуть не оказался последним и для меня. Увлеченный боем, я не заметил, как врезался в облачность. Цель свою потерял. Когда пробил облака и оказался над ними, солнце ярко брызнуло в глаза. Чуть не прозевал трех "хейнкелей". Быстро оглядываюсь. Кругом кишит, все связаны боем, а эти трое почему-то оказались свободными и вот уже заходят на меня! И скорость у них больше - все равно догонят. Позвать на помощь - без рации не позовешь. Спикировать? Тоже догонят, их машины тяжелее. Что же остается? Только бой на виражах. И на вертикалях - высоту возьму быстрее, чем они. А если соединить то и другое преимущество - выходит, драться мне с ними надо по такой своеобразной восходящей спирали.

Было у меня на эти раздумья всего секунд пять. "Хейнкели" были уже совсем близко.

Я пытался уйти, но дистанция между нами сокращалась. К тому ж их трое...

Началась лихорадочная игра со смертью. Как приблизятся они - чувствую: вот-вот полоснут из пулеметов, - делаю крутой разворот влево и вверх. Проскакивают, не успевают за мной повторить резкий маневр - слишком велика инерция у их машин.

Сделают круг - и вновь ко мне. Резко беру вправо и выше. А они, конечно, не ожидали, думали вновь уйду влево.

Дотащил их так за пять тысяч метров. Остро жалит мысль: трое против одного - все равно съедят, если только отступать. Надо подобрать момент, чтобы и кого-нибудь из них подловить в

прицел...

Когда стала ощущаться нехватка кислорода, что-то не очень прытки стали они. А я благодарил еще раз учебу в бригаде, когда гоняли нас до седьмого пота на высоту, да еще и самолеты облегчали, чтобы повыше могли забраться. И мелькнул на какой-то миг перед глазами тот учебный бой - один против троих. Но ведь то была всего лишь тренировка... Наконец попался он мне, самый настырный и, судя по всему, старший. На гашетку! "Хейнкель" вздрогнул, сразу как бы остановился, повис. Нехотя накренился и запетлял вниз.

Лихорадочно ищу: где остальные? Получилось, оказался между ними. Тот, что позади, сейчас станет стрелять. Резко кидаю машину вниз, тут же - вверх носом. Перегрузка адская: потемнело в глазах. А "хейнкель" проскочил, оказался впереди. Ловлю его в прицел, открываю огонь. И - такая удача! попал.

Самолет тут же вспыхнул факелом: видно, угодил в бензобак.

На аэродром пришел в полусознании. Еле выбрался, а стоять на земле уже не могу - ноги подкашиваются.

В том бою сбили комэска "и-шестнадцатых" Тархова - капитана Антонио. Он опускался на парашюте на свою территорию, но его приняли за фашиста и открыли огонь. Окровавленного, с пулями в животе, поволокли в штаб.

В штабе оказался Михаил Кольцов. Он узнал в окровавленном человеке, потерявшем сознание, Тархова. Смущенная толпа мигом рассосалась. Вызвали санитарную машину и увезли капитана Антонио в госпиталь.

По настоянию Смушкевича срочно было составлено обращение командования к войскам. "... Мы отлично понимаем чувства гнева и ярости, охватывающие бойцов милиции при виде фашистских разрушителей наших домов. Но причины военного порядка заставляют нас требовать от всех частей корректного отношения к пленным летчикам..."

Может, именно эти строки помогли второму комэску, нашему Пабло Паланкару - Рычагову, когда через день его подбили и ему тоже пришлось прыгать. Тогда, в четвертом за день бою, его зажали сразу семь фашистов. Он опустился в самом центре города, на бульваре Кастельяно.

Восторженная толпа подхватила его на руки и понесла в тот же штаб обороны города. Имя капитана Пабло замелькало в газетах, он - герой дня.

Он и действительно был героем - сбил уже до десятка самолетов.

Рычагов вернулся в штаб, возбужденный и смущенный такой экзотической встречей на бульваре.

А Володя Бочаров уже не вернется. Хосе-Володя... С грустью вспоминали его стеснительную улыбку, его виртуозность, когда показывали класс пилотирования американцам. Заезжали летчики из его эскадрильи. Рассказывали, как героически он проявил себя в первых боях. Опечалены: едва начав, потеряли двоих - Тархова и Бочарова. Что поделаешь, у нас тоже так было. Пуртов и Ковтун...

Нет, Володя все же вернулся, и страшным было это возвращение.

На другой день, после того как Бочарова сбили, с фашистского самолета сбросили на город груз. Вскрыли ящик, сверху лежала записка: "Это подарок командующему воздушными силами красных, пусть знает, что ждет его самого и его большевиков!".

Развернули полотно - в ящике лежало изрубленное на куски тело старшего лейтенанта Бочарова...

Михаил Кольцов, очевидец этого жуткого случая, рассказывал нам все по порядку, и за стеклами его очков блестели слезы.

- Эти звери его рассекли живым! - губы Кольцова подрагивали.

Вот сколько событий за девять последних дней. А теперь мы едем в отель "Палас", где умирает от ран комэск Тархов.

Вошли в палату на цыпочках. Сергей Федорович лежал закрытыми глазами. Восковая бледность залила щеки и лоб. Он что-то бормотал, стонал, тело ею вдруг напрягалось и вытягивалось - наверное, это была боль. Наконец тяжело поднял веки.

- Сергей Федорович, - наклонился над ним Рычагов, - вы можете говорить?

- Как там мои ребята? - с трудом произнес комэск.

- Молодцы, дерутся по-тарховски.

- Не надо по-тарховски. - Он хотел пошутить, но вышло грустно.

- Разве в том есть вина? Один против шестерых... Кто устоит?

- А надо бы...

Он закрыл глаза и долго отдыхал. Мы переминались с ноги на ногу, не решаясь ни заговорить, ни уйти.

- Жаль, друзья, не придется вернуться... А так хочется снова всех увидеть... Вы не утешайте... Спасибо, что пришли.

Поочередно прощались. На лестнице я с холодящим душу суеверным чувством вспомнил: поцеловал его в лоб...

Недели три спустя к нам привезли газеты - огромные кипы наших газет, сразу, может, за весь прошедший месяц. Нашли "Правду" с тем отрывком из "Испанского дневника" Кольцова, где

говорилось о Тархове. Только мы могли узнать его за этим протяжным испанским именем - Антонио. Кольцов писал:

"... Утром умер Антонио.

До последних часов жизни он метался в бреду: садился в истребитель, атаковал фашистские бомбовозы, отдавал приказы. За четверть часа до смерти сознание вдруг прояснилось.

Он спросил, который час и как сражается его эскадрилья. Получив ответ, улыбнулся.

- Как я счастлив, что хоть перед смертью повел ребяток в бой... Ведь это мои ученики, мое семя, моя кровь!..

Только пять человек идет за гробом Антонио, в том числе врач и сестра милосердия, ухаживавшая за ним. "Курносые" не смогли прийти проводить командира. Погода ясная, они сражаются. Вот как раз они пролетели высоко-высоко над кладбищем: смелая стайка опять и опять кидается в новые битвы.

Гробы на этом кладбище не зарывают в землю, а вставляют в бетонные пиши, в два этажа.

Смотритель кладбища проверил документ из больницы, закрыл крышку и запер. Странный обычай в Испании: гроб запирают на ключ.

- Кто здесь самый близкий родственник? - спросил он.

- Я самый близкий родственник, - сказал я.

Он протянул мне маленький железный ключик на черной ленте. Мы подняли гроб до уровня плеч и вставили в верхний ряд ниш. Мы смотрели, как рабочий быстро, ловко лопаточкой замуровал отверстие.

- Какую надпись надо сделать? - спросил смотритель!

- Надписи не надо никакой, - ответил я. - Он будет лежать пока без надписи. Там, где надо, напишут о нем".

Гренада, Гренада...

Два отряда эскадрильи беспрестанно носились с самого утра, как пожарные команды, по вызову с "Телефоники", Нас почему-то не трогали, сказали: ждать.

Ждать томительно и стыдно. Товарищи воюют, рискуют жизнью, а мы...

Поодаль мелькнула черная машина Пумпура, подъехала к штабу. Тут же потребовали нас. Нас - это Ковалевского, Мирошниченко, Матюнина, Квартеро, Галеро, Хименеса и меня. После побега из франкистского стана летчики-испанцы попросились в нашу эскадрилью. С ними и техник Матео.

Пумпур, как всегда, был обстоятелен и нетороплив. При всей своей броской спокойности он успевал много, оправдывая свою любимую поговорку: "Не спеши, но поторапливайся".

- Здесь, в небе Мадрида, мы окончательно утвердили свое господство. Теперь нам надо уделить внимание и югу. Фашистское командование разворачивает на южном фронте наступление. Многое еще неясно. Положение осложняется тем, что там есть лишь разрозненные республиканские части. Наши бомбардировщики СБ серьезно помогают им, но летают пока без истребительного прикрытия, их часто атакуют итальянские "фиаты". Кроме того, нужно прикрыть с воздуха порт Малаги. Вот почему посылаем вашу группу на юг. Старшим назначается капитан Казимир, то есть товарищ Ковалевский, - тут же уточнил Пумпур. И продолжал: - Возле Малаги сейчас для вас готовится площадка. Вопросы?

Вопросов не было. Все ясно.

- Сиснерос и Дуглас просили передать пожелания успехов... А сейчас я позвоню, уточню время вылета. Можно перекурить.

Курящие задымили.

- Интересное у нас начальство, - Матюнин прищурился от затяжки. - Два, считай, генерала, но один - из маркизов или как там у них, второй - из народа. А рядом.

Действительно. Среди блеска и богатства родился Игнасио Идальго де Сиснерос. Среди нищеты и голода в литовском городке Ракишки явился в этот мир Яков Смушкевич. Продолжатель старинного аристократического рода, именитый дворянин, близкий ко двору и королю - такие надежды витали над колыбелью Игнасио. А над жалкой постелью Яшки склонялось Преждевременно увядшее лицо матери, которая мечтала: "Хорошо, если бы наловчился по отцовской линии. Портной всегда нужен людям, дадут заработать". К Игнасио приходили лучшие испанские учителя, обучали языкам, всемирной истории, математике. Яшку едва научили читать и послали в люди. Игнасио по-настоящему увлекся небом, он был одним из первых испанских летчиков. В то время Яков-подросток надрывался, работая грузчиком.

Сиснерос становится блестящим офицером, быстро растет по

службе, командует воздушными силами в Западной Сахаре, его направляют авиационным атташе в фашистскую Италию, в гитлеровскую Германию.

А Яков Смушкевич в шестнадцать лет становится коммунистом, воюет в Красной Армии с белополяками, раненым попадает в плен. Комиссар Смушкевич организует дерзкий побег. Работает помощником уездного уполномоченного ЧК, гоняется за бандитами. Потом - помощник военкома полка. Уже в 1922 году молодая страна трудящихся серьезно занялась авиацией. Смушкевича направляют организатором партийной работы в истребительную эскадрилью. Здесь он совершает поистине чудо. Самостоятельно выучивается летать. И так летал, что на проверке лучшие результаты по пилотированию и стрельбе оказались у него, у комиссара, совсем "сухопутного" человека. Будучи в отпуске, он сдает экзамены за училище. Его назначают командиром-комиссаром авиационной бригады. Командирские и партийные качества выдвигают Смушкевича в число людей незаурядных. Его бригада отличается особенно высокой выучкой, а командир во всем проявляет гибкий ум, творческий подход к военному делу, к тактике воздушного боя и обучению летчиков.

И не удивительно, что именно такого авиационного командира направило Советское правительство на помощь "красному графу" Сиснеросу.

Красному графу? Сиснерос был наблюдательным человеком, честной натурой - и он не мог не увидеть всю не справедливость того уклада жизни, который существовал. Втянутый в водоворот нарастающей борьбы, он сделал свой выбор. Вспыхнул мятеж - Сиснерос на стороне республики. Его назначают командовать республиканской авиацией. Когда наступили самые черные дни, когда враг ломился в ворота Мадрида, - именно в такое время, когда иные из класса имущих бегут с корабля, Сиснерос совершил противоположное, он стал коммунистом. Членом компартии стала и его жена Констанция.

Потом, через много лет, в эмиграции он напишет книгу с выразительным названием: "Меняю курс", где взволнованно расскажет о крутом повороте в жизни и еще раз, личной судьбой, подтвердит могучую силу марксистско-ленинских идей, которым так преданы коммунисты.

В Дугласе он нашел чудесного помощника и советчика. Дуглас несет в себе острую наблюдательность, жесткую организованность, его мысль не скована, он, как всегда, новатор, его командирское чутье остро реагирует на малейшее дуновение боевого ветра. После первого группового боя он сразу определяет слабое место своих - разобщенность звена. Цейтнот, в который мы

нередко попадали, заставил его мысль лихорадочно работать в поисках выхода, он рисовал чертежи, бродил по аэродрому, и вот уже воплощается его идея "звездного взлета". Самолеты располагаются по всему аэродрому и взлетают все сразу, в разных направлениях. Аэродромы засад - они стали применяться по его распоряжению. Обосновывает тактику взаимных действий истребителей разных типов. У одних сильная сторона - маневренность, у других - скорость. С учетом этого разрабатывается несколько тактических вариантов...

Героя Испании назовут впоследствии героем и Халхин-Гола, где он будет руководить действиями авиации. Один из первых дважды Героев Советского Союза, он станет генерал-инспектором ВВС, а затем помощником начальника Генерального штаба Красной Армии по авиации.

Чувствуя приближение фашистской грозы к границам Родины, весь уйдет в работу, даже койку прикажет поставить в кабинете, где будет проводить скупые часы отдыха. В Великую Отечественную уже не раздастся его выразительный голос. До ее начала он не дожил...

... Возвращается Пумпур. Вылетать сейчас же. Обсуждаем маршрут. Собираем пожитки. Расходимся к самолетам.

- Справа будет Ла-Манча, - напоминает напоследок Ковалевский, - так что смотрите...

Внизу - рыжая земля, покрытая кустарниковыми зарослями, речушки в плоских берегах. Иногда в гордом одиночестве ослепительно сверкнет белизной на солнце замок - молчаливый хранитель средневековых тайн. Начинаются холмы Ла-Манчи, сиротливые деревеньки. А вот и мельница с застывшими черными крыльями. Не ее ли атаковал - пика наперевес - легендарный Дон-Кихот Ламанчский на своем Росинанте, не здесь ли ковылял за ним на осле его строптивый и верный оруженосец Санчо Панса? Не под теми ли огромными деревьями, ослабив ремни доспехов, размышлял идальго о жизни, о добре и зле, вздыхал о даме своего сердца Дульцинее Тобосской? Михаил Кольцов рассказывал о поездке в эти места: есть такая деревня Эль-Тобосо "владения" Дульцинеи...

Бедный рыцарь печального образа, благородное, негодующее сердце! Если бы ты мог посмотреть теперь, - сколько на земле твоей зла!..

На одном из промежуточных аэродромов встретил родную душу: комэска из Житомирской бригады Сальникова. Здесь шла усиленная работа по сборке прибывающей из СССР техники, обучению испанских летчиков.

Через несколько месяцев, возвращаясь под Мадрид, я встречу

ребят отсюда, и они расскажут:

- Погиб Сальников. Испытывал биплан после сборки, вошел в пике - и вдруг отвалились два правых крыла. Болты были подпилены. Поработала пятая колонна...

А пока что Сальников жив, радуется встрече и щедро обезоруживает земляка, жалующегося на плохое колесо.

- Ну так возьми с моего самолета. Эй, Логвиненко, и ты, Педро, смените ему, черт побери, это колесо...

На место прибыли - дело шло к вечеру. Все вокруг было сплошь золотым. Пожелтели от долгого летнего зноя травы и деревья. Ярко-оранжевые мандарины и апельсины - всюду. Сияли, как маленькие солнца, сквозь червонные листья, лежали под деревьями, высились огромными кучами.

Приземлились с трудом на узкую полоску дороги. Аэродром еще не закончили. Крестьяне рубили сахарный тростник, относили за намеченную границу, возили на мулах в больших корзинах песок, ровняли, трамбовали.

Зарулив машины под золотые деревья, замаскировав их длинными стеблями тростника, направляемся к нашим "аэродромщикам". Они уже оставили работу, успели сойтись, встречают по-крестьянски спокойным изучающим взглядом, молчаливо.

- Салуд! - приветствуем их, подходя,

- Салуд, камарадо! - Долго еще работать?

- Заканчиваем.

Высокий, тощий старик с впалыми небритыми щеками идет под дерево, возвращается, молча протягивает поррон - сосуд с длинным узким горлышком.

Это у нас еще неуверенно получается - пить из него по-испански, но все же кое-как выходит. Подняв высоко над головой поррон, ловим ртом тонкую струйку вина.

- Бьен! Хорошо!

Наблюдают за нашими неловкими попытками, молчат. Наконец спрашивают;

- Вы откуда?

- Русские, - отвечает за нас Галеро.

- Помню, - Матюнин хочет оживить беседу, - в Москве пробовал вино такое - "Малага". Так вот откуда оно! Из ваших солнечных плодов.

Старик качает головой, с грустью говорит, а Галеро, как может, переводит нам:

- Малага - это не вино, а кровь. Оглядывается на своих, они разом отзываются:

- Теперь другое время.

- Вот оно гниет - золото.

- Тут за жизнью недосмотришь, не то что... Старик перекрыл их голоса:

- Ждали настоящей жизни. Крестьянин, сколько существует на земле, все ждет лучшей жизни. Республика началась, и про крестьян говорили, про землю. А тут эта война... Ох люто возвращается старое, люто...

- Да еще и как люто! - выступает вперед невысокий, юркий, в широкополой шляпе. - Мне брат рассказывал: эти, которые у Франко, согнали в одном селе всех женщин, груди стали отрезать. Что же это такое? - -он растерянно оглядывается на своих, словно ища ответа.

- У меня родственник из Севильи. Видел, как в рабочем поселке раненого республиканца связали, положили на дорогу и начали танком ездить туда-сюда.

Вспомнился Володя Бочаров.

- Фашисты! - говорю.

- Фашисто, фашисто! - дружно кивают крестьяне.

- Маркизы против крестьян, - размышляет вслух молчавший до сих пор круглолицый парень. - Наш вот тоже сбежал к франкистам.

- Разве одни маркизы режут? Они, может, вовсе не марают рук этим, а режут такие с виду, как и мы.

- С виду только. Стал бы ты резать?

- Мы земледельцы, - задумчиво вставляет круглолицый. - Землю поим добром.

- Среди них вроде нет земледельцев? - не отстает тот, что в шляпе.

- Как же так? - вскидывает на нас глаза старик с впалыми щеками. Казалось, все люди как люди. Жили, трудились, детей любили. А война занялась - и столько зверья. Откуда и отчего?

Мы объясняем как можем этим измученным и многого еще не понимающим людям. По крайней мере, они твердо усвоили одно: фашизм - это злейший враг всех трудящихся.

... Аэродром в лощине. Слева и справа горы, а взлетать - на Средиземное море. Отсюда километров сто до Гибралтара.

На другой день пришли машины с техниками. Начали завозить горючее, боеприпасы...

Матео - это он прилетел тогда на крыле, держась за расчалки, - ужасно привязался ко мне. Старается предупредить любое желание, самоотверженно ухаживает за самолетами звена. Немногословный. Я сам уже могу объясниться по-испански, но Матео служебный разговор ведет только по-русски, и любимое его слово "порядок". По утрам, когда техники докладывают о

готовности самолетов, он рапортует по-своему, короче всех, но так же надежно:

- Товарищ командир, порядок!

Не дай бог заметить ему о каком-нибудь пустяке. Он будет терзаться, казнить себя, он сделается почти больным от сознания того, что где-то недоглядел. Он весь - обнаженная совесть, наш Матео-маленький.

За каждым звеном закреплялась легковая автомашина, "чача", как называет ее Матео-большой, наш шофер. Он крупный и крепкий, подстать Квартеро, но если тот отличается суровой сдержанностью, то Матео-большой уродился весельчаком. Он добровольно взял на себя обязанности завхоза, спорторганизатора и еще много всяких иных. В его машине всегда для нас вино, фрукты и другая снедь, он добродушно ворчит, когда плохо едим, заботливо стелет одеяло на землю и предлагает прилечь после боя. А то покажет из дверцы машины мяч и плутовато-вопросительно подмигнет: погоняем?

- Ставь ворота, - сразу откликается Матюнин.

По утрам товарищ Казимир, он же Антон Ковалевский, - командир нашей группы - строгим глазом оглядывает наше хозяйство. Высокий, широченные плечи, резко выраженные черты лица, короткая белесая прическа "бокс" - он чем-то напоминает Рычагова. Только ростом разные, а все остальное похоже. Та же фигура, походка, та же манера подшучивать.

В своей ярко-желтой куртке из "чертовой кожи" он в другом месте был бы виден за версту, но здесь, среди позолоченной природы, куртка скорее маскирует, чем обнаруживает. На боку капитан Казимир таскает тяжелый маузер, в деревянной кобуре, при ходьбе маузер авторитетно похлопывает по бедру.

Выйдя на середину нашего поселения, Ковалевский округло оглядывает его, качает головой и с сарказмом декламирует:

- "Цыганы шумною толпой по Бессарабии кочуют!" Что за цыганский табор? Матео! - Это к Матео-маленькому. - Скажи, пусть уберут эти погремушки.

Матео смотрит непонимающе.

- Ну вот эти, - и Ковалевский показывает рукой на большие железные бочки.

"Курносых" всего семь, но хозяйство с ними большое - техническая часть, горючее, боеприпасы, грузовики, семь машин-пускачей, жилье, продсклад, в стороне что-то вроде шалашика с маленьким красным крестиком на белой фанерной дощечке. Прикрепленный здесь к нам врач Альберти целый день скучающим взглядом взирает со своего стула на аэродромную суету.

- Что, Альберти, нет работы? - сочувствующе спрашивает Ковалевский.

- Чем меньше для меня работы, тем лучше для вас, - мудро отвечает Альберти, и Ковалевский с ним вполне согласен. Однако добродушно замечает: - Слава богу, что болезни обходят нас стороной, а то ты, пожалуй, налечишь.

Идет дальше, заглядывает в "шатры". В разных местах нос к носу попарно стоят И-15 и пускач - маленькая машина-пикап с хоботком, выступающим вперед сверху над капотом. Хоботок упирается в храповик винта. Вместе они прикрыты нависающей над ними листвой дерева, срубленными вдобавок ветками, стеблями сахарного тростника. Семь таких шатров.

Наступает миг, когда мы слышим отдаленный гул. Свои ли, чужие ли - все равно вылетать. Свои бомбардировщики, с советскими, испанскими или смешанными, экипажами, как условились, будем сопровождать, с чужими драться. А то - сопровождать и драться одновременно. Иногда позвонят: в небе над таким-то районом появились фашисты. Тревога! Слетают маскирующие ветки, сухо, как тонкая жесть, шуршит тростник. Пикапчик сразу же включает свои приводы, медленно раскручивая винт самолета. Тот чихает, будто нанюхался табаку, и вот, окончательно встряхнувшись, заливается азартным нетерпеливым воем. После первых боев стало поспокойнее. Фашистская авиация приутихла, мы ломали голову: в чем тут дело?

- Взлетим, пройдемся, - сказал Ковалевский после нескольких дней вынужденного безделья.

Не знаю, что ему захотелось так. Предчувствовал, что ли? Но случай спас нас самих и очень помог многим другим.

Едва поднялись и развернулись от моря на север, увидели змеящуюся по горной дороге длинную войсковую колонну. Не так уж и далеко от нашего бивака. Серые, крытые брезентом грузовики с солдатами, пушки, танкетки.

Что за чудеса? По расчетам, здесь не должно быть врага.

Вернулись. Ковалевский связался по телефону с местным командованием.

- Спасибо за ценные сведения, - встревоженно и благодарно ответили. Это передовые силы итальянских войск. Могли бы вы нанести удар? Хоть ненамного задержать...

Вот оно что! Муссолини двинул в помощь Франко свои регулярные войска. Итальянский экспедиционный корпус разворачивает удар с юга.

Уже действуют в Испании и регулярные силы фашистской Германии. Это особый гитлеровский легион "Кондор", состоящий

из авиационных, танковых, моторизованных и других частей.

Подвесили бомбы и пошли над горной дорогой. Бомбы вздыбили передние машины, разбросали пушки. Узкая дорога - справа и слева горы - через несколько минут стала напоминать дымящуюся и пылающую отдельными кострами свалку. Вновь зашли, полосуя очередями по брезенту машин. На выходе из пике хорошо видно, как выскакивают солдаты, кидаются с дороги, конвульсивно карабкаются на скалы.

Заправились и еще раз прошлись... Но и нам теперь небезопасно. Скоро могут нагрянуть. После обеда передали приказ: перебазироваться километров на тридцать, непосредственно в Малагу.

* * *

Малага с высоты полета кажется райским уголком. Горами и морем она отделена от ада. Не дымят, как в Мадриде, пожарища, не перегорожены улицы баррикадами - этими тромбами городских сосудов, не изгибается по окраине змеиное тело траншей. Одноэтажный город закутался в зелень.

Почти на берегу нам выложили посадочное "Т". Один за другим идем на посадку.

Небольшое поле поросло густой, давно не мятой травой. По его дальнему от моря краю стоят оливы, похожие на яблони, далеко выбросили свои ветви. Здесь хорошо можно укрыть самолеты, и этим мы сразу занялись. Здесь же небольшой ангар, полосатый черно-белый столб с указателем ветра, пятно черной земли, выжженной когда-то хранившимся здесь бензином. За оливами, через дорогу, мандариновые сады. До города километра четыре.

Недавно прошел дождь - дымок испарений висит колыхающимся маревом над полем. Поодаль неспешно прогуливаются Ковалевский и встретивший нас здесь представитель местного командования. У них деловой разговор. Марево причудливо искажает их фигуры. Видны будто сами шагающие ноги, а над ногами висят два пятна: большое желтое - это куртка Ковалевского и маленькое темное - шляпа испанца.

Самолеты замаскированы. Скоро подойдет наша автоколонна, поэтому Ковалевский обходит аэродром, прикидывая, что где будет. От нечего делать плетемся за ним - неплотная толпа, шесть человек в одинаковых кожаных куртках на "молниях", в синих березах.

- Вот здесь, пожалуй, - говорит Ковалевский, - будем держать горючее. Подальше от Матюнина...

Есть люди, которые всю свою жизнь осеняют улыбкой, у них как-то удивительно сплетается серьезное и шутливое. Сейчас

капитан Казимир имел в виду привычку Виктора, не глядя куда, выстреливать щелчком пальцев окурок папиросы.

Лицо Ковалевского постоянно в смене выражения - оно то серьезно-сосредоточенное, то насмешливое. И когда он улыбается, обнажается щелочка между передними зубами, и это делает Антона еще более добрым.

- Пожалуй, тут хорошо можно укрыть автомашины, - говорит он оглядываясь. Говорит по-деловому, но следующая фраза уже принадлежит другому настроению. - Только вот что... - Он с сомнением покачивает головой. - Только вот... Ноги нашего Матео все равно будут выглядывать из кабины, когда он спит. Ох, чует мое сердце, выдаст он нас своими ногами...

Матео-шофер действительно большой любитель поспать.

А недалеко от нас море. Оно кажется вспухлым, оно между нами и солнцем и поэтому искрится, переливается. В полукилометре от нас кончается земля. Там гигантская чаша, наполненная живительной, властно манящей к себе влагой. Стоит теплый январь, и мы все чаще поглядываем туда.

Ковалевский замечает это.

- Пожалуй, прогуляться можно, - решает он. - Жалко, если получится: были и не искупались. Никто не поверит. Сейчас я два-три слова скажу охране и пойдем...

Снимаем куртки, теперь выглядим пестро - мы в разноцветных шелковых рубахах, это единственно разрешенная неформенная часть нашей одежды. Виктор с Николаем сняли и рубахи. Идут рядом, но Матюнин, само собой, на полшага впереди. Спина у него дугой, он будто волочит свои тяжелые крепкие ноги. У Николая же торс - как перевернутый треугольник. Несет Мирошниченко свое тело ровно, идет упруго, я бы даже сказал, идет, играя своей статью.

Справа и слева от меня Квартеро и Хименес. Я заметил, что обычно оказываюсь между ними, и удивлялся вначале такой повторяющейся случайности, пока не догадался. Они - в моем звене, и, видимо, для них само собой разумеется быть всегда рядом с командиром.

Квартеро крупный, у него густые черные кучерявые волосы, он невозмутим и часто задумчив, особенно в последние дни. Хименес тощ, лысоват и очень подвижен. "Об ином человеке, - объяснялся с ним однажды Матюнин, - говорят, что он беспробудно пьян. А ты, Хименес, беспробудно веселый, и я таких люблю. Ты не Мирошниченко - ему улыбнуться все равно, что взаймы дать. Хименес, действительно, такой весельчак, что просыпается уже с шуткой, и кажется, что он и во сне не переставал шутить.

Только Квартеро, пожалуй, один среди нас, кто не вооружился пикой иронии. Вот и сейчас идет насупившись, руки держит за спиной, смотрит под ноги.

- О чем задумался? - спрашиваю.

Поднял голову, оглянулся на город, посмотрел на небо.

- Слетать бы к жене, - говорит неожиданно. Только сейчас я вспомнил, что рядом, но по ту сторону фронта, находится село, где он укрыл Пакиту с сынишкой.

- Тут недалеко, - продолжает он. - Совсем пустяк.

- В Америку через океан легче слетать, - говорит Хименес.

- Да, в Америку легче, - грустно соглашается Квартеро.

Звуки моря начинают доставать нас. Негромкий ласкающий шелест волн расслабляет. Хочется увлечься здесь и слушать, слушать, ни о чем не думая.

Закатав брюки, Виктор Матюнин входит в воду,

- Древнейшее Средиземное! - с театральным пафосом произносит Ковалевский, раскидывая руки.

- Все они древние, - поправляет Мирошниченко.

- Точно. Но про другие мы мало знаем. А это - сама история. Представить только: несколько тысяч лет назад сюда причаливали финикийцы, древние римляне. Карфаген посылал свои весельные суда... Отсюда уходили к берегам Америки многопарусные корабли Колумба, здесь, наверное, маячили на горизонте паруса корабля Магеллана, плывущего искать Индию...

- Представляете! - удивляется Мирошниченко. - Кто только тут не ходил.

- А представляешь... - поворачивается, стоя в воде, Матюнин, и интонация его голоса - вся наперекор мечтательному тону Николая. - А представляешь, что сейчас по этому морю ходят немецкие крейсеры?

- И республиканские ходят, - возражающе дополняет Хименес.

- Хорошо, что ходят, - Матюнин, захватив пригоршню воды, плеснул себе на грудь. - Но чего они дают ходить немцам?

- Южный фронт противника недооценивают, - вступает Галеро. - На море, правда, силы еще ничего. Но на земле трудно. Оружие республиканцам почти не поступает. Но главное даже не в этом. Части анархистов ненадежны. В штабах много скрытых сторонников Франко. Замыслы операций часто становятся известными врагу.

Галеро успел переговорить с теми несколькими испанцами, которые были на аэродроме, - это они ввели его в курс дела.

- Пять минут истекло, - объявляет Ковалевский, вскинув руку с часами. - Побывали на берегу Средиземного моря - и то ладно. А купаться и загорать будем в следующий раз...

Вскоре прибыла и остальная часть отряда, стали размещаться.

Ночевать летчикам определили в отеле. Едем на двух наших легковых машинах в город.

Машины огибают бухту, открывается порт.

- Смотрите, наш!

Наш! Родной, с красно-белой полоской на трубах, с серпом и молотом над ней.

Остановились, вышли. Долго стояли, вглядываясь в контуры корабля. Ведь это - кусочек Родины. Не хотелось уезжать отсюда.

Когда вновь садились по машинам, Ковалевский сказал, показывая глазами на испанца, встречавшего нас на аэродроме:

- Я попросил товарища Родригеса показать нам город.

Малага - похожа на Одессу. Дома в основном небольшие, за заборами садики. И всюду половодье роз. Они во дворах, вьются по заборам, тянутся вдоль улиц, сплошь устилают скверы, гнездятся в больших вазах с землей перед дворцами. Они вокруг руин древнеримского театра, на подступах к древнеарабской цитадели Алькасаба... В жизни я не видел столько роз.

Нет, не ошибся я, когда с высоты полета город показался мне раем среди ада. Вокруг Малаги затягивается петля, отдаленно громыхают выстрелы орудий. А здесь так не вяжется со всем происходящим сумасшедшее буйство цветов.

Но никто ведь не виноват, цветы не сажали специально к трудному часу Малаги. И все же в этом есть какая-то неуместность. Это как веселая музыка в доме, где горе...

Вечером в тишине недвижного воздуха громче слышно канонаду. Город словно вымер - ни огней, ни шума на улицах. В суровом молчании проходят группы военных. Одеты они по-разному, но на всех ремни с патронташами, в руках - оружие.

Лечь хотели пораньше. Но едва разошлись по комнатам, завыла в порту сирена.

Вбежал испанец.

- Камарадо, камарадо! Бункер! Машу рукой: обойдется.

- Но-но, камарадо!

- Не станем спорить, - предлагает Ковалевский. - Все-таки мы в гостях.

Вышли в коридор, и тут позади раздался страшный грохот. Только что притворенная мною дверь с треском летит в противоположную сторону. Заглядываю - стены в моем обиталище как не бывало.

Ковалевский сокрушенно качает головой:

- Комнату ему дали с прекрасным видом на море... Действительно, через огромную дыру в стене видна бухта.

- Немецкие корабли, - объясняет испанец. Его, оказывается, выделили для охраны советских летчиков, и он все время находится неподалеку. Бродят вдоль берегов, иногда обстреливают. Наверное, узнали о вашем прибытии.

- Как же смогли? - недоверчиво вскидывает голову Матюнин.

- Пятая колонна, - отвечает за испанца Мирошниченко.

- Да, пятая колонна, - вздыхает тот.

- Сволочи! - мрачнеет Квартеро. - На лицо посмотришь - все преданные...

Не впервые заявляет она о себе. Выражение в ходу. Мятежные генералы похвалились, что на Мадрид идет четыре их колонны, а пятая действует в самом городе. Скрытые враги стреляют из окон, забрасывают гранатами автомашины. А то вдруг дошли до нас и такие вести, что в каком-то посольстве скрывался большой отряд пятой колонны.

Однажды в сумерках на нашем аэродроме под Мадридом поднялся переполох, открылась стрельба.

- Альто! Альто!

Следом раздался нарастающий гул моторов. Навалились бомбардировщики, загрохотали взрывы бомб. Наши отогнали их. Бомбовозы ушли, а вокруг продолжалась стрельба.

- В чем дело? - спросил я часового-испанца.

- Бенгальщики. Сигналы подавали. Пятая колонна... Рано утром к нам в общежитие позвонили из контрразведки:

- Камарадо! Сигнал с аэродром: фашиста авиньон!

Матео спит в машине. Из открытой кабинки торчат его внушительных размеров ботинки. Рядом стоит кремовое авто Ковалевского.

Пять секунд - моторы уже заведены. На бешеной скорости пронизываем безлюдный город. Служба оповещения сработала хорошо: гул в небе услышали, когда уже подбегали к самолетам.

Звук странный, непривычный.

Понеслись на взлет Ковалевский, Матюнин и Мирошниченко. Остальные, сидя в кабинах своих машин, ждут.

Наше первое звено набирает высоту.

Они сближаются с врагом, и я уже вижу - это гидросамолеты. Один... Второй...

Матюнин атакует. Безрезультатно.

Третий... Четвертый...

Надо вылетать и нам.

Мой "курносый" рванул с места в карьер, земля накренилась и ушла под крыло.

Выбрал себе цель, атакую. Фашист увернулся.

Еще раз приготовился к атаке, но пришлось отвернуть в

сторону, потому что из кабины стрелка ударила очередь пулемета.

Так он заставляет меня менять курс, и этим выигрывает. Пока я развернусь опять на него, он успевает оторваться

Догоняю... Еще... Еще немного... Можно нажимать на гашетку. Ну!

Но вдруг - передо мной пустота. "Гидра" резко провалилась вниз.

Ручку от себя! Вот она круто несется вниз. Чувствую, как начинает подрагивать самолет, разгоняя скорость на пикировании.

Метр за метром он достает "гидру", я уже держу ее в прицеле, я уже все сделал как надо, остается только нажать на спуск. Но... Куда она девалась? Почему перед глазами небо? Где низ, а где верх?..

Резко тяну ручку на себя. Самолет стонет от боли, как живой. А может это мой стон? В глазах разряжаются молнии, а на плечи наваливается такая тяжесть, что тело сползает вниз, в глубь кабины...

Где же земля?! Почему везде одно небо?!

Какая тут земля, ведь кругом - вода...

Это первый мой бой над морем, и я не знал, как оно обманчиво.

А немец знал. Знал, что в ясный день оно отражает голубую высь, а если еще идти против солнца, то совсем трудно порой бывает уловить те тонкие краски, которые отличают низ от верха,

Он знал, еще, что новичок, если даже не потеряет из вида море, все равно просчитается' в такой погоне на пикировании, потому что не сумеет здесь точно определять высоту.

Он звал все это и точно рассчитал. Вышел из пике у самой воды. А я вслед за ним. Только сейчас понял: он мог сбить меня без выстрела.

Немножко поташнивает... Ну нет! Теперь тебе не уйти. Не дам я тебе уйти, не дам.

Еле нашел. Фашист был уже далеко, крался у самой воды, почти сливаясь с ней по цвету.

Хорошо, подлец, понимает дело. Опытный, уверенный в себе. Наверное, пересмеивается сейчас по радио со штурманом и стрелком.

Да, теперь к нему не так просто подступиться. Снизу уже не взять, а там как раз у него слабое место. Снизу он прикрылся морем.

Кинул глазом - от берега нас отнесло километров на пятнадцать.

Атакую сверху. Стрелок вновь бьет из пулемета горстью искр. Приходится отворачивать.

Мне нужно всего одно лишнее мгновение. Всего одно! Чтобы я приблизился на нужную дистанцию, а он еще не успел бы открыть огонь. Нужно сделать такой быстрый маневр, чтобы он еще переводил пулемет, прицеливался, а я уже выровнялся и, почти не целясь, в упор открыл бы огонь.

Иду выше и чуть справа.

Итак, стремительно вниз!.. Для обмана - влево! И тут же - вправо!

На гашетку!..

"Гидра" вздыбилась, подскочила, пошла наискосок вверх, но, будто натолкнувшись на что-то, почти плашмя стала падать.

Впервые я видел, как разбивается о воду самолет: исчезает в пучине целым, и тут же море упруго выбрасывает обломки.

Я даже не успел полюбоваться. Вдруг загремело вокруг, засверкало.

Все-таки немец меня перехитрил. Дотащил до корабля, чтобы подставить под его артиллерию. Я ведь и не заметил. Какого-то километра не хватило "гидре", чтобы все было наоборот.

Когда заходил на посадку, увидел: наши толпятся возле одного из самолетов. Чей же это? Кажется, вообще лишний...

Зарулил на место, иду туда, где все. Ого, прилетел Пумпур!

- Товарищ комбриг! Старший лейтенант Кондрат возвратился из боя. Сбит один немецкий гидросамолет.

Недоволен.

- Расскажите о бое. Слушает молча.

- Сколько дырок привез? Пожимаю плечами.

- Всего восемь, - раздается позади. Оказывается, здесь уже Матео-техник, он успел осмотреть машину.

- Всего? - иронически переспрашивает Пумпур. - Ну пойдем-ка прогуляемся. Шагаем в сторону.

- Кто разрешил уходить так далеко в море?

- Но и запрета ведь не было, - удивляюсь.

- А голова на что? Большое везение, считай, что не сшибли, у них же на кораблях по целому артполку. Там бы и остался навеки. А еще хуже - в плен взяли бы...

За глаза Пумпура звали "воздушный лев". Дрался он в воздухе отчаянно и виртуозно. Неприятен был выговор такого человека. Тем более, что это допускал он крайне редко. Значит, действительно, дела мои были плохи, и надо считать счастьем, что "целый артполк" не сбил меня.

- Ну не вешай голову, - уже успокаивает Пумпур. - Мотай на ус... А теперь пошли подкрепляться, вон Ковалевский знак подает.

Грузовичок привез обед, на дощатом столе белеют тарелки.

За столом посыпались вопросы:

- Какие новости, Петр Иванович?

- Что на Родине новенького?

- Как там наши ребята под Мадридом?

- Мадридский фронт стабилизировался, - неторопливо рассказывал он. Помощь наша увеличивается... Денисов, заменивший Тархова, сбил уже двенадцать самолетов... Ваши? Тоже не отстают... Послали и к нам испанцев учиться.

- Матео мечтает выучиться на летчика, - вспоминает Квартеро. - Нельзя послать?

- Может быть, попозже, - обещает Пумпур, и тут же сомневается: Техники здесь тоже очень нужны.

- Да, - соглашается Галеро. Как и у Квартеро, семья его осталась по ту сторону фронта. Но Квартеро успел упрятать Пакиту с сыном в родительском селе, а Галеро убегал сюда из тюрьмы и о семье ничего не знает.

- Много испанских детей вывезено в Советский Союз, - сообщает Пумпур. - Пусть отдохнут подальше от войны.

- А какие еще новости? - интересуется обычно неразговорчивый Галеро.

- Летают... Рыскаев только вот... отлетался.

- Сбили?

- Не поборол свой страх. Не могу, говорит, ничего с собой поделать хоть стреляйся. Теперь сидит на "Телефонике", дежурит на командном пункте. Сник...

- Тряпка! - бросает Мирошниченко. - Зачем же просился сюда?

- Видите, дело какое. Рыскаев искренне ехал. Но, оказывается, мало только добрые намерения иметь. Надо еще и мочь. Такая, брат, школа жизни... Ну, мне пора...

Только что отогнали стаю бомбардировщиков, пытавшихся сбросить свой груз на порт Малаги.

Ковалевского вот уже несколько дней не узнать. Ходит нахмурившись, отвечает невпопад.

Совсем не тот Ковалевский, к которому привыкли.

Лежу под деревом. Антон присел рядом. Февраль, а жарко. Не то, что у нас.

Антон грустно смотрит вдаль. Там - море. Спокойное, переливающееся то голубым, то зеленым.

- Все молодые лейтенанты первый свой отпуск мечтают провести у моря. А мне теперь по снегу бы походить...

В его словах, в глазах - мучительная тоска.

Вспоминаю, каким веселым был он в отеле, когда перебазировались в Малагу. Поднялись по широким мраморным

лестницам, вошли в холл. Огляделись. Ковры, статуэтки, картины. Роскошь. Служитель старательно протирал раму картины.

- Что здесь было? - спросил Антон у него.

- Жил крупный человек.

- Ясно. Теперь этих лакеев не поймешь, - сказал нам Ковалевский, - то ли они так старательно работают для республики, то ли берегут бывшему хозяину его добро - авось вернется.

Когда вели показывать комнаты, за углом открылся второй зал.

- О-о! - поразился Антон. - Вот это инструмент!

В центре на красивых золоченых ножках стоял белоснежный рояль.

Присел за него, заиграл вальс. Откуда-то, не заметили ее вначале, кинулась на середину большая собака, пошла по ковру кружиться на задних лапах.

- Вот это зверь! - восхищенно заулыбался Антон. - Мадам! Бонжур, ву шер!.. Вы прелестны!

Давно уже, видать, дремавшие стены не отражали хохот и веселую речь. Служитель с улыбкой смотрел на высокого белявого иноземца, заводилу. Такие всегда нравятся. А тот уже с выражением читал:

Плачет метель, как цыганская скрипка.
Милая девушка, злая улыбка.
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо...

- Кажется, Есенин. А стихи откуда? - спрашиваю у Антона.

- По рукам ходят. Переписываем друг у друга.

- А знаешь ты, что не так далеко отсюда есть место, которое называется Гренада? А теперь слушай - вот стихи!

Выждав, он мягко, нараспев стал декламировать:

Мы ехали шагом.
Мы мчались в боях
И "Яблочко"-песню
Держали в зубах... Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
"Гренада, Гренада,
Гренада моя!"

Мы слушали затаив дыхание. Это были стихи о бойце,

который из книги узнал красивое имя - Гренада, и о том, что "Гренадская волость в Испании есть". Это было про нас, солдат-интернационалистов, про тех крестьян, которые помогали нам оборудовать аэродром...

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать...

Антон вдруг замолчал, задумчиво уставившись взором в одну точку.

- Ты чего такой? - решаюсь спросить Ковалевского.

- Приехал Пумпур, растравил душу. О доме напомнил... Мне бы на часок туда, всего на часок! Пройтись по улице, воздуху родного хлебнуть, услышать, как скрипят шаги по морозу. И сказать друзьям-товарищам: как вы тут, черти, поживаете?

- Неплохо бы...

- У меня жена - замечательная. Я слов не подберу тебе сказать... И пацанята...

... Вверху плывут облака. Медленно-медленно. От земли идет едва ощутимый запах сена. А может, все это только кажется... И облака, и запах этот напоминают луг на берегу Тетерева, воскресный день, прозрачный золотистый воздух бабьего лета...

- Вот интересно, - подает голос Антон. Он прислонился спиной к дереву и тоже запрокинул голову. - Вернемся мы, встретят. Воевали, скажем. Будут спрашивать, и рассказывать будем - о боях, о тактике, о всяких острых случаях. А мы им - о том, как тосковали по нашему русскому снегу, по красным транспарантам над праздничными колоннами, по любимым...

- Хорошо философствуешь, - пытаюсь изменить настроение, хотя у самого черти по душе скребут. - Хочешь анекдот про философа?

- Ты мне лучше дай час, чтоб дома оказаться. Всего на час. Сотвори такое чудо!

Он отворачивает лицо и затягивает песню. Мы услышали ее уже в Испании, по приемнику, из Москвы. Только там пели быстро, бодро, а Антон завел негромко, раздумчиво.

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек,
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...

- Камарадо Казимир! - истошно кричат от телефона. - Фашиста авиньон! Идут к порту...

- Всем взлет! - кричит и Ковалевский.

Антон запустил свой самолет первым и прямо с места взял

старт. Мой что-то чихает, но пока не схватывает искру. Чуть замешкались и остальные. Слежу из кабины, как он набирает высоту. Сам уже делаю разбег, схватил краем глаза: Антон приближается к итальянскому "капрони". Бомбы уже несутся на порт, вздымаются черные столбы взрывов. Вот и Ковалевский совсем рядом, открыл огонь.

- Молодец Казимир!

Похоже, "капрони" подбит, но что он, что Ковалевский делает! Куда же ты, Антон?!

Возможно, я и в самом деле заорал, настолько все было нелепо. Черный дымок начинал тянуться за "капрони", и тот, снижаясь, шел на скалы. Что хотел Ковалевский, когда догнал его и пошел поверху? Ведь это - стать под пулемет стрелка!

Я съежился весь и похолодел. И точно - от "капрони" тотчас брызнула струйка огня.

Машина Ковалевского накренилась, развернулась, пошла круто вниз, к нашему аэродрому. Она из последних сил забирала к тому клочку чужой земли, где было что-то для нее родное. Птица хотела умереть поближе к стае... Самолет задел крылом за дерево, под которым только что беседовали два человека, тяжело развернулась и плюхнулась боком.

А "капрони" один за другим заходили на цель. Я разогнался как только мог и с ходу вонзил в ближайшего длинную очередь...

После боя подошел к тому месту, где недавно стояло, дерево. Теперь здесь - черная обуглившаяся трава да дымящиеся обломки.

... Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: "Грена... "

Нет, Ковалевского нам не суждено было увидеть даже мертвым.

- Альберти! - не узнав своего голоса, позвал для чего-то я врача.

* * *

Ночевать по-прежнему приезжаем в отель.

В городе - беспокойство, даже паника. Многие из местных жителей уходят - на лодках вдоль берега, на машинах, а то и пешком, таща за собой небольшие тележки со скарбом.

Однажды подняли с постели и позвали к телефону.

- Карта с вами? - спросили на том конце провода.

- Да.

На войне вырабатываются свои рефлексы. Вот как этот: зовут к телефону или к командиру, уже машинально прихватываешь карту.

- Сразу же с рассветом вашей группе необходимо перелететь к Мотрилю, в Долину рыбаков. В Малаге оставаться опасно.

Над Долиной рыбаков мы проходили, когда летели сюда, на юг. Маленькая площадка на берегу моря. Галька, переходящая к горам в небольшое пастбище.

Через час опять застучали в дверь.

- Камарадо! Телефон! Голос в трубке уже другой:

- Небольшое уточнение к задаче. Вдоль берега не лететь. Пройдите над горами, на долину выходите из глубины материка.

- Ясно.

Спать больше не пришлось. Времени до рассвета мало, а надо многое успеть. Скорее на аэродром!

Едва развиднелось - отправили колонну. На месте остались лишь несколько техников да пускач, чтобы обеспечить группе взлет.

Минут через сорок поднялись, а еще через полчаса оказались над Долиной рыбаков. На берегу моря чернело несколько опрокинутых лодок. Рядом на площадке паслась большая отара овец. Пришлось спикировать и отогнать их ближе к горам.

Предстоят обычные заботы: где рассредоточить самолеты, где держать горючее, боеприпасы, как наладить питание?..

Снесли в одно место парашюты, присели на них, советуемся. Забот мне теперь, после гибели Антона, прибавилось: назначен старшим группы.

- Командир! - закричал вдруг Квартеро и вскинул руку к морю.

Из-за скалистого мыса, справа, показался корабль. Я вскочил, отбежал влево, чтобы заглянуть подальше за мысок. Крейсер и два эсминца шли вдоль берега в километре от него.

Ни обдумать ситуацию, ни тем более что-либо предпринять мы не успели. Борта крейсера озарились вспышками, и сразу в нашей мышеловке, многократно усиленный отражением от гор, оглушительно заревел шквал разрывов.

Иногда неосознанное проявляется скорее и вернее, чем обдуманное. Какая-то внутренняя сила бросила к горам. К ним прижалась в страхе отара. Мы ворвались в нее, упали - хоть не так будут маячить наши силуэты. Затеи, выбравшись из этого овечьего вязкого плена, вскарабкались по камням, ища выступы, за которыми можно было бы укрыться.

На какое-то время стрельба утихла.

- Фу ты! - выглянул из-за камня Мирошниченко. - Вот это влипли.

- Все живы? - окликнул Матюнин. - Хименес! Где ты там?

Сверху шуршат камешки.

- Ну, брат! А я уж думал...

Корабли развернулись и вновь пошли вдоль берега, ударили с правого борта. Все повторилось. Казалось, горы сейчас не выдержат и начнут рушиться, нестись к морю текучим каменным потоком.

Наступившая тишина была так неестественна, словно ты нырнул с шумного берега в глубокую воду.

- Еще ждать, что ли? - неуверенно советуется Матюнин.

- Погодим.

Корабли вновь ушли за мыс. Начинаем отряхиваться, приводить себя в порядок. Матюнин смотрит на часы.

- Минут сорок издевались, гады!

- Куда я мог девать берет? - шарит вокруг себя Квартеро.

- Подумаешь, берет потерял. Тут душу вот отыскать не могу.

- В таких случаях советуют посмотреть в пятку, - напоминает Матюнину Мирошниченко. Он наклонился и руками лохматит волосы, вытряхивая из них пыль, которой всех нас обсыпало с ног до головы.

Странными бывают повадки у человека. Вырвавшись из подобного ада, он сначала поправит галстук, а уж потом осмыслит то чудо, что остался вообще жив. И первыми к нему приходят зачастую какие-то совсем пустячные слова, не главные. А то вдруг впадет в какое-то нелепое нервное шутовство. Вот как сейчас.

- Будем считать, - настороженно поглядывая на море, продолжает Виктор, - что произошла ошибка. Вопреки всякой логике, мы уцелели.

- Ты чего, Матюнин, за челюсть держишься? Сомневаешься, на месте ли?

- На месте. Каменюкой садануло...

Мне ужасно тоскливо: первый день моего командования группой - и такая оплошность! Только сейчас начинает проясняться вся эта кошмарная история. Наверняка приказ был подложный! Вернее, та его часть, где предписывалось лететь над горами. Мы делали крюк, а в это время к Долине рыбаков подходили немецкие корабли. Нас специально услали в горы, чтобы не обнаружилась засада. А, казалось бы, какая разница, где лететь.

- Наверное, больше не вернутся, сволочи, - досадливо сплюнул черной слюной Мирошниченко.

- Тихо! - насторожился Хименес. Он вскочил, отбежал на несколько шагов, взобрался на камень, будто это могло помочь ему услышать лучше.

На несколько секунд его маленькая сухонькая фигура

напряженно застыла на скале.

И мы уже начинаем отличать от шороха моря гул моторов.

- Не хватало еще авиации.

Авиация оказалась своей. Те самые СБ, которых мы должны были отсюда прикрывать. Не знаю, заметили ли они расстрел, что нам учинили тут. Через несколько секунд за мысом раздались стрельба и взрывы. Сомнений быть не могло: наши обрушили бомбовый удар по кораблям.

Потом стало известно: немецкий крейсер получил тяжелые повреждения.

- Несчастливый день, - вздохнул Хименес.

Спускаемся на плато. Овцы тянутся к людям, как то очень уж по-человечески встревоженно заглядывают в глаза.

- Надо лететь, - говорю.

- Надо бы в рай, да грехи не пускают, - оглядывается на меня Матюнин. Он шагает впереди, ему уже открылось, что все наши самолеты иссечены осколками.

Собираем раскиданные парашюты, усаживаемся на совет, унылые, как погорельцы. Разворачиваем на коленях планшеты с картами. Где сейчас наши техники? Как связаться с командованием? Может быть, подойди колонна, удалось бы оживить мою машину? Она меньше других повреждена. Впрочем, вряд ли...

Послышались голоса. Руки невольно тянутся к оружию. Из-за скалы - там проходила узкая дорога - показалась группа людей.

- Рыбаки, - объяснил Галеро, он хорошо знал здешние места.

Трое наших испанцев о чем-то живо заговорили с рыбаками. Те, видимо, услышав, что здесь произошло, смотрели на покореженные самолеты и удрученно покачивали головами. Затем ушли.

- Какие новости?

- Говорят, что скоро может показаться марокканская конница. Вдоль моря идти опасно, надо пробираться горами.

- Неужели нашу колонну отрезали?

- Могли и отрезать, - печально склоняет голову Галеро.

Вступаю в командование:

- Пять минут на перекур - и в путь! Брошены окурки. Еще минуту сидим, отчаянно глядя на следы разгрома. Шутка ли! Шесть истребителей одним махом.

- Ладно. - Матюнин закидывает парашют на плечо, - Веди, командир. Мы еще свое возьмем.

* * *

Наконец маленький отряд увидел с облысевшей горы блеснувшее море и раскинувшийся по берегу городок.

- Это и есть Альмерия, - объяснил Галеро слабым голосом. Его тонкое нервное лицо стало еще суше, скулы остро выпирали, даже проступившая густая щетина не могла этого скрыть.

Вид у нас удручающий. Оборванная одежда лохматилась клочьями, губы побелели и потрескались, люди шли, медленно волоча ноги, сгорбившись под тяжестью парашютов. Бросить их никто и не предлагал: парашют - военное имущество, тоже оружие.

Это была ужасная сотня километров. По бездорожью, по скалам, через колючие кустарники. По ночам воздух в горах сырой и холодный, легкие курточки не могли согреть. Нас колотило мелкой дрожью, мы отчаянно жались друг к другу.

Последние километры пути вспоминаются, как во сне.

На окраине, у маленького домика, держась руками за изгородь, тревожно всматривался в странную группу старик в мятой шляпе.

- Пить! - потребовал Галеро.

Старик суетливо поспешил к дому, вернулся с большим кувшином. Вино было холодное, но вкуса его мы не чувствовали.

- Где алькальд? - обратился к старику Галеро.

- Я доведу, - ответил старик, ни о чем не спрашивая.

Мы шли по середине улиц длинной цепочкой, люди удивленно останавливались, смотрели, спрашивали старика, многие тянулись за нами, так что мы привели за собой к дому алькальда приличную толпу.

Алькальд - что-то вроде мэра. Он, к счастью, оказался дома и внимательно выслушал рассказ Галеро, участливо поглядывая на нас.

- Вам надо подкрепиться.

Только теперь мы вновь остро почувствовали, как хотим есть. Ведь за четверо суток ни крошки не было во рту.

- Только у меня дома ничего нет, - смутился алькальд. - И хозяйка уехала.

Пальцами руки он тер лоб.

- Что же делать? Ведь сегодня - доминго!

О, доминго! Воскресенье. Это значит, что вся жизнь выключается. Даже если бы было землетрясение, доминго есть доминго. Все закрыто. Не случайно старик привел к алькальду прямо на дом.

- Сейчас организуем, - нашелся алькальд. - Есть на берегу одна таверна.

Но сначала я попросил алькальда соединить меня с кем-нибудь из авиационного командования. Через долгих полчаса наконец удалось связаться, доложить о случившемся и дать свои

координаты.

Вскоре из корчмы вернулся старик-провожатый, сокрушенно развел руками:

- Доминго!

Алькальд растерянно посмотрел на нас. Но тут же нашел новый выход, обрадовался.

- Сейчас!

Мы уселись на длинные лавки и уронили головы на стол...

Очнулся я от стука по столу. Хозяин принес целую корзину огромных вареных раков.

Корзина опустела в мгновение ока. Тут только, кажется, хозяин понял, как много нам надо. Он прикрикнул на помощниц, скоро появилась вторая корзина, в печи поддали огня.

В дверях теснились. Слышался шепот: "Русо". Женщины кусали кончики черных платков, вытирали слезы...

Утром прилетел Пумпур. Выслушал подробный рассказ, с горечью пошутил:

- Теперь у нас будут запчасти.

От него узнали, что наши техники пробились сквозь вражеский заслон. Приехали на изрешеченных машинах, но жертв, к счастью, не было.

За нами пришел транспортный самолет. В Альбасете, куда мы прибыли и где находился штаб авиации, шумно. Много самолетов. Новенькие, с иголочки, как охарактеризовал Матюнин. Идет сборка, проводятся испытательные облеты. Мы ожили, облегченно вздохнули.

Чувствительный Галеро подолгу тряс наши руки:

- Спасибо, ребята! Спасибо вашей стране!

Красные гвоздики Испании

- А поворотитесь-ка, сынки, экие вы стали!.. Рычагов встречает нас на манер Тараса Бульбы. Но глаза комэска не улыбаются, в них смертельная усталость.

- Та-ак... Малагу вы сдали, а Валенсию покорили. Баланс получается один к одному.

- Малагу сдали анархисты, - горячо и обидчиво вступается Галеро.

- А Валенсию покорить не успели, - пытаюсь поддержать шутливый тон. Два дня в Альбасете - и оба целиком проспали...

- Жаль, - притворно вздыхает Рычагов, - вам надо побывать и в Валенсии.

В этот город на восточном побережье, куда выехало правительство и много всякого люда из прифронтовых районов, мы попали по настоянию Пумпура.

- Без отдыха толку от вас будет мало! - категорично пояснил

он свое решение.

Поселили нас за городом, на берегу моря. Как мы поняли, здесь в нескольких коттеджах сделали что-то вроде дома отдыха для летчиков. Беспрерывные бои отчаянно выматывали, люди теряли силы, притуплялась реакция, а с этим шутки плохи - ты перестаешь быть в воздухе бойцом. Поэтому Сиснерос и Дуглас решились на такой хотя бы скоротечный профилакторий. Как оказалось, мы были первыми, кому выпало вкусить благодатного отдыха на взморье.

Еще сутки проспали. Полдня просидели на берегу моря, блаженно слушая его вечный рокот. Вечером решили познакомиться с городом. Наши испанцы ушли разыскивать своих знакомых.

Чопорные особняки в садах постепенно сменяются более плотной застройкой. Улицы красивы той великолепной архитектурой, которая утверждалась веками. Много замысловатой лепки, изящное чугунное литье. На улицах людно. Здесь война едва чувствуется.

- Не то что в Мадриде, - замечает Мирошниченко. - Помните, как косились на наши выходные костюмы?

На этот раз оделись поскромнее, но видим: центральные улицы заполняются довольно принаряженной вечерней публикой.

- Совсем как у нас в Житомире, - говорит Матюнин, - только наши щелкают семечки, а эти - миндальные орешки.

Из-за угла показалась шумная компания. Мужчины темпераментно что-то обсуждали.

- Смотри! - схватил меня за руку Матюнин. Заметили и они нас. Старые знакомые - Гедес, Костането, Дори, другие французские летчики.

- Каким образом очутились в глубоком тылу? - с вызовом спрашивает Анри.

- Погоди, - осадил его Гедес. - Как вы здесь, друзья?

- После Малаги...

- Да, мы слышали. Там была крепкая драка.

- А вы чего в тылу? Гедес вздохнул:

- Уезжаем. Не сложилось у нас тут... Э, ладно! Давайте хоть простимся по-человечески, а? Он напряженно ждал ответа.

- Почему бы и нет?

- Отлично! - обрадовался Гедес. - Значит, через два часа в Лас Аренас. Устраивает?

Они ушли, уже притихшие и чем-то как бы задетые.

- Не прижились все-таки, - первым нарушил молчание Мирошниченко.

- При чем тут "прижились - не прижились"? - возразил

Матюнин. - Просто перепутали дверь. Ехали на заработки, а попали в обстановку, где действует бескорыстный интернационализм.

Немало французских добровольцев воевало в Испании. Сражались с пылкой преданностью и отвагой легендарных парижских коммунаров. Но эта группа французских летчиков выглядела на этом фоне заметным исключением. С самого начала принципы комплектования группы были явно не наилучшие.

Впоследствии Сиснерос писал, что знакомство с французскими летчиками вызвало у него глубокое разочарование. Они, как отмечал Сиснерос, не были теми романтическими героями и приверженцами свободы, которых хотели видеть в них рабочие Франции. Исключение составляли трое или четверо, остальные были авантюристами, заурядными наемниками, рассчитывающими лишь на заработки.

Несколько раз Сиснерос пытался отправить их, но правительство не соглашалось, боясь того плохого впечатления, которое могло все это произвести во Франции.

- Тоже мне благородный порыв, - возмущается Матюнин. - Пятьдесят тысяч франков в месяц плюс через каждые три месяца отпуск с поездкой на лучшие курорты Европы. Иные на войну приехали с женами...

Несколько французских летчиков вначале было включено в нашу эскадрилью. Я вспомнил их первые вылеты.

- С какой настойчивостью требовали летать самостоятельной группой!

- Еще бы, - сразу откликнулся Мирошниченко, - покружат над республиканской пехотой, та им помашет беретами - и назад, домой. Полет выполнен, деньги заработаны. С нами полетят - чуть драка, они в сторону...

- А поломки потом пошли, - продолжаю. - Нарочно сажает с недолетом, чтобы подломить шасси. Неделю чинится.

- Помните, как Роберт удивлялся? Интересные, говорит, эти русские. Не спорят, кто сбил самолет. Я спрашиваю: "Чего спорить?" Отвечает: "Ну как же! Надо точно знать, кто сбил, кому деньги полагаются". Им за сбитые тоже платят.

Так с французов перешли на американцев. Те пилотировали отлично и сражались отважно. Но непонятна и неприятна была их неприкрытая расчетливость. Ехало их из США около сорока человек. Кажется, в Париже к ним в гостиницу явился франкистский вербовщик. В результате группа раскололась. Половина уехала к Франко, половина - в республиканскую Испанию. Франко платит больше, но нерегулярно, республиканцы - меньше, но в четко установленные сроки.

- Сейчас свой в своего стреляет, - сокрушенно качает головой Мирошниченко.

- Видите, - пытаюсь нащупать объяснение, - летчики там не из рабочих и крестьян. Это и сказывается на сознании...

- Гедес?

- Гедес исключение. Как и Сиснерос, как и многие другие. Но я говорю в общем. Мир все больше раскалывается на "нас" и "их", и тут не так просто сортируется,

- Конечно, - соглашается, подумав, Мирошниченко. - Мы себе поначалу тоже наивно представляли, как и те крестьяне под Малагой: маркизы против крестьян. На деле же порой рабочий целится в рабочего, крестьянин - в крестьянина. Здесь важно другое: кто по какую сторону баррикад. Маркизов не хватило бы, чтоб капитализму держаться...

Мы увлеклись, и встречные с любопытством посматривали на громко разговаривающих иностранцев.

К ресторану подошли, порядочно прошагав центральными улицами, постояв у красивых соборов и дворцов. Гедес уже поджидал, нетерпеливо высматривая нас у входа.

Французы были с женами. Наполнили бокалы. Жена Дори, хорошо сложенная, пожилая, с красивой сединой в волосах, поднялась, приковав к себе внимание.

- Пусть вас не удивит, - обратилась к нам, - что на этой скромной вечеринке, которую устроили мужчины и воины, чтобы попрощаться, первое слово взяла женщина. Только женщина может вам сказать все, чего вы заслуживаете.

Она хорошо говорила по-русски, правда, нам как-то не привелось выяснить, откуда это у нее.

- Встреча состоялась не потому, что нашим мужчинам недоело пить вино только с нами. - она едва улыбнулась н быстрым взглядом обвела внимательных серьезных французов. - Мы хотели отдать дань уважения русским. Я должна признаться, что нами с большей иронией воспринимались первые сведения о вас...

Нам это было известно. Однажды, когда не было погоды и вновь намечалась поездка в Мадрид, французы от нее отказались. Переводчик Саша встретил потом неожиданной новостью:

- Французы донос сочиняли. Мол, советские летчики - хорошие воздушные бойцы, крепкие физически, но они плохо влияют на испанцев. Русские-де не соблюдают субординацию, у них летчик может вместе с механиком делать грязную работу, равными держат себя в обществе с самыми рядовыми людьми, могут спать на простых солдатских постелях...

Теперь жена Дори как бы приходила к истине, только неясно

было, насколько остальные разделяют ее чувства.

А она в самом деле расчувствовалась, в глазах блеснули слезы.

- Вы для нас загадка. Говорили: вы - мужики. А мы увидели прекрасных, жизнерадостных, отважных людей. У нас во Франции летчик - это очень высоко! Но советские летчики - неизмеримо выше. Не всегда просто постичь вас, понять бескорыстие и бесстрашие, когда вы напролом идете, не думая о смерти, вдали от родной земли, на чужой стороне. Вы прекрасны! Француженки - гордые женщины, и если они говорят такие слова, можете представить, от каких это чувств.

Она неожиданно заплакала и села. Мы смутно угадывали за таким неожиданным тостом непростые ее открытия и переживания. Все протянули к нам бокалы.

* * *

Наутро за нами пришел самолет.

- Собирайтесь, курортники, - поторапливал летчик. - Начальство передумало. Дало пять дней, а потом спохватилось. Молодые, мол, хватит им и двух суток, чтобы отоспаться.

И вот оглядывает нас Рычагов своими усталыми глазами.

Пабло Паланкар, имя которого знает вся Испания, но лицо которого ей узнать не дано, все такой же. Энергичный, распорядительный, неунывающий. Ему не дают ни минуты покоя. На обращения он реагирует мгновенно, порой даже скорее, чем успевают высказаться.

- Товарищ командир, новая партия боеприпасов...

- Срочно готовить, сделать контрольные отстрелы.

- Товарищ командир, я в отношении...

- Знаю. Тех двоих прикрепите к Артемьеву, пусть слетает с ними, проверит.

Ходит грудью вперед, рука в кармане, цепко видит все, то и дело задевая шуткой.

- Педро, а ну-ка дай!

Ему откатывают мяч, он неотразимо бьет с левой - в верхний угол ворот.

Футбол и мотоцикл - его страсть. Командир нередко пускается побегать вместе со всеми, благо недостатка в баталиях не бывает. Испанцы - фанаты этой игры, в каждой машине мяч, а то и про запас, любая подходящая минута заполняется футбольной потасовкой.

- Ладно, - еще раз осматривает нас. - С виду не блеск, но воду на вас возить можно. И серьезно:

- Вот что. Дел подвалило. Прибывает подкрепление, надо втягивать ребят в боевую работу, постепенно передать им все

полезное, чему тут сами научились в боях.

Новички - в основном наши одногодки, но теперь возраст меряется иначе. Чувствуем себя стариками. Будто с высоты долгих прожитых лет взираем на пополнение, такое необстрелянное и непотрепанное. А они на нас - с невольной почтительностью.

В нашу группу на выучку включили Реутова, Зайцева и Пузейкина.

Матюнин верен себе.

- Ну что, товарищи, - бодро обращается к новичкам, - сейчас товарищ Кондрат, герой испанской войны, познакомит вас с наукой побеждать.

Молодежь улыбается: понятное дело, старички шутят.

- Сейчас командир звена вам все по порядку растолкует. А это уже половина дела, - серьезно говорит Матюнин, заметив мою задумчивость.

Реутову, Зайцеву и Пузейкину неунывающий Матюнин явно пришелся по душе.

- От себя могу передать наш девиз для боя: "Но пасаран!" - добавляет Виктор и вскидывает руку со сжатым кулаком.

* * *

Аэродром - на поле у села. Домики сложены из белого камня, тесно жмутся один к одному. Село глядит на мир немногочисленными маленькими окошками.

Ночевать приходим к крестьянам. Но допоздна засиживаемся у приемника. Мы нашли его с Матюниным в охотничьем доме маркиза, где на полу лежали шкуры, а на стенах висело множество рогов, чучел, экзотического оружия. Теперь приемник - зависть всей эскадрильи.

Ночью приемник берет волну Москвы. Когда ее голос наконец, доносится из эфира, все затихают и печать настороженного ожидания ложится на лица похудевшие, черные от загара. Потом, будто мягкие нежные тени от облаков по высохшей жаждущей земле - по губам, по глазам блуждают отрешенные улыбки. Как у детей, которых воображение поднимает над обыденностью и незаметно переносит в чудесную сказку.

Сходятся и крестьяне, завернувшись в одеяла. Стоит промозглая мартовская погода. Им переводят. Они внимательно слушают. Уже многие могут это делать - и наши, и испанские бойцы эскадрильи.

О чем же говорят дикторы? Идут митинги в защиту Испании. Открылся колхозный санаторий... Рабочие харьковского тракторного завода получили несколько новых жилых домов...

Крестьяне слушают с напряженным интересом, просят кое-что разъяснить. СССР для них - страна неузнанная, еще во многом непонятная, но родная. Они знают о главном: там хозяева - рабочие и крестьяне.

Есть у нас еще патефон и пластинки. Но танцы не выходят - сельские дульцинеи застенчивы и горды. Угостить их шоколадом можно лишь через кого-либо из старших.

Поскрипывает, посвистывает приемник. Вот сквозь шумы и помехи пробивается голос Утесова:

Любовь нечаянно нагрянет,
Когда ее совсем не ждешь,
И каждый вечер сразу станет
Удивительно хорош...

А где-то есть мирная жизнь, с такими вот песнями, с обыденными приятными заботами, любовью...

Неслышными шагами подходит Рычагов, какое-то время слушает приемник, трогает меня за плечо.

- Как бы нечаянно не нагрянули "юнкерсы". Не нравится мне сегодняшний прилет разведчика. Подключись со своими пораньше к дежурной группе.

В конце ночи, едва темень стала терять густоту, послышался отдаленный, нарастающий звук моторов. "Юнкерсы" все чаще переходят к ночным бомбардировкам. Отыскать город помогают приборы и светящиеся бомбы. Истребители же ночью - не работники.

На этот раз фашисты заодно решили разбомбить и наш аэродром.

Но "курносые" были начеку. Отряхивая с себя холодные капли росы, они понеслись на взлет.

... Только потом я понял, что смертельная очередь предназначалась мне. Я атаковал "юнкерса" и не заметил, что стрелок второго вражеского бомбардировщика открыл по мне огонь. Тут же стремительной тенью промелькнул мимо моей кабины истребитель. Затем, завалившись в глубокий крен, спиралью пошел к земле.

Так погиб Квартеро. Он прикрыл меня своей машиной. Когда я это понял, трудно было успокоить себя. Вспоминалось, как укорял его там, в Малаге. За то, что слишком близко подошел к пулеметам "юнкерса". Пришлось, выручая его, отвлечь на себя внимание вражеского экипажа. Получалось, что вроде бы я его толкнул тем укором на ответный жест.

- Не переживай, командир, - успокаивал меня после полета Галеро. - Он иначе не мог. Он всегда восхищался беззаветностью ваших летчиков и говорил: "Мы перед ними в неоплатном долгу...

"

Да, это и есть настоящий интернационализм, бескорыстная товарищеская взаимовыручка в бою. Вспоминается еще один случай, который трудно забыть. Когда мы приехали защищать небо Мадрида, у его стен простым пехотинцем воевал рабочий паренек коммунист Альфонсо Гарсиа Мартин. Альфонсо с группой своих боевых товарищей, имевших, как и он, некоторые навыки в пилотировании, выехал в СССР для обучения летному делу. Вскоре он вернулся и стал водить бомбардировщик. Однажды он возвращался с задания один и внезапно был атакован шестеркой немецких истребителей. Радиста-стрелка тяжело ранило, левый мотор вышел из строя. "Это конец, - подумал Альфонсо. - Сейчас добьют".

Но тут выскочил из-за облаков истребитель И-16. Один против шестерых дерзко пошел в атаку. Он метался от одного вражеского истребителя к другому, связал их боем, отгоняя стервятников очередями от республиканского самолета. Один "мессершмитт" ему удалось сбить. Остальные переключились на него, что дало бомбардировщику возможность уйти.

Приземление поврежденной машины было неудачным. Альфонсо ударился и потерял сознание. Когда очнулся, первое, что он спросил, было:

- Вернулся истребитель?

- Нет, - ответили ему. - Погиб...

- Кто он?

- Советский летчик Александр Герасимов.

В августе 1938 года лейтенант Альфонсо Гарсиа Мартин вновь приехал в СССР, но вернуться в Испанию уже не смог - там хозяйничали фашисты. Советский Союз стал для него второй родиной. Он принял советское подданство и взял себе имя - Александр Иванович Герасимов. Так он возвратил Стране Советов ее верного сына, отдавшего свою жизнь за дело испанского парода.

В годы Великой Отечественной войны Александр Иванович Герасимов Альфонсо Гарсиа Мартин был летчиком-штурмовиком, сражался мужественно, был награжден многими орденами. Сейчас он живет в Воронежской области.

Новая угроза нависла над Мадридом. Итальянский экспедиционный корпус, захватив Малагу и сильно потрепав республиканцев на юге, неожиданно совершил длительный марш, пересек всю Испанию и теперь шел на Мадрид с севера. Его удар нацелен вдоль Французского шоссе, через Гвадалахару.

Несколько дней назад авиационная разведка подтвердила: да, подходят длинные плотные колонны. Разведку удалось провести

просто чудом: погода стояла абсолютно нелетная.

На севере страны республиканский фронт был почти открыт. Сюда в спешном порядке стали перебрасывать интернациональные бригады, артиллерию, танки.

Смушкевич, Пумпур, инженеры Зелик Иоффе и Яков Залесский буквально шагами перемеряли все аэродромы. В Алкале нашли более или менее пригодную полосу земли. Сотни крестьян трудились здесь, укрепляя ее песком, равняя, трамбуя. Сюда успели до самых проливных дождей переправить авиацию с других аэродромов. Теперь тут все забито самолетами. Бомбардировщики СБ, штурмовики Р-5, истребители И-15 и И-16 стоят вплотную друг к другу, "по колени в воде", уставившись носами в желтоватую линию искусственной взлетной полосы. Повсюду - бензовозы, штабеля бомб, горы всевозможного аэродромного имущества.

Вечер. У нас праздник: приехал Михаил Кольцов. Наш Миша. Вот кого послушать! Как глубоко понимает он эту непростую чужую жизнь со всеми тонкостями психологии, обычаев, расстановки политических сил, как умеет емко и просто все изложить и объяснить. По отрывистым рассказам можно представить, какой ценой даются ему эти знания: ходил в поиск с разведчиками, останавливал отступающих бойцов, дискутировал с дипломатами, просвещал анархистов, выколачивал боеприпасы...

Ему приятно сидеть среди своих, потягивать крепкий чай, перебросится словом, просто помолчать. Сейчас он с улыбкой наблюдает, как Матюнин и Мирошниченко выясняют свои бесконечные отношения.

- А в чем дело? - Кольцов с интересом следит за их перепалкой.

- Да вот ведь дело какое, - пояснил Матюнин. - Дежурило наше звено. Вспорхнула ракета. Одна, значит, дежурному звену. Три - всем. Ну поднялись, развернулись к аэродрому вновь, чтобы глянуть, куда нас нацеливают. Стрела указывала на северо-запад.

Пошли в том направлении и вскоре заметили его, голубчика. Крался под самыми облаками. То уйдет в них, то вновь покажется. Наконец настигли. Вот здесь я чуть не выскочил на очередь, пущенную Николаем по фашисту!

- Ладно, - недовольно заканчивает рассказ Мирошниченко, потому что Матюнин пускается в длинные объяснения, что и как было. - Главное, мы приземлили того франкиста.

- Постойте, постойте, - оживляется Кольцов. - Я случаи этот помню. А знаете, что вы посадили франкиста именно в наиболее полном смысле слова?

Все настораживаются.

- В полном смысле?.. - неуверенно переспрашивает Матюнин.

- Как же! Первого франкиста. Брата вожака мятежников - Района Франко. Известный в Испании летчик, ас. Возвращался из Германии, где вел переговоры о новых поставках оружия.

- О-о! - загудели вокруг. - Вот так добыча! У вашего звена теперь личные счеты с самим каудильо...

Весь следующий день прошел в напряженном ожидании. То и дело посматривали на небо. Кончит ли низвергаться эта мешанина дождя и снега? Оправдывается ли прогноз метеорологов? От стоящего поодаль автомобиля доносятся возбужденные голоса. Это спорили между собой два Матео.

- Коммунисты с самого начала были за регулярную армию, - наступал Матео-маленький, - за введение комиссаров. А ваши социалисты во главе с премьер-министром Ларго Кабальеро все хитрили, пятились от этих вопросов, революции то и дело палки ставили в колеса.

Матео-большой принадлежал к социалистической партии и в споре с техником сейчас чувствовал себя явно неуверенно.

- Мы хотели более демократично решать вопросы обороны.

- Нужна диктатура рабочих! - горячился техник. - У России учиться надо. У Маркса, у Ленина. А вы болеете болезнями Второго Интернационала.

- Но должна же новая армия чем-то отличаться от старой, - не сдавался Матео-большой. - А ты опять - диктатура, дисциплина. Должен же солдат новой армии почувствовать какую-то свободу?

- Он за нее драться должен... Скажи спасибо коммунистам, что регулярная армия все же создается... И хорошо, есть у кого поучиться: советские военные показывают пример организованности, дисциплины, четкости. А что, не так?

Под мышкой Матео-большой держит термос. Он спешит прекратить спор и обращается ко мне:

- Горячий кофе. На дорожку, а?

Вот и сигнал на вылет. Бомбы подвешены, пулеметы заряжены, баки полные...

Позднее английская "Дейли телеграф" писала об условиях нашей адской работы: "Два дня тому назад корреспондент наблюдал за разведкой, производимой одиннадцатью правительственными самолетами под проливным дождем, при ветре силой в 60 миль в час... "

Замысел нашего командования: нанести первый удар по войскам, проходящим через ущелье. Летим низко. Серой полоской тянется Французское шоссе. Вот первые машины. Проходим дальше. Не надо даже целиться, бомбы летят точно на

дорогу. Возвращаемся - и вновь в небо.

Несколько дней действовал беспрерывный конвейер. За это время фашистская авиация так и не появилась.

Вечером после полетов читаем газету. Самое интересное - вслух. Там подробно описаны успехи республиканцев. Особенно хвалят авиацию и танки. Говорят об огромных потерях итальянцев.

- Ну что, курносые, - говорит Рычагов, - генерал Дуглас разрешил нам посмотреть на свою работу.

Автобус шел по знакомому с высоты Французскому шоссе. Но теперь оно иное. Ничего живого на нем. В кюветах, заполненных водой и грязью, машина на машине, ведь шли они в два-три ряда, орудия, трупы врагов.

В селении возле церкви остановились. Двое республиканцев конвоируют пленного.

- Подведите его сюда, - потребовал Смушкевич. - Кто вы?

- Майор. Командир батальона,

- Где ваш батальон?

Майор поднял смертельно усталые глаза, повел ими в сторону.

- Здесь, в канавах. Они уже не встанут.

Закачал головой, лицо выражало недоумение.

- Так просчитаться! Так просчитаться!

- Вас разбила авиация? - спросил Смушкевич.

- Авиация. А то кто же? Они были в ударе. Почти винтами рубили. Это был ужас...

Чуть подальше, на не так размоченном пригорке, увидели группу людей. Узнали плотного, в большой кепке, всем своим видом напоминающего степенного провинциального служащего, генерала Павловича - Мерецкова, подвижного Павлито - Родимцева. Здесь Кольцов, Хемингуэй, другие журналисты.

Хемингуэй кивнул головой и показал большой палец. Кольцов ввалился в нашу гурьбу.

- Молодцы! Это - отличная победа.

После этого была еще одна приятная встреча. Приезжала на аэродром Долорес Ибаррури. Останавливалась, радостно здоровалась, трогала заплаты на самолетах. Все собрались ее послушать.

- Сражение при Гвадалахаре, - говорила Долорес, - крупнейшая победа. Сорван еще один удар по Мадриду. Свыше пятидесяти тысяч итальянцев участвовало в этом подлом и коварном походе. По предварительным данным, они потеряли в сражении до десяти тысяч убитыми и ранеными.

Закончила она простыми словами, по-матерински прижимая

руки к сердцу:

- Испания вас благодарит!

Прощай Испания!

У пирса покачивается судно. Оно поглотило в свое нутро множество ящиков с апельсинами, их повезут испанским детям, для которых СССР стал второй родиной. Еще погрузили разрезанного на части "юнкерса", немецкие осветительные бомбы, образцы патронов к итальянским крупнокалиберным пулеметам - оружие врага надо тщательно изучать.

Десять месяцев сражается Испанская республика. Она будет сражаться еще почти два года. Лишь в самом конце войны франкисты смогут взять Мадрид сердце республики билось до последнего.

Корабль отходит от стены. Здесь, в бухте, его вздымают уже приглушенные валы, а там, в открытом море, они разъяренно взвиваются к небу.

Стоим на палубе, всматриваемся в уходящую качающуюся землю.

* * *

Здесь вблизи мы увидели фашизм.

Здесь прошел еще одну историческую закалку пролетарский интернационализм, в этом горниле были и мы.

Здесь могилы наших товарищей. Чуть позже Михаил Кольцов привезет родным Сергея Тархова ключик от его последнего пристанища.

Здесь осталась сражаться новая смена, новая славная когорта советских пилотов. Вскоре отличатся Михаил Якушин и Анатолий Серов - пионеры применения истребителей в ночных боях. 27 и 28 июля они собьют в кромешной тьме по "юнкерсу". Евгений Степанов совершит воздушный таран. Иван Волощук, направляясь к самолету, упадет в обморок от переутомления, а Петра Бутрыма механик будет подсаживать в кабину, так как сил на это у летчика уже не было...

И сейчас плывет к берегам этой пылающей страны мой друг Леня Ерохин. С ним мы так и не встретимся. Когда я ступлю на родную землю, его предадут земле здесь, и троекратный салют сухо разорвет над ним жаркий испанский воздух.

Потом подсчитают: всего около трех тысяч советских добровольцев сражалось в Испании, почти двести из них остались в ней навсегда.

Когда объявили о нашем возвращении, два дня оба Матео ходили, как больные.

- Командир, хотите, я сделаю вам чемодан? - предложил Матео-шофер и сокрушенно вздохнул при этом. А техник принес

огромный букет красных гвоздик.

- Цветы революции.

Я держу их теперь в руке.

Море кипит, дыбится, бросает судно то вверх, то вниз. Воздух сырой и соленый, мы дышим брызгами. Черное и клубящееся, как дым, небо сливается, перемешивается с морем, волны мощно шуршат и ухают. Над ними, над нами носятся, мечутся и так тоскливо кричат чайки!

Пылающие сороковые

Нашествие

Эшелон был особый. Литерный! Он проходил станцию за станцией, продираясь сквозь толпу других поездов. Они стояли, уступая нам дорогу. Мелькали вагоны и платформы с заводским оборудованием, ранеными, курсантами и и "конским составом" артиллерийского училища, с женщинами и детьми, с какими-то ящиками, бочками, балками, металлическими фермами. Наш литерный выскакивал за это смотрящее нам вслед, столпотворение и вновь прибавлял ходу.

Догорала осень. Донская степь уже не парила. Поля покрывала выгоревшая и поблекшая от первых дождей желтизна стерни. Остро, навязчиво пахло железной дорогой.

По сторонам торопились в глубь России автомашины, тянулись повозки со скарбом и ребятишками, порой шли люди, сами катящие тележки, - эти, видать, перебирались недалеко, к своим сельским родичам.

Иногда эшелон останавливался, поджидал, успокоив свое частое дыхание, пока не пролетал мимо встречный - с войсками.

Наш шел, казалось, в тыл, но на самом деле - с фронта на фронт. Враг приближался к Москве, надо было срочно, чем только можно, прикрыть сердце страны. Южный фронт отрывал от себя этот эшелон танков. Посылали технику почему-то без танкистов, только три человека охраны - вот и весь "экипаж". Их вагон - поближе к паровозу.

Словом, танки едут без танкистов, а летчики - без самолетов.

Еле удалось пристроить три полковые теплушки к такому привилегированному составу. Зато теперь зеленая улица, да и в танках с комфортом устроились наши бойцы, потому что всем места в вагонах не хватило.

Поезд начал притормаживать и вот остановился. С визгом откатываются двери теплушек, на поперечный брус сразу наваливается грудью с десяток обитателей - любопытно, куда приехали и почему остановились. Несколько человек торопливо бегут под откос...

Спрыгиваю. Впереди маячит семафорный столб, стрелка на

нем показывает: путь закрыт. На остановках я обычно оглядываю свое авиатанковое хозяйство.

Уткин и Назаров вынырнули из-под брезента, маскирующего танк, смотрят с платформы вперед.

- Старается старлейт, - иронически бросает невысокий тщедушный Назаров, - опять побежал к машинистам уточнять, почему остановка.

Старший лейтенант - начальник охраны литерного (а в охране он да два бойца) действительно торопливо шагал от своего вагона к паровозу.

- Не надоело сидеть в танке? - хочу перекинуться шуткой с этими бойцами, недавно прибывшими в полк и все время держащимися особняком.

Шутку они принимают, но на свой манер.

- Нам еще до танка надоело, - развязно отвечает крупный, я бы сказал, мощный, Уткин, а Назаров подобострастно хихикает, тут же тушуясь.

- Зато вон Баканов, - Назаров смелеет и кивает в сторону соседней платформы, - храпит, аж броня вздувается.

Назаров сутуловат, он все время посматривает на Уткина, будто стараясь улавливать его настроение, - и от всего этого создается впечатление, что он постоянно в поклоне перед хозяином.

- Тут поспишь! - откликается механик Баканов. - Мысли такие в голову лезут, что покоя нет. Еще несколько городов сдали...

- Еще сколько сдадим... - обещающая нотка неприкрыто звучит в грубом голосе Уткина. Лицо у него широкое, глаза колючие, верхняя губа рассечена сбоку шрамом, что придает ему мрачный, угрожающий вид. И держится он слишком уж независимо.

- Сколько сдадим - все вернем, - уверенно и, как мне показалось, с обозленностью на эту интонацию Уткина отпарировал Баканов. Этот боец, напротив, невысок, щупл, у него голубые беззащитные глаза, но какая-то особая сила внутри у него, в движениях, в голосе. И поэтому даже Уткин не решается продолжать беседу.

Комендант литерного возвращался к своему вагону. Я пошел навстречу. Двое суток едем, а познакомиться как следует не удалось.

Внезапно паровоз истошно закричал. Бешено крутанул колесами назад, но остался стоять на месте. Еще крутанул - и дернулся вперед, словно бодаясь. Первые вагоны чуть подались, и тут по составу, от платформы к платформе, побежали страшный лязг и дерганье - так начинается движение.

Подсаживаю старшего лейтенанта в вагон - одной рукой ему было бы трудно, а вторую он носит на перевязи.

Вагон заставлен ящиками, только небольшое место свободно. Здесь брошена на солому шинель, рядом чайник и два котелка.

Хозяин садится на край шинели, второй пододвигает мне. Устало прислоняется к ящикам. Лицо его изможденно. Что называется - кожа да кости. Я заметил ночью: старший лейтенант подменял своих бойцов то в начале эшелона, то в хвосте. Хотя мы тоже выставляем охрану, но он продолжает нести караул по своему распорядку.

- Не удается поспать? - спрашиваю сочувствующе.

- Поспать можно, - морщится он, - да рука вот мучает.

- Где это вас так?

- Под Львовом я начинал, там сразу и сделала зарубку война, - чуть двигает в мою сторону перевязанной рукой. - Да что рука! Там навсегда лежать осталось столько, что трудно сказать.

- Тут уж не отнимешь - много они взяли внезапностью.

- Для нас ее не было, - возразил он. - Мы-то так и думали, что война вот-вот... Фашисты нагло летали над нашей территорией, по ту сторону границы накапливались войска, пограничники нам об этом рассказывали... Наш командир не ждал, как другие. Добился, чтобы нам разрешили сменить район лагерей, какими-то хитростями заполучил много боеприпасов. Когда все началось, других в казармах накрыла бомбежка. Артиллеристов в бой сразу бросили, а снарядов нету... Словом, кто был благодушным, тот дорого заплатил. А мы в полной боевой, как говорится, поспешили на выручку. Ох и люди, я вам скажу!

- Кто? - не понял я.

- Пограничники. Все как один герои. Прямо как из стали отлитые. Вцепились в границу намертво. Это уже потом принимались приказы об отходе, а им самой службой заранее приказано: стоять насмерть. Мы в первый день с пограничниками даже вышибли немцев с нашей территории. Старшина, помню, сказал: "Ну хорошо мы их отшили, теперь больше не сунутся". И весело так скомандовал: "Командиры отделений, собрать гильзы!" Говорю ему, что, мол, война. А он мне: "Была война, а теперь кончилась. И гильзы с меня завтра спросят". Вот как по первому времени бывало. Старшине через полчаса крупнокалиберный пулемет всю грудь разворотил. Он скорбно склонил голову.

- Почти все там полегли. Трое моих ребят с гранатами под танки бросились... Мы дорогу оседлали. Я за пулемет лег, на бугорочке. Накосили мы фрицев! А потом сила какая-то как подхватит меня, чувствую: в небо взлетаю. Еле потом выбрался из окружения... Вот так встретил я войну.

А я встретил ее совсем в другой обстановке. Мы с Нилой только что приехали в Сочи. И в тот же вечер с затененной парковой скамейки кто-то насмешливо окликнул:

- Смотри ты, старый друг, а не признается!

Так ведь это же Рычагов! В своем гражданском легком облачении он больше похож на молодого спортсмена (да ему и было-то всего лет тридцать), и уж никак нельзя было заподозрить, кто он на самом деле. А за четыре года вырос мой бывший комэск до генерал-лейтенанта, начальника ВВС РККА. Вскоре после Испании уехал Павел Васильевич в Китай, руководить действиями советских летчиков-добровольцев. Я в то время формировал полк на Дальнем Востоке. Потом судьба свела нас в боях с японскими захватчиками на озере Хасан (он стоял во главе действовавшей там советской авиации). И еще позже встретились на войне с белофиннами.

Знакомятся с Нилой. А с Машей Нестеренко, женой Рычагова, я знаком. Она - известная в стране летчица, одно время служила у меня в полку.

- А как с Олей у тебя вышло? - спрашивает Рычагов, выбрав момент, когда женщины отошли чуть вперед. - Я же помню, как ты в Испании скучал по ней.

- С Олей? Как у Шекспира: "Еще и башмаков не износила... " Я вернулся, а у нее уже муж. Житейская проза. Вот где подстерегала меня еще одна пулеметная очередь.

- Ну ничего, - смеется Рычагов. - Живой ведь. - И уже серьезно:

- А моя Мария - как Пенелопа. Вся ее жизнь - ожидание. Я же странствую по войнам...

Мы договорились встретиться на следующий день после обеда, вместе провести время.

А следующий день - это и было 22 июня.

Я играл в бильярд, а Нила сидела у стенки и страшно за меня болела, потому что мне не везло. Вдруг вбежал полковник, был он в полевой форме уже одно это удивило. Кажется, он и сам опешил на какое-то мгновение, потом едва ли не с возмущением бросил с порога:

- Включите радио!

Кто-то повернул рычажок динамика.

Выступал Молотов. Его напряженный голос, суровые, тяжкие слова сразу перевернули все в душах: война!

Передали по Сочи приказ: всем военнослужащим немедленно отправиться в свои части, женам оставаться. Последнее было бессмысленно: жены ведь были и матерями, и могучая, неуправляемая разумом святая сила материнства бросила их к

поездам, и они ничего не хотели слышать, ничего не хотели знать - они рвались к детям.

Я подходил в суматошной толпе к вокзалу. Кто-то вцепился в руку.

- Товарищ полковник, милый, золотой мой, спасите...

Женщина была как в горячке, молодая, красивая, с таким непередаваемо страдающим лицом, что я почувствовал, как у меня немеет кожа на затылке.

- Товарищ полковник, я жена пограничника. У меня там дети. Дети! Помогите мне, спасите... я вам всю жизнь... я на колени встану...

Слезы текли по ее лицу, она то хватала мой чемодан, боясь, что я уйду, то гладила по рукаву гимнастерки.

Нила стояла рядом и тоже рыдала. Потом она говорила мне: "Я думала, что сойду с ума".

Мы пошли вместе. Сначала я протащил - иначе тут не скажешь - в вагон Нилу, затем, с невероятными трудностями, - жену пограничника. Когда я с подножки искал ее в толпе, чтобы посадить в поезд, я увидел ее глаза - и был потрясен: они были полны страха и надежды, они спрашивали, просили, надеялись, благодарили, торопили...

С тех пор я знаю, что еще ни один художник не изобразил материнских глаз с полной силой.

В вагоне она впала в оцепенение, тряслась вся, и Нила в смятении терла ей виски...

Перед этим я учился на академических курсах, после отпуска предстояло прибыть к новому месту службы, в Ростов-на-Дону, на должность старшего инспектора ВВС округа.

Ростов поначалу был глубоким тылом. Сюда шли на переформирование части, потрепанные в первых боях, эвакуировались летные училища. На аэродроме все выглядело так, как на перевалочной базе.

Без старшего инспектора могли обойтись, а вот командир полка требовался. Командующий ВВС Северо-Кавказского военного округа генерал С.А. Красовский поручил, что называется, все сразу: и командовать полком, прикрывать важные объекты, и выступать в качестве устроителя прибывающих частей, и одновременно переучивать летчиков на новую машину - ЛаГГ-3.

Машина была тяжелой, летчики называли ее "летающим бревном". В работе над ней чувствовалась спешка. По утрам нередко открывалась такая картина: один самолет лег на левое крыло, второй - на правое, третий вообще вдавил винт в землю. Не держалось давление в шасси и стойки "подламывались".

Но война торопила восполнить понесенные потери. Кроме

того, суровая година застала нас на этапе перевооружения, реорганизации и переучивания.

Над ЛаГГ-3 упорно трудились, продолжалась конструкторская доводка, хотя машина уже поступала в войска. Полк ко всему сделали еще вроде испытательного. Приехал летчик-испытатель майор Гузий, ему важно было изучить самолет уже в боевом полку.

Он и "ассистировал" мне в первом бою.

Первые появившиеся в небе Ростова фашистские самолеты не бомбили иногда поливали город из пулеметов. Наконец мы поняли, в чем дело: фронт еще далеко, и немцы могут совершать сюда лишь разведывательные полеты, вместо бомб берут побольше горючего.

В тот день было пасмурно. По небу волочились сырые тяжелые облака. Мы с летчиком-испытателем толковали на стоянке о некоторых особенностях "лагга" и собирались в воздухе их проверить. Гузий присел на корточки, рисуя прутиком чертеж. Неподалеку на самолете пробовали мотор, и нам приходилось почти кричать. Но вот самолет замолк, и в наступившей тишине услышали монотонно-завывающий звук. Не наш звук, так работали моторы на немецких машинах. Говорили - от качества горючего. Гузий встал прислушиваясь.

- "Юрка", - сказал уверенно. Так почему-то стали называть "юнкерсов".

- Взлетаем! - бросил я.

Когда наши "лагги" стали заходить на него, он не изменил курса, только ощетинился огнем пушек и пулеметов. Не сговариваясь заранее, мы стали с Василием расходиться, чтобы "раздвоить" внимание экипажа, и тут же резко я перешел в атаку. Длинная сверкающая струя плеснула из моей машины вдогонку "юнкерсу". Пули сверкали, как искры, но самолет никак не загорался. Но наконец показался дымок, он все густел. Растягивая за собой полосу дыма, "юнкерс " пошел наклонно к земле. Плюхнулся и сразу озарился вспышкой взорвались баки.

Это был первый сбитый в небе Ростова-на-Дону фашистский самолет.

Зарулили на стоянку. В это время на аэродром выскочил голубой ЗИС, притормозил рядом. Я сразу узнал авиаконструктора В. П. Горбунова - одного из авторов "лагга". Взгляды наши сошлись, и вдруг почти одновременно вырвалось:

- О, вот так встреча!

В тридцать седьмом, сразу после возвращения из Испании, меня отправили в санаторий. Здесь мы и познакомились. Его комната напоминала маленький филиал конструкторского бюро,

сам он почти не отдыхал - работал.

- Теперь я понял, - говорю, - почему вы тогда так страдали над чертежами.

- Да... - озадаченно ответил он. - И все же не хватило времени. Сами видим, еще улучшать и улучшать, а фронту ведь сейчас самолеты нужны.

Начался профессиональный разговор: что летчики могут подсказать конструкторам. Обсуждали, спорили, тут же доказывали или проверяли в воздухе.

- Полк немало нам помог, - сказал, прощаясь, Горбунов. - Сделаю-ка я командиру персональный подарок от конструкторов.

- Ого! - подзадорил Гузий. - Такое не часто случается. Если не секрет...

- Никаких секретов. Есть у нас улучшенный уже самолет. Будет вашим, забирайте.

- Когда же? - зажегся я.

- Хоть завтра.

- Лучше так, - предложил Василий, - я скоро Суду на заводской площадке. Облетаю его, а потом перегоню сюда.

На том и порешили.

Через несколько дней мы узнали: Василий Гузий погиб. Пошел на пикирование, резко взял горку - фюзеляж переломился. Это был самолет, который предназначался мне...

- Вот видите, - подавленно сказал Горбунов при следующей встрече, какие "подарки" получаются иной раз... Фронт приближался. Враг рвался на Кавказ, к нашей нефти. "Юнкерсы" уже могли доставать нас с бомбовой нагрузкой. Приходилось отчаянно метаться - прикрывать баржи с войсками, обеспечивать эшелоны, отгонять бомбардировщиков от городов, срочно вылетать на штурмовку прорвавшихся немцев. Генерал Красовский - этот двужильный труженик каким-то чудом выискивал резервы: то бросал в бой "транзитные" части, то спешно формировал отряды из летчиков училищ.

Однажды сам я попал в городе под бомбежку и слышал, как возмущались:

- Да где же наша-то авиация?

Авиации просто было мало. Катастрофически таяли и силы полка. Всю ночь возились инженеры, техники, механики, чтобы утром могли вылететь семь-восемь самолетов. К вечеру они опять превращались в решета.

А штаб требовал и требовал:

- Кондрат! Кондрат! Мост под угрозой, а вы там куда смотрите? Почему не взлетаете?

- Только что вернулись из полета, заправляем машины.

- Сколько вы их будете заправлять! Это мост, а не что-нибудь, вы поняли? Не будет моста - будет трибунал!

Мост, действительно, объект № 1. И для нас, и для фашистов. Единственная здесь ниточка через Дон, питающая наших, сражающихся к западу от реки. Фашисты стремятся разбомбить мост во что бы то ни стало, мы - во что бы то ни стало сохранить.

Опять зовут к телефону:

- Что вы возитесь, черт вас всех побери... - дальше идет присловье, какие в книгах не приводят.

Там, "наверху", знают и наши силы, и условия, но все нервные, вымотанные, нещадно требуют невозможного, и - удивительное дело невозможное чаще всего совершается.

Люди выдерживали все и на все были готовы. Не выдерживала техника. Полк в конце концов остался без самолетов.

Теперь мы ехали за ними.

* * *

Баканову ужасно захотелось курить. Несколько часов эшелон не останавливался. Вначале терпелось, но когда стало посасывать внутри от голода, тут уж закурить - как спасение. Но спички у него кончились.

С усилием выкарабкался из танка - мешал покрывавший машину брезент пошел по качающейся платформе. Дошел до края - буфера лязгали и плясали, как сумасшедшие, но в этот момент поезд, показалось, стал замедлять ход, и Баканов решил подождать. Перешагнул на соседнюю платформу, когда эшелон шел уже поспокойнее.

Тут он заметил, что "соседи" не в танке, а на платформе, стоят спиной к нему, хоронясь от ветра за кормой машины. Он набрал воздуха, чтобы крикнуть: "А ну, делись, братва, огоньком!", но резкий, испуганный голос Назарова остановил его:

- ... Как это - убить?

- Обыкновенно, - желчно ответил Уткин. - Убьем, и дело наше в шляпе.

Баканов попятился. Его счастье, что ни один не повернул за эти мгновения головы и что были подняты воротники шинелей - как шоры у глаз. Отступая и машинально придерживаясь рукой за борт танка, он ощутил его край, быстро шагнул за переднюю часть, присел. И тут пришла мысль укрыться брезентом и над танком подползти поближе к этим двоим.

Поезд начал сбавлять ход, Баканову стало хорошо слышно.

- Заруби себе, болван, на носу, - зло говорил Уткин, - если заявимся просто так, то какой с нами разговор? Кто мы с тобой? Герои ростовской каталажки, уголовные типы? Немцам нужны не

такие, а чтоб с заслугами.

- Надо было сразу к ним податься, как только нас выпустили.

- Ну и что? Пришли бы два рецидивиста - эка радость. Это даже хорошо, что нас из тюряги прямо сюда. Некуда нас было девать - немец пер, вот и выпустили, вот и в армию послали. А оно и неплохо - тут мы и заработаем себе заслугу перед немцами.

- И никак нельзя иначе? - Баканов почувствовал, как Назаров поежился.

- Ты всю жизнь шавкой будешь, - презрительно отозвался Уткин. Фантазии у тебя нет и сила не буйствует, так - сморчок.

И Уткин сплюнул.

- Нет, без полковника нам нельзя, - через какое-то мгновение продолжил он. - Предъявим его документы, оружие, ордена - совсем другой разговор пойдет с нами.

- Не знаю, как и подступиться. Шуму будет! Зашухаримся...

- Я же говорю - извилин у тебя совсем нет. К коменданту на станциях он как обычно ходит? Один ходит. Вот в этом и все дело. Подстережем его, и дальше так: в удобном месте подходим, я сразу бью по горлу, и орем, что вот, мол, сволочь, шпион немецкий, прикрылся званием и наградами. "Не погань советскую форму и ордена!" - и рву с него гимнастерку с документами и орденами, а ты не забудь пистолет.

- Сбежится толпа, - испуганно подсказал Назаров.

- Пусть. Только все надо делать быстро. Закричим: "Постерегите, товарищи, шпиона!", тебя пошлю за комендантом, а сам рванусь вроде за машиной...

Помолчали.

- На первый путь подают, к перрону, - произнес Уткин уже с другой стороны танка. Не уследив за их перемещениями, Баканов с тревогой подумал, что рискованно ему будет сразу покидать свой тайник. И когда движение прекратилось, он минуты три лежал, прислушиваясь к перронной суете, окрикам и разговорам, пытаясь из всех выделить голоса Уткина и его приятеля. Вспомнилось, дней двадцать назад они появились в полку, не скрывая, что война их "освободила", бахвалились знаменитым на весь Ростов воровским прошлым.

Баканов подполз к краю брезента, но неожиданно замер.

- Папаша, - сказал Уткин где-то внизу, с земли, - замечаю я, что пахнет керосином.

- Чего замечаешь? - удивленно отозвался хриплый голос.

- Уже третий служитель железной дороги, включая тебя, папаня, прошел в состоянии алкогольного возбуждения. И ни один не подумал о Красной Армии. Патриоты, называется!

Уткин грубоватым своим юмором явно набивался выпить.

- А-а! - обрадованно догадался "служитель". - Так его тут целый состав.

- Кого его?

- Спирту, говорю. На четвертом пути цистерны. Сделали дырочку - и текет.

- Берем-ка фляги, - быстро скомандовал Уткин, - и организуй слушок по эшелону.

Кто-то из них вскочил на платформу, зашурудил под брезентом, в танке, выбрался и тяжело спрыгнул на перрон...

- Комендант станции сообщил, что стоять будем долго.

- Можно устроить обед. У вас есть полевая кухня?

- Мы сухим пайком выдаем.

- Ну а кипяточек у нас найдется прямо из крана на перроне.

Железнодорожник посмотрел в окно, вздохнул:

- Вся страна теперь пьет кипяток, по всем вокзалам велено круглосуточно подавать. Такая масса людей двинулась!

Ну что ж, обед - хорошо. Сегодня еще не было возможности дать людям хотя бы кипяточку. Заодно расскажем о новостях, прокомментируем последние сводки с фронта. Потружусь, так сказать, за себя и за комиссара.

Комиссара теперь в полку нет. Был - вызвали в тыл формировать авиационно-техническое училище. Вместе с ним поехали и мои: Нила, ее мать Наталья Степановна и Дима, сын.

Возле вагона начальник штаба торопил группу людей, собираясь, как я понял, куда-то идти. Увидев меня, облегченно вздохнул:

- Товарищ полковник, никуда не отходите, а лучше будьте в вагоне.

- В чем дело?

Он рассказал о разговоре, услышанном Бакановым.

- Послал арестовать этих паскудных типов. Но не могут найти.

Только тут Баканов вспомнил:

- Они за спиртом побежали...

- Значит, не убегут, - успокоился начштаба. Он поставил ногу на свисающую из вагона проволочную петлю, которая служила нам лесенкой, положил на поднятое колено пухлую свою сумку и начал писать сопроводительное письмо местным военным властям насчет этих двоих.

- Ведут! - послышалось.

Впереди шел Уткин. Устало, тяжеловато, со связанными руками и в разорванной гимнастерке - была борьба. Люто бросал быстрые взгляды по сторонам. Задержал глаза на мне, в них острая неисполнимая злоба. И сказал, искривляя шрамом рот,

будто поделился неудачей:

- Просчитались мы, начальнички...

Видно, в пылу борьбы кто-то сказал, выдал, что все их планы известны.

Глядя им вслед, Баканов прищурил свои голубые, обычно беззащитно-добрые, но теперь беспощадные глаза.

- Предатели - это всегда мерзостные типы.

- Не всегда, - возразил Баканову лейтенант Кувшинов. - Иной с виду знаешь какой порядочный.

- Всегда! - упрямо повторил Баканов.

Я приказал построить полк. Все ожидали объяснений, но дело было сейчас в другом: немедленно сдать спирт.

Понемногу начали сносить...

С комендантом станции мне надо было еще решить кое-какие дела. Пошел к нему. Когда закончили, комендант пожаловался:

- Что за народ! Прострелили цистерну, налакались спирта. Теперь вон они, лежат. Питье-то было и не питье вовсе. С черепом и костями. Но разве обращают внимание? Для них главное - пахнет, а знак - так это, мол, обманывают.

Все во мне похолодело. Вдруг из наших кто-нибудь затаил!

Подняли полк в ружье. Наверное, лицо мое было неузнаваемо. На нем и страх за жизни, и ненависть к этой безумной людской жадности, и торопливая устремленность к благополучному исходу.

Надо, чтоб все запомнили этот урок.

В колонне по два проходит полк мимо скрюченных трупов.

Были потом слова, только не такие, какие обычно произносят над мертвыми. Не все на войне умирают геройски, некоторые и вот так, бессмысленно, даме грязно. Это надо запомнить. Каждому. Навсегда.

Вот когда по-настоящему полился спирт! Из фляг, бутылок, ведер, даже из противогазных коробок. В одном вагоне смущенные бойцы извлекли связку фляг из бочки с питьевой водой.

- Паршивая смерть у тех троих, - сказал Кувшинов. - Но хоть в чем-то она была и полезной, как ни парадоксально. Сколько бы трупов могло быть!..

* * *

В Москву прибыли, когда только что было введено осадное положение. Часть правительственных учреждений, дипломаты срочно эвакуировались в Куйбышев. Это подействовало на население. Многие, кто прежде отказывался эвакуироваться, теперь заторопились.

Три сиротливых вагона загнали в "тылы" Казанского вокзала, танки пошли дальше - на фронт, совсем близкий. Из своего вагона комендант литерного махнул на прощанье здоровой рукой.

Неподалеку рабочие сваривали из тяжелых плит бронепоезд. Потянуло к этим первым встретившимся москвичам.

- Какие новости?

Они ответили сразу, ответили радостно, словно человек подошел узнать именно об этом:

- Товарищ Сталин - в Москве! Политбюро и Ставка тоже на своем посту. Так что все нормально...

В тот день много раз слышал, как передавали эту новость один другому, и она производила магическое действие.

Подошел худой, болезненного вида человек, начал сзывать по фамилиям рабочих. Человек десять встали в кружок вокруг него, и он сказал:

- Проведем наше... - помедлил, бросил взгляд на меня, - наше партийное собрание. На повестке дня - прием в партию. Вот заявление.

Секретарь читал, а по тому, как степенный пожилой рабочий покраснел и опустил голову, я понял, что это его принимают в партию.

- "... В суровое для столицы нашей Родины время, - читал секретарь, хочу быть в рядах ее защитников коммунистом".

Закончил, обвел взглядом "собрание".

- Вопросы будут? Кто что скажет? Помолчали, и один глухо произнес;

- Сам все знает, как оно есть и как надо. Вот так и надо!

Эта немногословная, но многозначительная фраза подействовала на пожилого рабочего очень возбуждающе. Он всем по очереди благодарно жал руки, и выражение торжественной решимости не сходило с его лица.

- А я тебе все же сделаю замечание, - сурово заговорил секретарь, беря его ладонь в свою. - Не по-партийному поступаешь, когда злишься, что не отпускаем в ополчение. Ты у нас редкий специалист и твой фронт - тут. Понял? Это тебе теперь партия говорит. Понял?

Тот торопливо закивал, тяжело сглотнул застрявший в горле комок. Голос его дрогнул:

- Я... до последнего дыхания...

Когда у них все закончилось, секретарь сделал несколько шагов в мою сторону и, подойдя, спросил:

- У вас к нам дело?

- Да нет. Мы только что приехали, - я махнул рукой в сторону наших вагонов, - и не терпится узнать о Москве в москвичах.

- Москва выстоит, в этом никто не сомневается, а москвичи - вот они. Правда, не все наши здесь. Многие - особенно женщины и подростки - сейчас под Москвой, на строительстве оборонительных сооружений. Ну а настроение какое? Сегодня еще шесть заявлений в партию получил.

Вспомнилось мне, что и у нашего парторга, пока ехали, Накопилось в планшете много заявлений.

- И знаете, - делюсь с собеседником, - поразительный факт: чем тревожнее фронтовые сводки - заблокирован Ленинград, подошли фашисты к Москве, сложно на юге - тем больше видно в людях твердости, тем многочисленнее наша полковая парторганизация...

- Вот вы говорите это, а мне пришли на память ленинские слова об аналогичной ситуации зимой девятнадцатого года. Тогда тоже усилился приток в партию. Заметьте: не в какое-нибудь благополучное время, когда к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы. А стояла такая же суровая пора, когда, говоря словами Ленина, Юденич был в нескольких верстах от Питера, а Деникин в Орле, около трехсот пятидесяти верст от Москвы, то есть когда Советской республике угрожала отчаянная, смертельная опасность и когда авантюристы, карьеристы, проходимцы и вообще нестойкие люди никоим образом не могли рассчитывать на выгодную карьеру (а скорее, могли ожидать виселицы и пыток) от присоединения к коммунистам... Именно в таких условиях сегодня тысячи, тысячи и тысячи наших людей совершают свое присоединение к коммунистам. А?!

- В истории третьего такого факта не сыщешь.

- Не сыщешь. Могу и точнее сказать, слышал на совещании: за первые месяцы войны в партию вступило в несколько раз больше, чем за последнее мирное полугодие. Но и это не выражает всего. Куда ни посмотришь сейчас, видишь, буквально видишь: сплотился, сгрудился, встал в боевой порядок вокруг партии весь народ.

Он неожиданно окликнул паренька-сварщика, сказал ему, чтобы комсомольцы подумали над именем для бронепоезда, и так же неожиданно перешел к нашему разговору:

- Бывали вы в Москве? Теперь она, конечно, иная. Напряглась для боя...

Едва вышел на привокзальную площадь, чтобы направиться в штаб ВВС, там должны были указать дальнейший наш маршрут - завыли сирены, и репродукторы с нескольких сторон стали повторять:

- Граждане! Воздушная тревога...

Люди побежали кто куда, все, наверное, знали, куда бежать. Я не знал, поэтому прижался к стене дома.

Как-то сразу надо мной загудели моторы, и началась стрельба. Завязывался воздушный бой, но бомбардировщики упрямо шли вперед и как раз над вокзалом стали высыпать свои бомбы. Со всех сторон грохотало, было это все же не рядом, за строениями. Но вдруг дом напротив вздрогнул, чуть поднялся в воздух - или так показалось - и посыпался вниз лавиной кирпичей.

Бомбежка закончилась быстро, звуки моторов и трескотня воздушного боя исчезли так же внезапно, как возникли. Площадь вновь ожила. Появились пожарные машины, санитарные фургоны.

Я вернулся, но убедившись, что беда миновала нас, опять направился в город. Шел пешком, хотелось посмотреть, послушать. Действительно, город напрягся для боя. Иногда улицу пересекали ежи, опутанные колючей проволокой, баррикады, выложенные из мешков с землей. Висели аэростаты воздушного заграждения. Суровая деловитость отличала жизнь города. Возле домов стояли небольшие группы людей - в основном женщины и молодёжь, с противогазными сумками на боку. Это после бомбежки покидали свои посты на крышах дежурные смены добровольных дружин. Их задача - сбрасывать и тушить зажигательные бомбы. Другие дежурят в подъездах, у входа в бомбоубежище. Теперь они сошлись и возбужденно обсуждали детали только что затихшего воздушного нападения.

- И часто бомбят? - спросил я, подойдя к одной из таких групп.

Ответили не сразу. Замолчали, обернулись, изучающе разглядывая.

- А вы кто такой будете? - подозрительно спросила сухонькая, решительного вида женщина лет пятидесяти.

Пришлось объяснять.

Глядя на этих женщин и девушек, я вспомнил Нилу. В Ростове-на-Дону она вот так же забиралась на крышу, дежурила на улицах. И так же подозрительно оглядывала прохожих. Чувство повышенной бдительности было присуще всем - по радио, через газеты постоянно напоминали: не доверяться незнакомым. Однажды Нилу остановил милиционер, назвал улицу и спросил, как ее отыскать. Едва отошел, она побежала за патрулем.

- Конечно, подозрительно, когда милиционер спрашивает улицу, оправдывалась, рассказывая мне, что задержанный оказался нашим. И с возмущением привела еще один повод, который он дал для подозрений: Представляешь, война, а от него одеколоном пахнет!..

Где она сейчас? Как доехала? И доехала ли?

Круговая оборона

Самое страшное - это когда зенитка не стреляет. Если она бьет - тут уже спокойнее, потому что видишь: бьет и не попадает, Можно увернуться от черных хлопьев.

Но когда зенитка не стреляет и ты знаешь, что она есть, что прилипчиво следит своим стволом, и представляешь, как наводчик старается поймать тебя в прицел, а может быть, уже вцепился в самолет перекрестием - скверно в такие мгновения на душе!

И вот зенитка выстрелила. Блеснуло внизу и блеснуло рядом.

Сквозь рев мотора чуть послышался звук, будто швырнули горстью гороха.

Еще неясно, что произошло, сбит или не сбит, поврежден или не поврежден, выведешь машину из пике или она уже не послушается - об этом просто не успеваешь подумать, потому что как раз время нажимать на гашетку. Длинная светящаяся нить пульсирует вниз, обрывается в стоящем на поле "юнкерсе".

Выходим из пике и идем друг за другом, образуя большой круг. Сейчас должны появиться вражеские истребители - надо занять круговую оборону.

Возможности техники диктуют тактику. ЛаГГ-3 уступает "мессерам" и в скорости, и в маневре. Единоборство удается только опытным летчикам. Но таких мало. Большие потери. Все время поступает молодежь. Неопытные. Кто-то подал идею: а не выгоднее ли бить фашистские бомбардировщики на аэродромах? Защищаться же от истребителей нередко приходится "в кругу". Крутясь в нем, подстраховываем друг друга, медленно оттягиваясь к территории, занятой своими.

Что и говорить, оборонительная тактика.

Но нужно и наступать, не давать бомбардировщикам проходить к намеченным целям - ведь это главная задача истребителя. Нужно нападать на идущие бомбить "юнкерсы", рассеивать их. Хорошо, если они без прикрытия. Но если прикрытие и есть, все равно нужно нападать. Нужно! И значит сознательно идти на схватку при всех преимуществах за врагом. "Слишком велики шансы обреченности", - с горечью говорят летчики, подсчитывая пробоины.

И поражает, как спокойно они вновь выходят на задания с таким вот "шансом обреченности". Потому что в жизни бывает время, когда твоя собственная судьба в твоих собственных глазах кажется второстепенной. Все заслоняется чем-то гораздо большим, и становится естественной, даже обыденной, само собой разумеющейся мысль о жертвенности: каждый должен честно совершить все, что кому выпадет,

Во имя этого большого. А это - судьба страны. В ней для каждого солдата есть свой особый участок. Кому-то насмерть стоять на подмосковных рубежах, кому-то до последнего держаться в Севастополе, кому-то останавливать лавину, рвущуюся к Волге.

Для нас же сейчас главное, во имя чего совершаются все "надо", Ленинград.

Осенью сорок первого фашисты взяли его в железное кольцо блокады. Страшные испытания обрушились на город зимой. Голод схватил ленинградцев своей цепкой костлявой лапой. В

декабре, выдавали по 125 граммов хлеба на служащих, иждивенцев и детей, по 250 рабочим, по 300 для войск в тылу и по 500 граммов для тех, кто на передовой. Стояли лютые морозы. Не работало отопление, не ходили трамваи, вышли из строя водопровод и канализация, в дома не подавалось электричество - пользовались керосиновыми лампами, а то и лучинами.

Смерть от голода стала массовым явлением. 20 февраля сорок второго года, например, на Пискаревское кладбище доставили несколько тысяч трупов.

Но город живет, трудится, борется. Невероятные муки и невероятная стойкость ленинградцев потрясли весь мир.

Два фронта - Ленинградский и Волховский - ведут упорнейшую борьбу за город Ленина, колыбель революции, сюда приковано внимание всей страны.

Идет зима сорок второго года. Время невероятно трудное. Но это уже не сорок первый. Враг в основном остановлен, он уже был бит под Москвой, уже рухнула идея гитлеровского "блицкрига", уже мы освободили немало городов и сел. Уже ведется широкое наше наступление - силами девяти фронтов.

Ленинградский и Волховский в этом общем зимнем ударе по врагу решают свою задачу: сорвать гитлеровский штурм Ленинграда, вызволить город из блокады. Оба фронта начали наступательные действия навстречу друг другу.

Бои идут упорные. Лишь 2-й ударной армии Волховского фронта удалось вклиниться в расположение врага на 70-80 километров. Но положение это опасно, армию могут отрезать, взять в кольцо - слишком узкую горловину оставила она за собой, войдя в прорыв.

Что особенно угнетает летчиков, - господство немецкой авиации. Она непрестанно висит над частями 2-й ударной, преследует их, буквально терзает. А мы бессильны. У нас нечем помочь. Бывает, что на весь Волховский фронт остается каких-то два десятка самолетов, по четыре-шесть машин на полк. Все основные авиационные силы страны брошены на прикрытие Москвы, на обеспечение боевых действий на центральном направлении. Новая техника поступает очень редко: еще не набрали свою мощь заводы, вывезенные в глубь страны...

... Зенитки лупят вовсю. Наша штурмовка еще не кончилась, и они неистовствуют.

Но вдруг обстрел прекращается. Теперь гляди в оба - значит на подходе вражеские истребители. Собственно, не на подходе, а вон уже висят над нами и начинают срываться вниз, в атаку...

- Десять вылетало, четверо не вернулось, - мрачно говорит командир полка, хотя я и сам уже успел подсчитать.

Молча оглядывает свое скудное хозяйство.

- Опять подписывать четыре похоронки, - лицо его искажает гримаса боли. - Трое из погибших всего неделю как прибыли. Еще и фамилий не запомнил.

Подходит поближе, с остервенением отдирает торчащую на крыле щепку дельта-древесины, трогает пальцем рваное отверстие на фанерном фюзеляже.

- Шапкой не заткнешь. Хорошо посекли, сволочи. Во всех самолетах пробоины, на полную ночь теперь работа.

Майор пытается рассеять гнетущее настроение, но шутка получается невеселой:

- Так и запишем: старший инспектор ВВС Волховского фронта привез полку из боя рожки да ножки.

Такая теперь у меня должность - старший инспектор. Такая работа: помогать полкам в обучении, в организации их боевой деятельности, передавать опыт. Инспектор должен быть хорошим организатором, знать авиационную технику, состоящую на вооружении ВВС. Он учит не "на пальцах" в боях. Находясь в полках, он должен летать. Никто не установил, сколько летать. Но ты ведь не хочешь, чтобы за твоей спиной говорили: "Слова изрекать мы все мастера... "

Поворачиваем головы на звук - низко над лесом идет По-2. В полку такого нет, значит - связной, а то, может, начальство пожаловало. "Кукурузник" делает короткую пробежку, с ходу занимает место под деревьями на кромке леса. Через несколько минут к нам приближался летчик из управления ВВС фронта - я узнал его.

- Товарищ полковник, генерал Журавлев приказал вам сразу же прибыть.

- Держитесь правее, - советует на прощание командир полка. - Тут повадились "мессера" на охоту выходить...

Через полчаса мы увидели под крыльями Малую Вишеру, где располагались штаб фронта и штаб ВВС фронта, а еще через пятнадцать минут командующий ВВС генерал-майор И. П. Журавлев говорил:

- Прилетают десятый полк и две эскадрильи на пополнение других полков. Они полностью укомплектованы, это много для нас значит. Но вы же знаете теперешние привычки...

Действительно, стали нередкими факты, когда командиры с большими правами тут же посылали в бой приземлявшиеся на их аэродромах транзитные части. На место назначения части приходили уже изрядно потрепанными.

- Наше пополнение, - продолжал генерал, - приземлится на аэродроме у... - он назвал фамилию командующего ВВС соседнего

фронта. - Ваша задача: встретить, проследить за заправкой, проверить знание маршрута, обеспечить дальнейший перелет. И ни в коем случае не поддаваться попыткам местных властей послать полк или эскадрильи на задание. Берите По-2, поведете сами, и с вами штурман подполковник Болоцкий.

Я уже выходил, когда он остановил меня.

- Да, а знаете характер генерала? Это я на тот случай, чтобы вы приготовились к сильнейшему натиску.

Погода была дрянь. Крутил снег, самолет бросало. Мы едва отыскали нужный населенный пункт.

Пошли представляться.

- Интересное задание, - с сердитой иронией сказал генерал, выслушав рапорт о цели прибытия. - Смотри, какие вы хитрые там со своим Журавлевым. А как хоть воюете?

- По-всякому приходится. Воюют люди геройски, да одного этого мало. Не хватает самолетов.

- Можешь не рассказывать - знакомая картина, - вздыхает он.

- Представляете, как сейчас ждут подкрепление?

- Представляю. Но тебе же известен порядок?

Командующий ВВС фронта широкоплеч, лицо у него круглое, большое, глаза смотрят сурово. Манера разговора грубоватая.

- Какой порядок?

- Простой порядок. Раз они сели на мой аэродром, должны слетать разок в бой.

- О таком порядке мне неизвестно. У меня приказ: самолеты, никуда не отвлекая, доставить в районы нашего базирования.

- А знаешь, - лицо его багровеет и голос взлетает, - знаешь ты, что у меня сейчас творится под Старой Руссой?! Тебе что - только своя шкура дорога?

Порою в самом деле: не тот прав, кто действительно прав, а тот прав, у кого больше прав. И к тому же это нечестный прием, хотя где-то в глубине души я понимал генерала и сочувствовал ему.

- Мне приказали - я приказ выполню, - стараюсь говорить одновременно вежливо, спокойно и твердо, правда, не знаю, насколько это удается.

- Ладно, - мгновенно остывает он, будто ударил порыв ветра и враз исчез, и деревья, только что уронившие листву, опять стоят недвижимо. Давай пообедаем.

Резко встает, ничего не остается делать, как следовать за ним.

В столовую шли молча, он впереди, заложив руку за спину.

Проследив, как я раздеваюсь, сказал:

- То-то, смотрю, гонористый ты. Война чуть больше полгода, а

уже три ордена. Это у вас на Волховском так раздают награды?

- Раздают, как везде.

- Ну, значит, любимчик чей-то...

- Ордена в боях заслужены, товарищ генерал.

- Где же это? - в голосе нескрываемое недоверие.

- Два за Испанию, третий - за финскую кампанию.

- Из молодых да ранний, - все равно недовольно констатирует он. Помолчал.

- Ну ладно, чего это мы... Выпьем за встречу и, как говорится, знакомство. Что? Ну, ты, полковник, большой оригинал. Вообще не пьешь или сейчас отказываешься? Прогадаешь. Хочешь, не хочешь, а полк слетает разок.

- Не слетает, товарищ генерал.

Смотрит тяжелым ненавидящим взглядом, а голос вдруг становится глухим и слабым.

- Слушай, человек ты или нет? Знал бы, какое у нас положение!

- У нас оно не лучше. Эти самолеты все ждут, как бога.

Выпил, стал есть. Через полминуты отложил ложку.

- Ну так как мы договоримся?

- Никак. Единственное, что можно предпринять: позвоните генералу Журавлеву, если даст мне такое распоряжение...

- Даст он, черта с два.

Обед доедаем молча...

Мы с Болоцким прибыли вовремя. Наши самолеты только что приземлились здесь, и запоздай мы - пошли бы они на задание, а то и на второе, третье. Генерал и теперь пытался за нашими спинами распорядиться, но мы строжайше проинструктировали командира полка и командиров тех двух эскадрилий. Да и сами были начеку.

Ушел дальше по назначению 10-й полк, ушли эскадрильи - теперь только можно вздохнуть с облегчением.

Одна из эскадрилий должна была еще садиться на промежуточный аэродром. Мне предстояло проследить за ее "безопасностью".

Через полчаса вылетел и я.

Еще с воздуха было видно, как кто-то большой и черный, стоя с краю аэродрома, там, где заканчивалась пробежка, разгонял самолеты по укрытиям. То выкидывал руку вправо, то показывал влево. И меня он принял под свою опеку, пренебрежительно махнув в сторону голого озябшего кустарника. Мол, для По-2 сойдет и эта низкорослая маскировка.

Когда я подошел, он представился:

- Капитан Вишневский, командир батальона аэродромного

обслуживания.

Что и говорить - авторитетный был командир БАО. Этакий детина в черной шубе с огромным воротником, в валенках, опирающийся на палку - чем не Дед Мороз? Лицо красное, как помидор, горит от ветра и мороза, и написана на нем одна непреклонная решимость делать так, как он знает. Настоящий хозяин аэродрома.

Наметанный глаз сразу находит КП. Направляюсь к землянке, угадываемой за кустарником. Капитан крупными медленными шагами шествует рядом, время от времени пробуя палкой укатанное снеговое покрытие аэродрома. Иногда он недовольно качает головой.

Из землянки вышли трое. Чем-то фигура одного знакома. Не столько, может, фигура, как походка - вперевалочку, чуть загребая ногами. Вот он оборачивается...

- Матюнин! - кричу.

Он смотрит, всматривается... Бросаемся друг к другу, обнимаемся, и Матюнин смешно спрашивает:

- Слушай, а ведь это как будто ты?

- Могу удостоверить прибывшую личность: она действительно - я.

- Нет, погоди... Вот так встреча! Мы же после Испании не виделись. Смотри, где выпало! Ты чего здесь?

- В некотором роде сторож эскадрильи. Сопровождаю, чтобы не украли. А ты чего здесь?

- А я здесь в некотором роде командир полка.

- Командир полка? Странно... Но усы-то хоть мог завести?

- Усы? - переспрашивает он и машинально дотрагивается рукой до лица.

- Забыл, как размечтался в Малаге? Когда крестьяне заканчивали трамбовать нашу взлетную площадку, а мы ждали. "Вернусь домой, отпущу усы и пойду землю пахать".

- А-а! - обрадованно вспоминает Матюнин, и тут же с поддевающей интонацией делает свой выпад: - Можно подумать, что у тебя жена испанка...

- Почему испанка? - удивляюсь уже я.

- Ну как же, кто грозился: "Вот возьму и женюсь на какой-нибудь Пепитте или Леоноре"?

- Кто? Конечно, не я - Мирошниченко. Помнишь, ужинали в ресторане с Кольцовым и с тем американским писателем, Хемингуэем? А Мирошниченко, смотрим, отключился от беседы и уже в плену - сеньорита глазки ему строит.

- Разве? - Виктор подозрительно морщит лоб, в уголках рта притаилась лукавая улыбка...

Заместитель Матюнина, начальник штаба и капитан Вишневский, отойдя в сторонку, с любопытством наблюдают нашу встречу и прислушиваются к такому странному разговору. Может быть, он и странный, даже наверняка странный. Встретились двое, не видевшиеся несколько лет, поговорить бы о чем-то серьезном, а они... А мы как бы стали на годы моложе и заговорили тем отшучивающимся языком, какой был у нас в ходу, какой был для нас тогда естественен. Это возвращение в прошлое, воспоминание третьестепенных подробностей нам обоим дорого. И вообще слова, такие незначительные, а в душах воскрешается совсем другое.

- Подожди меня, - спохватывается Матюнин. - Слетаю на задание и по-настоящему отметим встречу.

Отметить встречу не довелось. В этом полете Виктор погиб.

* * *

Прошла весна. Пригрело солнце - заговорили коварные волховские болота. 2-я ударная армия, глубоко прорвавшись в оборону врага, сама оказалась в мешке - в лесах и топях, на раскисшей земле, среди бездорожья. Становилось все труднее. Не хватало снарядов, патронов, горючего, еды. Коридор, соединявший армию с фронтом, по которому она снабжалась и по которому теперь старались ее вывести из окружения, сузился до 300-400 метров. Фашисты остервенело его простреливали. Потом закрыли эту узенькую "дверцу", затем наши опять ее пробили, и вновь немцы ее захлопнули...

Мы с генералом Журавлевым едем в машине, говорим об этой крайне опасной ситуации. Эмка подпрыгивает на вывороченных бомбежкой и танками булыжниках. Городская улица похожа на длинный пролом, образованный пролетевшим здесь гигантским снарядом. Генерал подает рукой знак шоферу мы останавливаемся возле одного из немногих уцелевших домов. Здесь штаб фронта.

- Подождите.

Откидываюсь расслабленно на спинку сиденья. Устал чертовски! Голова, как свинцовая.

Открываю дверцу, машину продувает ветерок. Солнце косо бросает на сиденье свои нежаркие лучи. Чувствую, как внутри что-то расслабляется, все больше охватывает этакое отрешенно-созерцательное состояние. Хочется побыть минуту без войны.

Метрах в десяти в боковую улочку уткнулись два мотоцикла.

- Ну скоро он там? - говорит капитан в танкистском шлеме, оглядывается и смотрит через угол палисадника вдоль улицы.

И он и второй устроились на сиденьях своих машин, как на стульях, лицом друг к другу, ведут негромкую беседу. Мне их

голоса слышатся сквозь дрему.

- Звягинцев расписался с Нюрой, она у нас машинисткой. Тут, брат, такое дело: война есть война, а любовь остается любовью. И ничем ее не убьешь.

- На Звягинцева я бы не подумал. Другое дело Лешка. Мы с ним год вместе проработали, так что я знаю. Тот влюбчив страшно.

- Лешка уже не влюбится, - ответил капитану его собеседник, старший лейтенант.

- А что было?

- Брали диверсантов, да неудачно организовали захват. Даже толком не знали, сколько их. Ну и погиб.

- Мы тоже двоих недавно потеряли. Сейчас бывает трудно опергруппу сколотить.

Нет, не получается минута без войны.

- Смотри - Ворошилов! - капитан кивает головой.

Они встают, хотя расстояние позволяет сидеть. Чувствуют неловкость, а вдруг представитель Ставки обратит внимание и подумает: что это еще тут за посиделки?

Климент Ефремович изменился. Пять лет назад, когда беседовал с летчиками, вернувшимися из Испании, был он, кажется, выше ростом и крупнее. Теперь вроде мельче фигурой и чертами лица. Это от усталости, недосыпания, от тяжких дум и непростых решений.

Две эмки прижались к тротуарчику. Ворошилов медленно расхаживает возле них, видимо, кого-то поджидая. Выходит генерал армии Мерецков - командующий Волховским фронтом. Они уезжают.

Показывается генерал Журавлев.

- Будет для вас задание. На КП не поедем. Вернемся в штаб, обсудим.

Из своего кабинета, если можно так назвать обычную комнату, не очень-то удобную, генерал куда-то позвонил, что-то уточнил.

- Значит, так, - посмотрел мне в лицо. - Вам предстоит создать группу из И-пятнадцатых и И-шестнадцатых для прикрытия транспортных самолетов. Соберите летчиков из полков, кто летал на таких и еще не забыл их. Самых опытных. Да и вы, надеюсь, не забыли?

- Около тысячи вылетов - разве забудешь?

- Создайте группу, в запасном полку возьмете самолеты. В селе Хвойная надо встретиться с транспортниками, согласовать действия...

На другой день я вылетел на По-2 в Хвойную. Здесь

располагались тыловые подразделения фронта, базы. Отсюда совершались полеты транспортных самолетов.

Собрались летчики, слетали мы с ними на Ли-2 в запасный полк пересели на И-15 и И-16. Не думали, что придется еще, когда-нибудь подниматься в небо на этих машинах. Однако же пригодились.

Пришлось, правда, вернувшись в Хвойную, организовать повторение пройденного. Все забывается, надо немного поработать с машиной, восстановить технику пилотирования. В разгар тренировочных полетов подошел батальонный комиссар Косачев.

- Из штаба дивизии передали, чтобы вы зашли. Дивизия выделяла транспортные самолеты, с которыми нам предстояло взаимодействовать,

- Здравствуйте, - поднялся навстречу начальник штаба и, не делая паузы, продолжал: - Утрясем все окончательно. Прошу!

Указал рукой на стул.

- Не знакомы?

Только теперь я присмотрелся ко второму офицеру, присутствующему здесь.

- Ну как же! - вырвалось у меня. - Знакомы.

- Да и я, кажется, не ошибусь, если скажу: в Хабаровске встречались? Вы тогда участвовали в поиске нашего женского экипажа, когда мы упали в тайгу.

- Точно.

- Я запомнила. Полина Осипенко представила вас тогда: "Мой товарищ со школьной скамьи".

- Она имела в виду скамью в Качинской школе летчиков. Мы и служили потом вместе.

Валентина Гризодубова в майорской форме выглядела внушительно.

- Так вот, - продолжал начальник штаба, - поскольку, как я понял, после рекордного перелета экипажа "Родины" Москва - Дальний Восток вы не встречались, познакомлю вас повторно. Валентина Степановна Гризодубова командует полком авиации дальнего действия.

- Думаю, что Валентина Степановна и сейчас рекорд устанавливает.

- Рекорд? - насторожилась она.

- Первая в мире женщина-командир авиационного полка.

- Вот видите, не перевелись на фронте галантные мужчины, прокомментировал начальник штаба.

- Товарищ полковник - наш гость, - ответила она с загадочной улыбкой, - так что придется потерпеть комплимент.

- Ну ладно, - сказал начальник штаба. - Приступим. "Неофициальная часть" нашей встречи завершилась.

- Предстоит сложная и важная работа, - продолжал начштаба. - Полк майора Гризодубовой выделил группу самолетов Ли-2 для помощи окруженной Второй ударной армии боеприпасами, продуктами, медикаментами, горючим. Мы не подумали вначале о прикрытии, и из шести машин, отправившихся в первый рейс, две не вернулись.

- Собственно, негде было взять прикрытие, - сказала Гризодубова.

- Так вначале казалось, - уточнил начштаба. - И тогда кто-то вспомнил о старых "ястребках". Некоторые их недостатки в данном случае идут нам на пользу. Их скорость как раз годится для сопровождения Ли-2.

- Но есть и достоинства, - я сам немало думал, как . лучше использовать эти устаревшие машины.

- Что вы имеете в виду?

- Старые истребители обладают хорошей маневренностью. Очень важное качество при защите нескоростного самолета.

- Мы с вами, нескоростники, кажется, начинаем нравиться друг другу...

- Надо тактику изменить, - Гризодубова делает решительный жест рукой. - Нечего нам на высоту лезть. Пора белых ночей. Фашисты нас снизу очень хорошо видят. Пусть они сами поверху ходят. А мы - на малой высоте. Темный Ли-2, идущий над лесами, сверху не так просто заметить.

- Прошу к карте, - пригласил хозяин кабинета. - Вот маршрут. Здесь, на окраине Александровки, в лесу, намечена поляна для посадки самолетов прикрытия. Вот район выброса грузов. Тут, пожалуй, наметим рубеж встречи. Истребители встречают, сопровождают, затем барражируют в районе работы. Она начинается в полночь, продолжается часов до двух - самое темное время, какое сейчас может быть. В общих чертах я сказал все. Остается вам между собой уточнить детали - и за дело. Вы когда будете готовы? - последние слова относятся ко мне.

- Сейчас вылечу ознакомиться с площадкой. Вечером группа будет там. День нужен, пожалуй, чтобы осмотреться, изучить район.

- Хорошо, значит, завтра уже действуем вместе, - Гризодубова встала.

Я заторопился на аэродром. По дороге размышлял об этой неожиданной встрече с Гризодубовой, и все больше овладевало мной удивление. Конечно, летчица-рекордсменка по дальним перелетам - это что-то значит. Перед войной была начальником

Управления международных авиационных линий Гражданского воздушного флота СССР. Тесная, можно сказать, связь с дальней военной авиацией. И все же быть женщине командиром полка! Всецело мужского! На войне!

Пока готовили По-2, подошел к гризодубовским самолетам. Их скрывали деревья, из глубины леса подъезжали машины - шла загрузка.

Выбрал двух перекуривающих техников. Любопытство разбирало, но все же прямо спросить не решился.

- Ну и как служится с таким командиром? - улыбкой хотелось скрыть серьезность вопроса.

- С каким таким? - не поняли они.

- Ну, слабый пол все же...

Оба, не сдержавшись, рассмеялись.

- Скажете, однако... Слабый!.. Через пять минут после того, как человек попадает к нам в полк, это слово выветривается у него из памяти.

Хотя они тоже как будто шутили, но все стало ясно...

Мой По-2 держал курс к линии фронта. Внизу указывала путь, стрела железной дороги. Такой ориентир обычно расслабляет - не собьешься. Внизу плыла земля, похожая... Нет, не земля. Говоришь - земля, Представляется что-то черное, черноземное, распаханное. А здесь было зеленое море. Именно - море. С высоты кажется, что воздух под тобой имеет цвет. Легкую такую, едва обозначенную голубоватую сизость. И будто плывешь ты по спокойной глади прозрачно-сизого моря, а все, что внизу, - дно. Оно покрыто зелеными водорослями, лишь покажется иногда пятачок голого песка, да по полоскам расселин проползет крабом машина...

- Что это? - спрашивает Нила, рассматривая дно и что-то шевелящееся на нем.

- Краб, - говорю и тут же ныряю в море. Он шустро удрал от меня за камни, а я, вынырнув, вижу перепуганное Нилино лицо.

- Сейчас же выходи, - требовательно зовет она. - Хочешь, чтобы он тебя укусил, да? Ты что - железный? Поспешно выбираюсь на берег.

- Ну вот, - с детской удовлетворенностью в голосе говорит она. - Надо, чтобы ты слушался жену. Хотя бы в отпуске.

Действительно, у нее так мало возможностей повелевать мной, заботиться...

Странно... Странно и радостно. Сколько людей усеяло берег! Но есть среди всех один человечек... Маленькая, почти девчоночья фигурка у моря... Бронзовая нога пробует краешек воды... Легкое движение головы, чтобы сбросить со лба светлую

прядь... Изгиб шеи... Улыбка... Все для тебя особенное, загадочное, трепетно близкое, исключительное. И ты в самом деле из мягкого железа, а она - магнит... Так много рядом людей. Такой большой юрод. Такая большая страна. И есть во всем этом один самый дорогой человек. И ты, как стрелка на магнит, тянешься к нему глазами, мыслями, чувствами...

В левом кармане гимнастерки чувствую тепло. Это ее письмо. Помню его наизусть. Ровные аккуратные строчки и маленькая, обведенная зеленым карандашом ладошка сына. "... Вся наша тыловая жизнь подчинена одному: мы живем для фронта... Нашу бригаду похвалили сегодня в листке-молнии, а мастер сказал мне: "Вот ты проработала две смены над... (дальше полторы строчки густо вымараны) и муж скажет тебе спасибо"... Представляешь, война, а у нас оперу давали... Теперь с едой совсем отлично - нарвали с мамой щавеля и такой украинский борщ сварили, что вся улица сбежалась перенимать опыт... "

Письмо вначале было сложено в треугольник, и на оборотной стороне расплывчато синела печатка: "Просмотрено военной цензурой". Письма тоже "военный фактор", они тоже оружие. И то, что тыл живет для фронта, оружие. И что война - а оперу давали. И даже безбожная ложь, что "теперь с едой совсем отлично". Обман, оказывается, может быть и очень благородным, порой он больше чего-то другого может свидетельствовать о великой честности людей. Не знаю, что там вычеркнула почтовая девчонка в линялой гимнастерке, но главная "тайна" писем, которые делают человека на фронте устойчивее и сильнее, - во всем остальном.

Что-то меня заставило оглянуться. Впрочем, не что-то, а просто опыт и чутье. Только кажется, что отвлекся, а глаза шарят по небу. И вот они схватили опасность и по всему телу разослали стремительные токи сигнала: "Тревога!"

Два "мессершмитта", описывая дугу, примеряются для атаки. Теперь я чувствую себя в бескрайнем море пловцом, вокруг которого ходят акулы. А эти и не ходят - уже несутся, и, кажется, нет спасенияГ

И тут вижу я впереди, в лесном массиве, плешину. Круглая, как блюдце, поляна, и посредине - группа деревьев. Ни о чем не успеваю подумать что-то само срабатывает внутри, рука отжимает штурвал, машина скользит вниз.

Успею? Или догонят? Приблизятся на нужное расстояние и - в щепки. Нижет еще ниже, еще! Колеса почти трогают верхушки сосен. Вот и поляна. Еще ниже - и сразу левый вираж, за эти стоящие в центре деревья.

"Мессеры" стреляют - скорее с досады - и, взревев моторами,

проскакивают.

А я теперь чуть поднимусь над лесом и посмотрю на них. Ага, возвращаются, набирают высоту и опять - вниз.

Хочется, как мышь в нору, юркнуть меж деревьев. Но надо себя сдержать: юркнешь раньше - и, обогнув эту спасительную купу, вылезешь навстречу, как раз на их огонь.

Вот теперь, когда они собираются нажать на гашетку, - пора! Мелькают перед глазами деревья. Чуть лишнего вправо или чуть влево - и поминай как звали.

Обогнув свою рощу, вижу: выходят из пикирования. Получается - идем навстречу, но стрелять они уже не могут, очереди прошли бы выше - и я, кажется, вижу их перекосившиеся от ярости рожи. Такая стопроцентная добыча, а не взять!

Дураки! Разошлись бы, не вместе бы атаковали, на чью-то очередь я обязательно выскочу. А они то ли так уверены, то ли не догадываются, то ли боятся отрываться друг от друга...

Еще три раза наскакивали, я бешено носился в кольцевом коридоре в нескольких метрах от земли.

Так они ничего и не смогли.

Подождав, пока "мессеры" окончательно скроются, взял свой курс. Через несколько минут посадил По-2 на опушке леса у села, где назначили нам район базирования.

Вышел, снял шлем. Откуда-то появился старшина, что-то такое говорит. А так хочется отдышаться, расслабиться. Лег бы на землю лицом вниз и дышал густым запахом травы. Но неловко...

Старшина, почуяв непростое мое состояние, замолчал, поджидает. Он в летах и, видно, не из кадровых.

Наконец, звуки оживают. И первые звуки - это бьют орудия.

- Ну, слушаю вас.

- Так что, - старшина неловко вскидывает ладонь к виску, - полевая площадка к работе готова.

- Что значит готова?

- Проверено само поле. Имеется горючее, - старшина кивнул в глубину леса. - Жить будем на окраине Александровки. Там же метеопост, Кухня полевая...

- Наши это стреляют?

- Немцы.

- Как будто близко.

- Близко и есть. На той стороне реки.

- Александрову обстреливают?

- Не. На той стороне, как раз против этого места, наши из окружения пробиваются. Вот немцы и стреляют, не дают.

Как ни старается старшина быть по-уставному сдержанным, но все же не может совладать с собой. Его по-крестьянски

огрубелое сострадательное лицо передергивает гримаса.

- Эх, товарищ полковник, - выдыхает он сдавленно, хрипло и, не стыдясь, вытирает пальцем слезу. - Насмотрелся я тут. Выходят они оттуда, бегут, как к маме родной, завидя такое близкое спасение, а их снарядами... И ничем эту проклятую фашистскую артиллерию не взять. Идут они, как через ад.

Все во мне напрягается. Такое слышать не легко. Хочется рвануться, что-то немедленно сделать... Но что тут сделаешь...

К ночи сюда перелетела вся группа.

Уже поздно. Но ведь стоит пора необычных ночей. Столько поэзии мы всегда ощущали в этих словах: "белые ночи"... Поэзия осталась, только она теперь грустная, горькая. Потому что белые ночи не для удивления, не для любования - они часть войны. Они вобрали в себя столько благодарностей и проклятий. Саперы рады - им по ночам спокойно работать, прокладывать в болотистых местах свои гати. И нам летать виднее. А те, кто на том берегу Волхова, ненавидят белые ночи за их предательство. Белые ночи выдают...

Слышится отдаленный гул.

- Наш СБ, - высказывает догадку батальонный комиссар Косачев.

- Вдоль реки идет, - уточняет кто-то.

- Нет, - сомневается Косачев, - пожалуй, "юнкерс ", Вскакиваю.

- Сейчас проверим,

- Одному не стоит, - Косачев тоже поднимается.

- Но я ведь пока один тут осмотрелся, изучил местность.

Что значит диалектика - ничто не бывает однозначным. Устарелый И-16 обладает завидным достоинством: короткая пробежка - и ты в воздухе, легко набираешь высоту, "Юнкерс " как раз подходит к нашему рубежу. Иду навстречу. Но что это он так круто набирает высоту! Ага, в облака полез подвернулись, однако, ему. Наверное, увидев меня, ему передали с земли по радио об опасности.

Неожиданно глаза схватывают какое-то движение внизу. Там, на фоне реки, - две знакомые тени. "Мессеры"!

Не иначе как истребители попросили, чтобы "юнкерс" обозначил себя ракетой. Боятся сбить своего. Ракета вспыхнула - и я увидел его. Совсем рядом. Рядом, только чуть выше. Снизу я и ударил длинной очередью.

Вот теперь хороший факел! До самой земли будет сам себе освещать дорогу.

На следующую ночь мы встретились с "мессершмиттами" вновь. Маневренные возможности самолетов И-16 помогали нам буквально виться вокруг Ли-2, не подпуская фашистов, отсекая их

огнем.

С тех пор у Гризодубовой здесь потерь не было.

Днем на опушке безлюдье. Все замаскировано. Днем - отдых. Так полагается. Но какой там отдых в Александровке, недалеко от которой громыхают орудия, понтонеры держат под огнем свою переправу, а за рекой то там, то тут бьется, малосильно тыкается в стенки фашистских клещей окруженная 2-я ударная. Иногда группам удается прорваться. Они показываются на том берегу, устремляются к паромам. И только здесь, на шатком этом мосту, начинают успокаиваться. Они оборваны, изможднены, на лицах все еще выражение настороженности и готовности сорваться, куда-то бежать, стрелять. Иных ведут под руки, иных несут на шинелях.

- Теперь дома, - успокаивают понтонеры.

- Братцы, - слышится то и дело, - дали бы чего-нибудь поесть.

Понтонерам неловко, что они не могут помочь изголодавшимся людям, - их ведь идут сотни.

- Ребята, - кричат они в ответ, чтобы слышали все, - дальше покормят, пройти немного!

В их голосах все равно слышится виноватость. На войне, если у кого-то беда, всегда кажется, что ты мог бы что-то сделать, а не сделал, что их поломала, покрутила, поистязала война, но могла бы эту ношу взвалить на тебя - и выходит, таким образом, что ты счастливчик и должник.

Мы стоим на длинной, кажется, единственной улице Александровки среди прерывистого людского потока. Брови моего комиссара сведены к переносице, он насупился, молча смотрит, словно впитывает и страх, и боль, и надежду, и ярость этих солдат - все, что, наверное, так неистово металось в них полчаса назад.

- Приставить ногу, пехота, - с мягкой интонацией обращается Косачев к подходящей группе. - Перекур.

Разрывает новую пачку папирос. Другие летчики тоже.

- Отведи, дружище, винтовку, а то она меня за кого-то не того принимает, - подсказывает маленькому бойцу.

- Не стреляет она, товарищ батальонный комиссар. Патронов нету.

- Хорошо хоть летчики сбросили, как раз на последний бой, - продолжает пожилой пехотинец, высокий, сутулый, без шапки.

Не мы сбрасывали, но сердце окатывает чем-то теплым от того, что чувствуем себя причастными к трудному счастью этих бойцов.

- А где же командиры ваши?

Высокий пожилой боец оглядывается, и кажется, что отстали командиры, сейчас подойдут.

- Нету наших командиров. Первыми шли в прорыв, первыми и полегли...

Суровые испытания выпали 2-й ударной армии. Но все же не попусту несла она такую свод) судьбу. Ее героизм и упорство помогли Ленинграду выстоять: фашисты вынуждены были отложить штурм города и бросить силы сюда. Еще не одна группа измотанных, израненных, но не сломленных бойцов и командиров выйдет из окружения. Еще не раз то здесь, то на других участках вдруг загрохочут орудия - это оставшиеся в кольце будут пытаться выйти.

Потом все замолкнет. И установится над волховскими лесами, над болотами, над гатями и кочками, над развороченными дорогами и топкими тропинками тревожная тишина.

И через какое-то время словно оттуда выйдет маленький; осторожный слушок:

- Бывший командующий армией генерал Власов продался...

И появится потом ненавистное выражение - власовцы. А рядом с ним выражение - власовская армия.

Выражение это и тогда кое-кого сбивало с толку, да и теперь иных, непосвященных, сбивает.

- Власов... Который со своей армией к немцам перешел, - услышал я недавно в разговоре молодых людей.

Нет-нет да и упадет незаслуженно тень на героическую судьбу 2-й ударной.

Не продавалась армия с Власовым! Он продался сам. А 16 тысяч ее бойцов и командиров с ожесточеннейшими боями вырвались из кольца, 6 тысяч сложили свои головы и 8 тысяч пропали без вести. Что значит пропали? Наверное, погибли безымянными. Возможно, маленькая часть какая-то примкнула к партизанам, а остальных - расстреляли на месте, заморили в лагерях...

А Власов - единственный в своем роде. Из всякого сброда собирали потом фашистские организаторы ему "армию". Он сам унизительно напрашивался в руководители, сам подсказывал своим хозяевам, что "для русских, которые хотят воевать против Советской власти, нужно дать какое-то политическое обоснование к действиям, чтобы они не казались изменниками Родины". Но при любом обосновании предатель есть предатель.

И когда 11 мая 1945 года, в Чехословакии комбат капитан Якушев отыскал в колонне машину Власова и распахнул дверцу, он увидел только двух перепуганных женщин - сам командующий трусливо прятался, накрывшись ковром.

Не знаю, но представляется, что так его и повесили, - в

военном френче чужого покроя.

Однополчане

Хорошо пахло сеном. За стенками барака шуршал дождь, там, под низким темным небом, мокли сейчас деревья, дороги, тропинки, мокли самолеты, горбились часовые в своих куцых плащ-палатках, чувствуя спинами неприятную холодность октябрьского дождя. А здесь было покойно, сухо, возле двери уютно желтел огонек фонаря. В кругу отбрасываемого им света несколько человек забивали козла, примостившись на ящиках из-под консервов. Остальные лежали, коротая за разговорами длинное вечернее время.

- Давай, Булкин, еще, - потребовали из темного угла сеновала.

- Смотри, Булкин, не надорвись, - тут же откликнулись из другого конца. - Ты нам еще пригодишься, а первая эскадрилья не пощадит твоего таланта, Булкин.

- Ладно, Булочка, прочитай, - ласково разрешил Большов. - Чего-нибудь подушевнее. Давай Симонова.

Воцарилась тишина ожидания. Немного погодя из темноты зазвучали мягкие и замедленные слова, обращенные к женщине, просьба не сердиться за редкие письма с фронта. "... А убьют - так хуже нет письма перечитывать", - читал Булкин.

Фонарь лил свой тусклый медный свет, шумел дождь, и становилось на душе как-то смутно и одиноко.

Окончил Булкин, долго стояла тишина.

- Хорошо, стервец, излагает, - это голос Панкина, голос со вздохом.

- Большое это дело - стихи, ребята!

- Слушай, как ты их заучиваешь? Другое дело анекдоты - те сами запоминаются. Для стихов извилины надо ж напрягать, - доносится из первой эскадрильи.

- Во-во, - подхватывают из второй, - не по тебе работа.

Слышится смех. И тут же из угла барака, где расположилась на ночь первая, отвечают:

- Узнаю, Костя, твой голосок. Если насчет работы, то есть у меня к тебе вопросик...

- Ну, начинается, - толкает легонько меня в бок начальник штаба. Сейчас как заведутся! Жаль, Булкина выключили, а хорошие стихи...

Всех, летчиков полка сейчас можно разделить на несколько групп. Они и сами нередко, для понятливости, прибегают к непроизвольно сложившимся в эти дни названиям.

"Ветераны" - те, кто был в полку, когда я его принимал, кто к тому времени остался в живых.

"Перегонщики" пришли в полк только что, когда мы в тылу получали новые самолеты и пополнение. Они были при заводе, их работа заключалась в том, чтобы перегонять самолеты по фронтовым полкам. Летали они отлично, но в боях еще не бывали.

"Запасники" - они же "сержанты". Эти тоже пришли во время переформирования из запасного полка. Они все в сержантском звании и самые молодые.

Словом, складывается новая полковая семья. - Инициатива в разговорах, песнях и веселье принадлежит "ветеранам". Остальные пока еще сдержанны и почтительны. Но кое-кто уже выделяется и смелеет. Особенно быстро завоевывают авторитет двое из "перегонщиков": Булкин и Шахов. Булкин заводила и весельчак, рассказчик и вообще проказник. Он невысок, тонок, белокур, его трудно увидеть умиротворенным. Шутят: "Булкин успокаивается, лишь когда спит". В остальное время он сам и все в нем - в движении. Говорит он жестикулируя, никогда не стоит на месте, даже в строю переминается больше всех, мучается, и все внутри у него рвется куда-то. И лицо его то улыбается, то хмурится, выражает то удивление, то холодный интерес, то иронию... У него привычка вставлять в речь стихотворные фразы, и всегда это к месту и хорошо.

Шахов, напротив, высок, черняв. Боек на язык. Красавец и гармонист. В его осанке и в лице всегда то чувство превосходства и почти неуловимого важничанья, которое нередко свойственно людям красивым и тем более удачливым.

- Ну хватит! - голос Большова. - Продолжаем вечер поэзии. Слово чтецу и декламатору Булкину.

- А я уже сплю, - равнодушно сообщает Булкин.

- Спит! В такое детское время!

- Булкин, массы просят.

- Загордился, Булкин!

- Правильно, Булкин, голос надо жалеть. А то чем кричать будешь и звать на помощь, когда зажмут "мессера"?

Любимое дитя хочется ущипнуть. Так и сейчас, каждый норовит "ущипнуть" Булкина, кажется, уже саму его фамилию произносят и повторяют с удовольствием, есть в ней что-то мягкое, доброе, домашнее? А особенно когда Большов на правах друга называет его и вовсе Булочкой.

- Может, почитаешь, а? - неожиданно спрашивает Майоров.

И Булкин сразу соглашается. Это потому, что попросил именно Майоров обычно немногословный.

В Майорове сливается противоречивое: юношеский облик с устойчивостью, уверенностью, сдержанностью зрелого человека.

И странно впервые услышать его низкий грудной голос, идущий сквозь стеснительную улыбку мальчика.

Булкин почему-то робеет перед Майоровым. Майоров и лицом, и годами, и званием моложе, но у него за плечами столько боев, а это на фронте - и лицо, и возраст, и звание.

С Майоровым я познакомился раньше всех.

О том, что мне предстоит принять 2-й гвардейский полк, я знал, еще когда занимался обеспечением группы транспортных самолетов Гризодубовой. Начальство наконец откликнулось на мои просьбы дать мне хоть и менее престижную, но более самостоятельную работу.

Однажды в то время я оказался в соседнем полку и стал свидетелем воздушного боя. Он складывался скверно с самого начала. "Мессершмитты" застигли наших на взлете. Двоих подожгли, а три смогли все же подняться. Особенно выделялся истребитель с бортовым номером "15". Если его товарищи вели бой осмотрительно, то "пятнадцатый" ворвался в стаю "мессеров" и, забыв обо всем на свете, погнался за одним из них. По всему было видно, что в машине летчик молодой и чрезвычайно смелый, конечно. "Мессер" улепетывал, видать, чувствовал дьявольский напор этого непонятного русского, который один влез в самую гущу. "Пятнадцатый", отстав, тут же переключился на второго, хлестанул по нему очередью, перенес огонь на третьего... Словом, паники он наделал, хотя сам оставался цел только чудом. "Безумству храбрых поем мы песню" - пришли на память слова, и еще подумалось, что это будет траурная песня. С напряженной тревогой и нарастающей болью следил за ним.

И все же он приземлился. Машина была буквально изрешечена. И когда приземлился, тут уж меня прорвало. Еле дождался, пока командир полка созвал летчиков для разбора. "Пятнадцатый" оказался совсем молоденьким, потому, видимо, все самые грозные приготовленные слова вылетели, а вырвались "неприготовленные":

- Юнец! Мальчишка!..

Сержант растерялся от такого "разбора" старшего инспектора ВВС фронта.

Все то напряжение, что накопил, наблюдая бой, постепенно затухает, и в душе начинает преобладать чувство справедливости. Само собой вырывается:

- А все же - молодец!

Что поделаешь - просто влюбился в него.

А когда через полмесяца принимал 2-й гвардейский, увидел его в строю перевели сюда.

Полк в то время был в удручающем положении. Недавно

погиб его командир. Погибло немало других летчиков. Боеспособными можно было считать всего пять-шесть машин. Бои по вызволению 2-й ударной армии завершились, наступил период временного затишья. Полк, образно говоря, менял бинты на ранах и готовился к новым схваткам.

- Жалуются летчики, - сказал я в беседе со старшим инженером полка Лелекиным, - мотор так трясет, что пляшет приборная доска и приборов не видно.

- А что делать? - беспомощно развел он руками. - Технику мы как получаем? Вытаскивают специальные команды из болот сбитые самолеты и волокут нам. Погнулся винт, - его ведь надо в специальных условиях выровнять, отбалансировать. Мы же делаем это здесь, кустарно. Вот и пляшут приборы.

- Ё-моё! - воскликнул Майоров (было у него такое присловье), когда увидел, на чем предстоит летать. - Я-то думал, что в гвардейском поприличнее будет.

В глазах "пацана" (мысленно я окрестил его так) стояла тоска. У него ведь было столько боевого азарта, дерзости, желания драться, да и таланта, а тут словно скручивают тугими пеленками.

Притащили очередной самолет. Когда его отыскали в лесной глухомани, увидели в кабине тело летчика. Это был Федя Какарин.

Больше всех переживал тогда Панкин. Они составляли удивительную пару. И летали вместе, и все остальное время тоже оказывались рядом. Связывала их странная дружба. Казалось, нет в полку двух других людей, которые бы так враждовали. То и дело что-то доказывали друг другу, ссорились. И друг без друга не могли. Когда они улетали, оставшиеся на земле говорили, посматривая на часы:

- Минут через десять появятся, пошли посмотрим.

Находили удовольствие встречать их из полета.

Машины заходили на посадку. Из передней выскакивал маленький Панкин его, обычно не видно из кабины, и поэтому ребята шутливо говорили: "Самолет без летчика". Так вот из "самолета без летчика" выскакивал Панкин, срывал шлем с головы и гневно швырял его на землю.

- Ну, будет представление! - радостно оповещал кто-нибудь из собравшихся "наблюдателей".

С ревом подруливала вторая машина, становилась на место, резко, сердито описав хвостом дугу.

- Ох злой! - с восторгом комментировали из толпы.

Торопливо вымахивал на крыло Какарин, такой же маленький, с симпатичным худощавым мальчишеским лицом. Но

Панкин успевал овладеть инициативой.

- Какого черта ты полез вниз? - орал он возбужденно.

- Что - лучше, если бы брюхо пропороли? - кричал в ответ Какарин.

- Не пропороли бы. Очень ты о моем брюхе беспокоишься! Лучше бы сверху смотрел.

- А когда меня зажали! - напоминал Какарин, видимо, свою претензию к Панкину.

- Не надо отрываться...

Они шли на КП эскадрильи, не обращая, внимания на следовавших за ними, и сколько шли, столько переругивались, вспоминая детали боя и находя в каждой повод, чтобы взорваться с новой силой.

- Смотрите! - удивился однажды своему открытию Хашев. - Так ведь у них отличный разбор полета получается. Прямо по косточкам. Не завести ли такое дело во всем полку?

Рассказывали, каким гордым и счастливым ходил Панкин, когда Какарина принимали в партию. На другой день они вновь вылетели, и вновь, когда приземлились, Панкин гневно сорвал шлем, расхаживал мелкими быстрыми шагами около самолета, как тигр в клетке, поджидая, пока Какарин не подрулит и не крутанет сердито фюзеляжем рядом с его машиной...

А потом несколько дней Ефим Панкин ходил молчаливый и грустный Какарин не вернулся из боя. Шли дни, рана в душе Панкина затянулась, но вот открылась, и кровь хлынула с новой силой - привезли Федин самолет. Вечерами, когда полеты прекращались, Панкин шел в конец аэродрома, где мастерские, останавливался перед самолетом Феди. Техники, механики, мотористы, которые хлопотали здесь, чтобы вновь ввести машину в строй, переставали разговаривать и работать. Устанавливалась тишина, как на кладбище. Ефим постоит, склонив голову, дотронется до фюзеляжа, до винта, качнет рукой закрылок, вздохнет и зашагает прочь.

В те дни вернулся в полк из госпиталя старшина Скрыпник. Он был первым, кто повстречался мне, когда я вышел из самолета, в расположение 2-го гвардейского. Скрыпник стоял неподалеку - невысокий крепыш с широким скуластым лицом. Он отдал честь, но как-то, неловко, словно не мог повернуть головы. Оказалось, что так оно и есть, - не мог, не долечился в госпитале.

Теперь он лежит недалеко от меня и рассказывает новичку полка сержанту Аркадию Слезкину о том самом бое, после которого долго ходил, втянув голову в плечи, словно приготовившись бодаться.

- ... Было тогда тринадцатое число, и я шел замыкающим в

нашей шестерке, - негромко вспоминал Скрыпник. - Ну, думаю, раз тринадцатое и раз замыкающий, то что-то со мной должно сегодня случиться. Не знаю почему, а так подумал. Конечно, ерунда все и предрассудки, а вот подумал. Шли мы на высоте три тысячи метров. Именно высота и помогла мне потом дотянуть. Идем мы, значит, в левом пеленге, и я - замыкающий, рядом и впереди - Майоров. Самые мы с ним молодые. Обычно летчик шарит глазами по небу, старается первым увидеть врага. Ты тоже старайся всегда увидеть первым - это большое преимущество. - Конечно, - согласился Слезкин.

- И вот я их увидел. Стал считать - двенадцать штук. Это для нас, с нашими-то машинами тогдашними, - хана. Но хана или не хана, а задание выполняется во что бы то ни стало, понял?

- Конечно, - опять сказал Слезкин.

- Идут они со стороны солнца, наши продолжают лететь, как летели. Может, не заметили или решили, что "мессеры" пройдут мимо. Покачал я машину - никто не отозвался. Дал из пушек очередь, чтобы привлечь внимание...

- А радио? - спросил Слезкип.

- Радио на "лаггах" уже было, но мы снимали, чтобы облегчить самолет. Все, что можно было снять, - снимали. И радио, и кислородное оборудование, словом, все, что можно... Пока я давал сигналы, первых два "мессера" стали пристраиваться мне в хвост. Как учили, ушел влево, думал, они за мной все пойдут. Наверно, увидели по почерку, что неопытный я. Один выскочил вперед, чтоб я, значит, переключил на него внимание. Эту хитрость я поздно понял, и ты заруби на носу: во время атаки все же верти головой, оглядывайся.

- Само собой, - уверенным и чуть неодобряющим тоном ответил Слезкин, словно он знает это лучше Скрыпника и удивляется, как тот мог так поддаться.

- Увлек он меня, - продолжал Скрыпник, - а второй в тот момент как рубанет сзади. Показалось сразу, что загорелся, на самом же деле перебили водяную систему и меня обдало паром. Вижу: фонарь разбит, разбита приборная доска. Бросил глазами по небу - уже кипит общий бой. Двигатель стал давать перебои. Один у меня выход: идти со снижением на восток, может, дотяну до аэродрома. Но двое увязались за мной, взяли в клещи. Тут еще управление забарахлило. Могу только педалями работать, создавать скольжение. Словом, в безнадежном состоянии я. Лупят вовсю, то на крыльях пули режут щепки, то впереди по кабине сечет. Мотор выдыхается, высота быстро теряется, а бой над их территорией. Думаю: что-то долго они со мной возятся. А им, оказывается, Майоров не дает. Заметил, что я пошел к своим и

тяну за собой шлейф дыма (а это пар был), и бросился на выручку. Носится, как мать над птенцом, клюет этих "мессеров", мешает им. Блеснула внизу река Волхов, значит, перетянул за линию фронта, легче на Душе стало. Но тут "мессер" как ударит - и в правый бензобак. Все разворотило там, а самолет, представляешь, все еще тянет. Бронеспинка дрожит от ударов. Чувствую, ранило в спину.

- Что же Майоров-то?! - нетерпеливо и осуждающе прервал рассказ Слезкин.

- Ты про Сашу никогда так не говори, - предупредил его Скрыпник. - Это такой человек! Он ни секунды о себе не думает. Всегда готов своей жизнью спасти другого. Это, если хочешь, витязь...

- Товарищ старший лейтенант, возьмите гитару, а? - просят из темноты. Просят, судя по тону, "сержанты-запасники", и просят Панкина, кого же еще.

- Ладно, Булкин, - откликается Панкин, - будет тебе передышка. Эй, козлятники, перекиньте-ка инструмент.

Звучит негромкий перебор. Панкин начинает петь о землянке и о далекой любимой, до которой дойти так нелегко...

А Скрыпник вполголоса продолжал рассказывать:

- ... И в этот момент Майоров сбивает его. Вижу, обгоняет меня "мессер" и ковыляет к земле. А Саша уже со вторым схватился. Вынесло меня как раз на аэродром Малой Вишеры. Но иду поперек взлетной полосы, и сделать ничего не могу. Мелькнула полоса, показалась речушка, вырос перед глазами бугор на ее берегу - и больше ничего не помню. Пять дней без сознания пролежал в госпитале. Когда после удара выбросило меня из кабины, ларингофонами шею дернуло... А Саша прилетел, рассказывали, побитый до невозможности. "Мессеры" не отпускали его до самого аэродрома, и все удивлялись, как он уцелел и мог лететь на такой машине...

Панкин заканчивал свою песню о заплутавшем на дорогах войны счастье и о том, что "в холодной землянке тепло от твоей негасимой любви".

- А хорошенькие у вас в полку девчата, - переключился Слезкин на другое. - Особенно там одна есть, Танечка...

Скрыпник уже начал было отвечать ему что-то, но когда прозвучало имя, сразу будто захлебнулся, а из темноты раздался поспешный голос Кости Федоренко:

- Выбрось из головы.

Они улеглись рядом - Скрыпник, Федоренко и Слезкин. Первые двое земляки и друзья, из Полтавы, не в одной смертельной переделке побывали. Слезкин был прежде знаком со

Скрыпником и теперь, влившись в полк, тянется к нему. Федоренко заметно ревнует.

- Выбрось из головы, - повторяет он, - а то схлопочешь выговор в приказе. У нас уже одному тут такой номер не прошел.

Оберегает Скрыпника, хотя намекает именно на него.

В середине лета в полку случилось событие. Прибыла группа девчат. Они окончили школу младших авиаспециалистов, и теперь им предстояло быть кому механиком по вооружению, кому парашютоукладчицей, кому фотолаборанткой. Девушки сразу с головой ушли в работу, они так старались, что порой просто жалко их становилось. Тяжелая штука - пушка ШВАК, а ее надо снять, разобрать, привести в порядок, смазать, вновь поставить. Снарядить ленты крупнокалиберными патронами, погрузить в самолет - тоже работенка не для Афродит. Или чего стоит подвеска 50-100-килограммовых бомб. Ведь вручную. Самолеты обслуживались в основном по ночам - к утру все должно быть готово. Девчата ходили и в караул, охраняли стоянки самолетов, склады, колодцы...

С их появлением жизнь в полку заметно изменилась. Ребята стали мягче, что ли, больше следили за собой, осторожнее пользовались грубыми мужскими выражениями. В обиход вошло забытое довоенное слово "танцы".

Скрыпник, невысокий, но широкоплечий и от силы своей несколько неуклюжий, обычно застенчивый, вдруг на танцах стал требовать, чтобы играли гопака, и пускался в пляс.

- Смотри, смотри, - перемигивались товарищи, - Ваню-то не узнать.

- Привораживает какую-нибудь.

Конечно, мы с комиссаром Власовым немало переговорили, как нам быть с "девчачьим пополнением" и какие новые проблемы войдут в жизнь боевого полка вместе с ними.

- Ох, не размагнитили б они хлопцев, - качал головой комиссар.

Провел и "спецбеседу" с мужским составом полка.

- Чтоб никакого мне донжуанства. Будем это рассматривать как...

Он не подыскал нужного слова, только спросил:

- Ясно?

Первым попался - кто бы мог подумать! - Скрыпник. Полк получил приказ перебазироваться в тыл для укомплектования и получения новой техники. Мы с комиссаром вылетели на По-2 вперед. Полк ехал эшелоном. Однажды вечером на стоянке, осмелев после своих ста фронтовых грамм (как будто он их раньше не пил!), Скрыпник - наш молчаливый, хмуроватый,

робкий Скрыпник! - пытался поцеловать отбивающегося симпатичного младшего сержанта.

На следующей остановке зачитывался приказ. Заканчивался он строгими словами: "Объявить старшине Скрыпнику выговор".

Слова эти были встречены сдержанным смешком. Правда, сам Скрыпник стоял пристыженный, во всем его облике, в плотной его кряжистой фигуре, в лице, которое всегда выражало почтительность, впервые можно было угадать упрямую непокорность. Конечно, начальник штаба ожидал другого эффекта.

- Не бог весть как прозвучало, - говорил он потом нам с комиссаром, оправдываясь, - но польза будет...

Есть в Горьковской области станция Сейма. Здесь нам предстояло, получив технику и пополнение, подготовиться к новым боям.

- Ё-моё! - воскликнул Майоров, когда я сказал прибывшим летчикам, что нам предоставляется право выбора: либо пересядем на Ла-5, либо на Як-7, либо на американские "кобры". - Братцы! Так это ж, как в волшебном царстве, - бери, что хочешь!

Действительно, тыл нас поразил. Той мощью, которая накапливалась здесь. Невиданное дело - предлагают выбирать, да и марки все новые. Присмотрелись к ним - вот это машины! Скорость, маневренность, вооружение!.. Решили взять себе Ла-5. Новый самолет буквально очаровал. Во время демонстрационного полета все были в страшном возбуждении.

- Как легко взлетает!

- Смотри, горку берет. Ух, моща!

- А лоб! За ним - что за броневой плитой.

- Этот - для боя!

- Ну теперь совсем другое дело, - ликует Майоров. - Держитесь теперь, "мессера"!

Полетели на завод - и тут дух тоже захватило. Огромное поле было уставлено новенькими самолетами. Вот когда мы почувствовали, что скоро грядет он - перелом в битве за небо.

И следующая новость взбудоражила с не меньшей силой: нас включают в корпус РВГК - резерва Верховного Главнокомандования. Корпус! А уже формируются и армии! Колоссальные воздушные армады! Все это еще раз свидетельствовало о возросшей мощи страны. Мы только и говорили о переменах, радуясь, гордясь, ощущая новую силу во всем вокруг и в себе. Это был праздник.

В конце учебного дня нас вызвали к командиру корпуса Герою Советского Союза генералу А.С. Благовещенскому. Только что, оказалось, прибыл командир одной из дивизий корпуса

генерал Г.П. Кравченко. Нас взаимно представили. Я доложил о состоянии дел в полку.

В семье нашей - новая волна энтузиазма. Еще бы! Ведь комдивом у нас будет дважды Герой Кравченко! Это он и С.И. Грицевец первыми в стране были удостоены второй Золотой Звезды за отличия в боях на Халхин-Голе. Первую Грицевец получил, защищая добровольцем республиканскую Испанию, а Кравченко - участвуя на стороне китайского народа в его борьбе с японскими захватчиками.

В комдива влюбились. Он отличался от привычного типа командиров. Казалось, ничто его не может вывести из равновесия. Сдержанный, рассудительный, внимательный к людям, обаятельный. Его часто можно было видеть в кругу летчиков, техников, бойцов батальона аэродромного обслуживания. Его воля и решительность, его командирское мышление проявлялись не броско, не кричаще, а как-то по-особому спокойно и просто. В душе комдива и жалели. Казалось противоестественным: корпусом командует генерал-майор, дивизией у него - генерал-лейтенант. А ведь еще до войны он возглавлял ВВС Прибалтийского особого военного округа. Но известно, какие большие потери понесла авиация наших приграничных округов после фашистских внезапных бомбежек в первый же день войны. Поговаривали, что после того и "не пошла" служба у Кравченко...

Обрадовало "ветеранов" и пополнение. Неожиданно, когда я прилетел на завод оформить получение машин, обступила меня группа заводских летчиков. Узнав, что я из гвардейского полка, загорелись:

- Хорошо бы в такой полк попасть!

- Может, возьмете, а?

И я подумал: а чем черт не шутит? Если номер выйдет, все же опытные летчики придут к нам. Переписал фамилии - и тут же телеграмму в Москву. Еще и обосновал: люди, мол, опытные, а в боях не бывали. И разрешение пришло!

Так что в запасный полк из "совсем зеленых" осталось взять только четверых.

Брали четверых, а прибыли на фронт - оказалось, что их шестеро.

Когда прилетели, обнаружилось два лишних самолета.

- А эти откуда?

Никто ничего не мог сказать.

- С нами летели?

- С нами. Позвали летчиков.

- Вы откуда?

- Из второго гвардейского.

Ну и наглец вот этот, что стоит чуть впереди и отвечает.

- Ваша фамилия?

- Сержант Слезкин.

- Как оказались здесь?

- Мы решили попасть в ваш гвардейский полк - и никуда больше.

- Дезертиры, значит? Пожали плечами.

- Мало того, - отчитываю их. - Вы представляете себе, что значит украсть самолет? И сбежать на нем?

- Так ведь на фронт...

Ну что ты будешь делать! Пришлось срочно давать телеграмму заместителю командира запасного полка Акуленко - товарищу по Испании и финской кампании, чтобы уладил:

А все Скрыпник! Это он встретил в Сейме, в запасном полку, своего давнего приятеля Слезкина, и тот решил во что бы то ни стало уйти на фронт с нами. Прихватил и еще одного такого же бесшабашного.

Теперь вот наставляет его своими рассказами Скрыпник.

- Главное - не мчись в бой, как по струне, надо много маневрировать.

- Конечно, - соглашается Слезкин. А Панкин взял на гитаре последний аккорд, приглушил. Нависла тишина. И, будто стряхнув серьезное настроение, вызванное песней, Панкин с прежней шутливостью позвал:

- Товарищ Булкин!

- Он уже спит, - ответил Булкин.

- Вот пусть он чего-нибудь еще прочтет, а потом спит.

- Может, кто анекдот расскажет, а? - взмолился Булкин.

- Надоели анекдоты, хотим серьезного искусства.

- Истосковались, Булкин.

- Изголодались...

- Ладно, - остановил этот поток Булкин. Он, конечно, притворялся, играл свою игру, а вообще-то ему приятно такое внимание. - Есть у Константина Симонова стихотворение "Однополчане"...

Булкин читал красиво, умел придать своему голосу именно то настроение, каким дышит стих. Он говорил о людях, которых война сводит в один окоп, которым суждено пройти большую дорогу к победе...

- Хорошо! - отозвался комэск третьей Тришкин. - И про Кенигсберг, что мы там будем, и про наше поколение.

- А смотрите, ребята, - мне показалось, что при этих словах Панкин привстал, - как нас ни били, как ни пер фашист поначалу, а ни у кого ни на миг не было сомнения, что мы победим, правда?

- Что верно, то верно.

- Ни на миг!..

- Интересно, как оно будет? Ну придем мы в Берлин, ну окончится война. А вот как потом?

- Потом очень просто, - опять заговорил Панкин. - Уеду куда-нибудь на необитаемый остров. Или в тайгу. Чтоб никого на пятьсот километров, только гитара, со мной. Тишины хочу. А потом вернусь к разумному человечеству и женюсь. Вот так, братцы. А ты, Глеб?

Начинался диалог двух заместителей комэсков - из второй и третьей.

- Я тоже вначале в тайгу собирался, - взвешивающе сообщает Глеб Коновалов. - Но как узнал, что и ты туда, - переменил решение. Для меня главное - с тобой не встречаться. Надоел. Тем более, дети у тебя пойдут, верно?

- Само собой.

- И на тебя похожие?

- Надеюсь.

- Ну вот. Такие же горластые будут. На всю тайгу. То им ветер не оттуда дует, то солнце не там торчит.

- Никуда вы друг от друга не денетесь, - вступает зам из первой. Земля-то маленькая. Все эти бои да фронтовые невзгоды действительно - как это там, Булкин? - "завяжут наше поколенье... "

- "Завяжут наше поколенье в железный узел навсегда... "

Мы думаем о будущем. Пройдут годы, - но мы не знаем, сколько их пройдет, - и наступит победа. Не все доживут - но мы еще не знаем, кому суждено дожить. Не знаем, кого куда забросит судьба. Не думаем пока, что будем стареть и все острее ощущать привязанность к тем, с кем свели нас годы войны. И что сами эти годы станут центром всей нашей жизни, что выделится из всей массы людей особое поколение, которых и двадцать и тридцать лет спустя не перестанут называть фронтовиками. Что они, волнуясь, будут торопиться на назначенные полковые встречи, и дети не смогут сдержать недоумения: отчего вызывает слезы в глазах родителей эта песня, отчего они до сих пор живут воспоминаниями, отчего так сильна власть прошлого?

Мы еще ничего этого не знаем. У нас просто ночлег на сеновале. Мы прибыли на Калининский фронт и ожидаем в Выдропужске погоды и приказа.

И просто стоит ночь, шуршит холодный дождь.

И фонарь отбрасывает короткие свои блеклые лучи. И Булкин читает стихи...

Таков обычай: первый проснувшийся оповещает всех о

погоде. Вот и сейчас дверь заскрипела, пахнуло сырым воздухом и сонный голос сообщил:

- Братцы, беспросветно!

На сене завозились, кто-то вкусно зевнул, кто-то, потянувшись, выдохнул: "Хо-орошо поспали!", кто-то поглубже запрятал голову в воротник куртки.

Сквозь звуки дождя и ветра пробился рокот и оборвался неподалеку. Судя по всему, мотоцикл. Забубнили голоса, дверь опять заскрипела, и часовой громким шепотом позвал:

- Товарищ полковник, вас на КП корпуса вызывают.

Старая баня, прячущаяся в лесу в полукилометре от нашего сеновала, едва вмещали собравшихся. Невысокого роста, плотный, подвижный генерал Благовещенский что-то живо обсуждал с группой командиров, прибывших, как я понял, из вышестоящего штаба.

Заметив меня, поманил ближе к разложенным на столе картам.

- Ваша точка базирования - вот. Ясно?

- Ясно. А что там есть?

- Есть хорошая поляна в лесу. Разровняли ее, укатали - чего еще?

Он говорил с веселым добродушием.

- Поведем вас туда на веревочке - за лидером. Вылет завтра.

Заметив, видимо, некоторое мое замешательство, успокоил:

- А дождя завтра не будет.

День прошел в хлопотах подготовки.

Утром первым взлетел пикирующий бомбардировщик Пе-2, вел его веселый молодой майор. Вначале все шло хорошо, пока летели по прямой. Но вот вышли к Западной Двине, майор стал вести самолет строго по ее ленточке, повторяя изгибы реки. Но группа не может так маневрировать, как один. Да что он, не оглядывается, что ли? Лидер уходил все дальше и дальше. А погода портится, ползут низкие грязные облака, прижимают к земле. Еще минута - и лидер пропал за пеленой.

Что делать? Хорошо, что не доверился полностью, следил по карте, сверял с наземными ориентирами. Пожалуй, скоро надо сделать разворот влево. Теперь прямо.

Не здесь ли? Похожая поляна...

Из-под копны, стоящей с краю, метнулась фигура, забегала, и вот уже белеет внизу посадочный знак "Т".

Захожу на посадку.

- Тридцать первый, у вас не вышло шасси! - в наушниках голос командира эскадрильи капитана Соболева.

- Понял. Садитесь первым, командуйте посадкой остальных.

Конечно, так и надо. Пусть не носится вся группа в ожидании одного. Кроме того, если бы случилась при приземлении авария, закрыл бы посадочную полосу.

Самолеты уже на земле, а я верчусь над поляной. Правая "нога" вышла, левая - нет. Пытаюсь убрать шасси и выпустить вновь, но теперь не убирается та "нога", что вышла.

Шасси складывается под крыльями к фюзеляжу навстречу друг другу. Что, если попробовать выполнить бочку - вращение самолета вокруг своей оси?

Набрал высоту. Разогнал машину, выполнил фигуру. Все осталось по-прежнему. Надо, наверное, сделать это порезче. Земля и небо вновь завертелись вокруг меня. Едва уловимое движение рулями - самолет на какое-то мгновение замедлил скорость оборота, будто чуть-чуть споткнулся.

Помогло. Правая стойка убралась. Вновь выпускаю шасси. Что за чертовщина! Теперь левая "нога" вышла, а правая нет. Ну что ж, попробую бочку в обратную сторону, чтобы силой инерции помочь вытолкнуть правую.

Полк давно приземлился. Самолеты замаскированы под деревьями, а я ношусь над поляной. Скоро уже и горючее кончится, и чувствую: весь взмок.

Уже потерял счет разворотам, разгонам и бочкам, а тут все порознь: то одна, то другая.

И вдруг в наушниках голос Соболева:

- Обе вышли.

Сделал я еще несколько фигур: нужно убедиться, что стоят "ноги" прочно.

А на земле уже вовсю льет дождь. Подходит и представляется, въеживаясь в промокший плащ, капитан - комендант здешних мест. За ним его "гарнизон" все усатые, пожилые, в грязных мятых шинелях,

- Появлялся над вами лидер?

- Нет не было.

Оказывается, веселый майор сбился.

- Кто здесь есть?

- Только мы. Пять человек. Сказали ждать и встретить.

- Горючее подвезено?

- Да.

- Где будем располагаться?

- Можно в деревушке, тут недалеко...

Три дня прошло, а дождь не прекращался. Размещенные в домах по звеньям, летчики отсыпались. Приехал маскировочный взвод, принялся за свое дело. Придумали хитрые приспособления для того, чтобы быстро закрывать зеленой "изгородью" переднюю

часть самолета, втянутого хвостом в лес. Потом ушли на взлетное поле, прихватили с собой машину светло-желтого песка.

Перед обедом летчики собрались возле самолета комэска Соболева. Курят, поглядывают на копошащихся маскировщиков.

- Что-то наоборот у них получается. Смотри, как раскрасили аэродром песком. Теперь он с воздуха, небось, на зебру похож...

Дождь лил неделю. Наконец начало проясняться. И стали над нами проходить фашистские бомбардировщики. Мы притаились. Идут большими группами, без прикрытия. Видно, эти места были для них безопасными. Теперь-то здесь мы, и нельзя давать им безнаказанно вершить свое дело,

Когда в следующий раз послышался гул моторов и через какое-то время показались над лесом, в стороне, "юнкерсы", я сказал дежурному:

- Зарядите-ка ракетницу.

Подождал, пока "юнкерсы" не пропали за лесом, чтобы наш взлет не был замечен и не раскрыл аэродром.

- Давайте сигнал!

В первой готовности находилась пара Славгородского. Вижу: зашатались ветки, маскировавшие самолеты, забегали механики. Заревели моторы, и тут же машины пошли на взлет. Надо выпускать еще, им на помощь.

Новички проявили настоящее мужество. Пятнадцать фашистских самолетов не испугали их. Пока подоспели другие наши, Славгородский и Фонарев сбили по "юнкерсу". Но за бомбардировщиками, оказывается, шли с удалением "мессершмитты". Завязался ожесточенный бой.

Самолеты возвращались, по одному заходили на посадку, торопливо втягивались в лес. Участники боя собирались вместе, закуривали, возбужденно вспоминали детали только что отгремевшего события.

- Боря, Леша, давайте, чертяки, облобызаю вас. С первой победой! С первыми сбитыми! Даже сдержанный Майоров возбужден:

- Вот это машина! Прямо рвется из рук. Иду я вверх за "мессером" и, представляете, до-го-ня-ю!

- Слушайте, а я чуть не заблудился. Смотрю: вроде наш аэродром, да вон и машина чья-то заканчивает пробежку, но не похоже на аэродром. Вся поляна изрыта траншеями, даже страшно садиться. Ну и маскировщики! Знатно расписали песочком свою картину.

- А куда ты, Шахов, подевался? Где был?

- Где и все, - отвечает Шахов, и на красивом его лице появляется обида.

- Твое дело - меня держаться, а я твой номер внизу видел. Бой идет, а ты внизу.

- Да я уже и не помню. Погнался, наверно, за "мессером",

Все замолкли, повернулись в сторону, откуда нарастал звук. Над противоположной стороной леса показался самолет, он скользил прямо по верхушкам сосен - и едва кромка леса ушла из-под колес, сразу прижался к земле. Красивая посадка!

Пикирующий бомбардировщик Пе-2. Откинулся внизу люк, и вышел летчик.

- Второй гвардейский?

- Он самый, - ответили.

- Где командир?

- Вон он возле землянки.

Я узнал нашего лидера. Веселый майор был на этот раз в подавленном настроении.

- Товарищ полковник, я очень виноват перед вами. Получилось гак, что бросил группу, потерял ее.

- Да ладно уж, все обошлось.

- Не обошлось. Меня привлекают к суду. Теперь от вас зависит моя судьба. Если б вы написали, что все благополучно и претензий, мол, ко мне нет...

Беру планшет, майор сразу заулыбался и зычно крикнул:

- Эй, стрелок! А ну тащи!

Стрелок немало возился, что-то вытаскивая, и наконец тяжело, враскачку зашагал к нам, прижимая к животу руками огромную, наверно в метр высотой, бутыль.

- От нас подарочек, - пояснил майор.

- А если б не написал?

- Все равно. Тогда бы попросил выпить за упокой души.

Что значит веселые люди они и на беду свою умеют смотреть с иронией.

Через несколько дней прибыли наши тылы, те, кто отправился из Сеймы поездом. Лес все больше обживался, Появились землянки, где располагались командные пункты эскадрилий, склады, каптерки. Ночевать уходили в село.

... Опять нелетная погода. Дождя нет, но ползут низкие сплошные облака. Все находятся на аэродроме, в любое время обстановка может измениться. Два звена в готовности № 1 - летчики сидят в кабинах и дай только сигнал, они тут же взмоют.

А наш лесной лагерь живет своей жизнью.

Летчики второй эскадрильи сидят полукругом, и комэск капитан Тришкин, чернявый, длинноносый, с бородкой, похожий на цыгана, проводит занятие по тактике боя на истребителе Ла-5.

- "Мессеры" привыкли от атаки ЛаГГ-3 уходить вверх. Но

теперь мы их на вертикалях догоняем. Значит, приучай себя ловить тот момент, когда фашист сделает горку и успокоится. Ясно?

- Ясно. Будем их ловить на выходе вверх.

- Тактика не терпит застоя, - нравоучительно предупреждает Тришкин, дотрагиваясь до бородки. - Давайте поразмышляем как бы за врага. Попадутся они так несколько раз и начнут менять повадки. Будут уходить из-под нашей атаки вниз. К этому тоже будь готов...

У Тришкина тактика всегда с психологией. Не забывает он и сейчас, что молодое пополнение эскадрильи еще не было в схватках, кроме Шахова. Поэтому обращается к ним:

- Сейчас, понимаю, тревожно. Так что самое главное? Самое главное первый раз не дрогнуть, пересилить себя, ворваться в драку, атаковать, увидеть, как твоя очередь нащупывает врага и как он улепетывает... Обязательно в первом бою добейся морального превосходства. Ветераны вам помогут...

Молодежь делает вид, что такие наставления ее как бы даже немножко и обижают. Мол, что мы, разве забоимся? А сама впитывает, впитывает речь комэска.

- Постойте, - прерывает он свой урок, - а где Шахов?

Старший лейтенант Ефим Панкин, его заместитель, встает, делает несколько шагов в сторону, чтобы куст не мешал смотреть. Маленький, а реглан до самой земли, и планшет бьется по пяткам. За веселый характер, остроумие и способность на ходу сочинять байки зовут тайно Панкина дедом Щукарем. А за реглан и планшет - модником. Сапоги у него, правда, уже не по погоде - легкие, брезентовые. Такие шьет на лето наш знаменитый полковой сапожник Федор Чинаев. Он принимает заказы, не выпуская из губ десяток деревянных гвоздей, меряет, записывает и сквозь сжатые губы процеживает: "Через неделю".

Панкин вглядывается в глубину леса, но, конечно, больше для того, чтобы подчеркнуть старательность, Комэск Тришкин строг и старательных любит,

- Был только что здесь.

Шахов исчез на перерыве. Он просто увлекся. Увидел Таню Коровину. Подергивая плечом, чтобы длинная винтовка не волочилась прикладом по земле, она шла за старшим сержантом Антиповым. Таня ужасно смущалась, краска стыда пылала на щеках - так неудобно конвоировать старшего сержанта, годящегося ей в отцы,

Шахов был тут как тут.

- Танечка, куда это ты его?

Таня еще больше засмущалась, захлопала ресницами, но

сказала строго:

- На эту... на... как ее?..

- На губу, - безразлично подсказал Антипов.

- Доигрался? - с шутливой злорадностью завелся Шахов. - Выпало тебе возле таких красавиц службу нести, так ты совсем меру потерял. Он приставал?

- Вовсе не за это, - защищающе ответила Таня. - Он в штабе дежурил - и заснул.

- Знаю я его. Заснул! Да он просто притворился, чтоб на штабных девчат поглядеть. Ну там - на телефонисточек...

И, обращаясь к Антипову:

- Чего это такой дисциплинированный стал? Смотри ты, уставную дистанцию соблюдает. Давай на двадцать метров вперед! Ты разгильдяй, тебе ничего не стоит и тут устав нарушить. А то, видишь, уши навострил.

Антипов оглядывается и, смеясь, качает головой.

- Вам нельзя со мной разговаривать, - напоминает Таня Шахову.

- Танечка, меня, ничто не остановит. Небо - моя стихия, а вы единственное, ради, чего я опускаюсь на землю.

Пропадал Шахов добрых полчаса. Хотел незаметно присоединиться к группе, но заместитель комэска Панкин был начеку.

- Ну, красавец-мужчина, покоритель женских сердец! Опять возле какой-нибудь забылся?

- Товарищ старший лейтенант, честное слово, исключительно из интересов службы.

- Так уж и службы?

- Понимаете, Антипова ловили. Таня Коровина вела его на губу, а он вздумал стрекача дать. Пришлось побегать за ним.

- Я б тебе побегал, - ревниво и зло произносит Скрыпкин, но Федоренко легонько толкает его локтем.

- Набегался, бедняга, с ног валится, - это Панкин.

- Может, дать ему хлебнуть из неприкосновенной фляжечки? - испуганно включается Костя Федоренко в этот спектакль, который идет без заранее написанного текста и без репетиций.

Все смотрят на Тришкина, это в его адрес. Сколько знают комэска, всегда у него на поясе фляга со спиртом. Он ее не трогает, и объясняет так "Если собьют и придется застрять в лесах, будет чем погреться".

- Хлебнет! - многообещающе отвечает капитан.

Все это время Тришкин внимательно, со строгостью в глазах смотрел на Шахова. Худощавое лицо, бородка и вот этот беспощадный взгляд делают его отдаленно похожим на

Дзержинского. Шахов под этим взглядом тушуется.

- Дисциплина для всех одинаковая, - жестко напоминает комэск. Садитесь, Шахов. Продолжаем занятие.

А в первой эскадрилье все еще перерыв. Затянулся он что-то. Эскадрилья стоит гурьбой, в центре животом вниз лежит молодой летчик и пытается вытащить зубами из земли колышек.

- Ну и засадили, прохвосты!

Прямо как болезнь. Откуда взялось - неведомо, но распространилось быстро. Называется "игра в ножа". Чертят круг, стоя, бросают нож. Если он воткнется лезвием, то по направлению лезвия отрезают часть "территории". Кто в конце концов останется без "территории", тот и должен тянуть из земли колышек. Как мы ни боремся, а живет. Ну, я понимаю, были бы мальчишки. А то ведь взрослые люди.

- По мне - так пусть играют, - возразил однажды Власов. - Это ведь не просто "несерьезность" - это разрядка нервов. Мы, конечно, будем для порядка делать вид, что не одобряем...

Командир эскадрильи капитан Соболев наблюдает мучения проигравшего, смотрит на часы, потом на своего заместителя и друга старшего лейтенанта Пушкина. Лицо его спрашивает: прекратим перерыв и поможем этому парню или пусть честно отработает положенное?

Соболев сдержан, строг, немногословен. Николай Пушкин в противоположность ему подвижен, любит пошутить. Они точь-в-точь характерами повторяют пару начсостава второй эскадрильи - Тришкина и Панкина.

Соболев и Пушкин, а также Майоров и Косолапов впоследствии станут Героями Советского Союза.

А что там в третьей эскадрилье? Ее командир капитан Соколов, откровенно улыбаясь, слушает Булкина. Тот отвечает на поставленный вопрос о том, как бы он поступил в такой-то тактической обстановке.

- Очень просто, - уверенно отвечает Булкин и вскидывает перед собой руки, одну впереди другой. - Вот он, вот я. Он по дуге, а я чуть-чуть ее спрямляю...

Отвечает Булкин серьезно, но серьезность его своеобразна. Этот относится к категории тех людей, что и веселый майор, летающий на Пе-2. Нет-нет да и проскользнет смешинка в словах, в жестах, в том, как реагирует на все. А Соколов и без того щедро улыбающийся человек. Мягкий, добродушный. Имя у него Афанасий, но за глаза все называют его ласково Афоней.

Но в бою Афанасий Соколов храбр. Дважды горел, на лице остались следы ожогов:

Вообще-то в полку два Соколовых. Есть еще Соколов-

штурман. Этот в бою упрям, не свернет. Фашисты на лобовых атаках не выдерживали с ним. "Мне-то что, - говорил он, пожимая плечами, - не хочешь сворачивать - не сворачивай, столкнемся, мне-то что". Вроде ему, в самом деле, после этого ничего не будет. Однажды он израсходовал боеприпасы и тогда, не раздумывая, рубанул врага.

Есть еще у нас двое Калининых и двое Иващенко. Николай Иващенко только что вернулся из госпиталя. Укоротили ему там ногу, хотели списать из авиации, но он такую бучу поднял, что медики пожалели его. Теперь техник мастерит ему специальную подставочку к педали, чтобы удобно было Николаю управлять самолетом.

Второй Иващенко летает на нашем связном По-2. Тут тоже целая история.

Было это, еще когда мы воевали на ЛаГГ-3 и вот-вот предстояло ехать в тыл за новыми машинами. По-2 у Иващенко отличался откровенной старостью и дряхлостью. Однажды полетел он с поручением на далекий аэродром. Приземлился, подтащил свой "кукурузник" до таких же связных машин. Вышел и тут только заметил, что все эти машины только что с завода. Еще и знаки не нанесены. Иващенко даже носом потянул, втягивая запах невыветрившегося ацетона.

Он пошел по своим делам, вернулся, взобрался в привычный старенький По-2 и... передумал. Жгуче захотелось посидеть в новой машине. Вокруг никого не было, только метрах в тридцати возле одного из самолетов возился механик.

Потом ему захотелось послушать работу мотора. Только послушать, какой голос у настоящей машины, а не у такой развалюхи, как у него.

- Эй! - позвал он бойца. - Ну-ка крутани винт.

Мотор чихнул и запел - иного слова тут Иващенко не подобрал бы. А он сидел, зажмурив глаза, и с наслаждением впитывал эту чудесную, сильную песню.

И тут с Иващенко что-то непонятное случилось: он дал газ, тронул машину с места и взлетел.

Когда после возвращения в полк докладывал о задании, вид у него был перепуганный.

- Что-нибудь случилось?

- Да... У меня новый самолет.

- Откуда такая щедрость?

- А я его, выходит, украл...

- Украл! - завелся начальник штаба майор Островский. - Ты что - цыган? А самолет тебе что - лошадь?

Пошли смотреть, будто это что-то могло изменить.

Возле По-2 уже толпились и бурно поздравляли Иващенко.

- Что будем делать? - спрашиваю начштаба. - Такой позор гвардейскому полку!

- Придумаем, - отзывается осмелевший Иващенко.

Так решения и не приняли.

Наутро через весь фюзеляж По-2 тянулась надпись: "Гвардейцам - от шефов".

На этом самолете мы с комиссаром Власовым и вылетели в тыл, опережая полк, который шел эшелоном за новой техникой. На подмосковном аэродроме, когда зарулили на стоянку, увидели Гризодубову. Поздоровались.

- Что это за письмена у вас? - спросила она простуженным начальственным голосом, показывая на самолет. - Все равно опасно оставлять без присмотра. Поставлю-ка я к нему своего часового. - Наверное, такой Иващенко мог найтись и здесь...

А сейчас наш "конокрад" собирается лететь в штаб дивизии, и майор Островский дает ему последние указания. Занятия в эскадрильях скоро закончатся.

- Слышь, замполит, - обращаюсь к Власову. Непривычно называть так комиссара. Недавно произошли эти перемены: институт военных комиссаров, как объяснялось, выполнил свое предназначение, и вновь вводились замполиты. Слышь, замполит, не пора ли нам?

Решили перед обедом, если погода будет нелетная, собрать весь полк.

Вначале говорил я о характере той боевой работы, которая предстоит. О том, какие задачи в связи с этим встают перед летно-техническим составом.

Потом к полку обратился Власов. Замполита любят. Он по годам немного старше других летчиков. Единственный, кто ходит у нас с бритой головой, это еще больше добавляет ему возраста. Булкин за глаза называет его уважительно старейшиной. Замполит живой, даже взрывной, но взрывной по-особому - без суеты и крика. Как говорит тот же Булкин, - "чистая энергия, огонь без дыма и копоти". Но в трудных ситуациях, а они порой бывают даже катастрофическими, замполит являет собой лед среди пламени, само воплощение холодной сдержанности, расчетливости, скупой и точной распорядительности среди всеобщей возбужденности или замешательства.

И что еще самобытно у Виктора Васильевича, - постоянное в лице выражение добродушия и дружелюбия.

Вот и сейчас стоит он перед строем, крепко стоит, ладно, говорит с хитринкой:

- Нам предстоит, товарищи, отметить одну хорошую дату.

Никто не догадывается?

В рядах стали переглядываться и перешептываться.

- Ну как же! Ведь шестого декабря - годовщина присвоения полку гвардейского звания.

Что говорить, не многие помнят. Всего несколько человек остались живы с той поры. В их числе сам замполит. Он, собственно, и открывал боевую славу части - в первый день войны первым из полка сбил фашистский самолет. Сейчас Виктор Васильевич развивал идею достойной встречи юбилея. Это замечательные боевые показатели, отличное качество технического обслуживания, высокая дисциплина.

- Ну и, конечно, подготовить праздничную, концертную программу.

Последнее вызвало оживление.

- Давайте сегодня и начнем, - раздался звонкий девичий голос.

- Правильно, - поддержал замполит. - После ужина сегодня танцы с номерами самодеятельности. Так сказать, предварительный просмотр...

Самая большая крестьянская изба отведена под столовую. Столы сдвинуты к стенам. Две сильные керосиновые лампы освещают "зал". Мы с Власовым и начальником штаба майором Островским усаживаемся напротив "сцены". Власов, конечно, выделяется осанистостью и гладкой головой, так контрастно белеющей среди крепких молодых чубов.

- Значит так, - знакомит нас с программой "генеральный распорядитель", - сначала группа исполнит песню старшего лейтенанта Дуденко "2-й гвардейский полк - наш дом родной, его мы славы не уроним боевой"... Потом Саша Смирнова споет несколько лирических песен. Потом спляшет Антипов... Где, кстати, Антипов? Кто видел Антипова?

- На гауптвахте Антипов, - вносит ясность начальник штаба.

- Как же так? Ему плясать...

- Там и напляшется.

- Ладно, тогда Валя Горностаева и Лида Доморко пропоют частушки. Хорошие частушки сочинили в Сейме.

- Начальство не задевают? - бдительно осведомился начштаба.

- Все в порядке. Так. Потом соло на баяне. А где остальные девчата?

- Двое с пушкой возятся, барахлит. Там до утра работы...

В углу Шахов, скрестив руки на груди, что-то с геройским видом рассказывал Лиде Доморко. Донеслось:

- Небо - моя стихия...

Вошел сержант-посыльный. Отыскал меня глазами, обернулся, говоря что-то стоящему за ним капитану. Тот подошел, вскинул руку к фуражке:

- Товарищ полковник, оперуполномоченный Козюк прибыл для дальнейшего прохождения службы.

Козюк! Вот ведь как судьба сводит людей. Плыли вместе в Испанию. Вернее, он только отплыл от берега и при последнем "У кого есть причины остаться?" - сошел на катер. Встретились потом, в тридцать седьмом, в полку на Дальнем Востоке. В тридцать восьмом, прикрываясь "соображениями бдительности", оболгал меня, и трудно сказать, чем кончилось бы, не заступись горячо за меня комбриг и комиссар. И вот теперь...

Но почему оперуполномоченный?

Козюк знал, что предстоит со мной встретиться, подготовился, ему удается держаться спокойно. Угадав мой вопрос, пояснил:

- Пришлось по здоровью списаться. Предложили вот... Ну я и согласился. Все же в авиации...

- Ну что ж. Деловые разговоры - завтра. Сейчас, если хотите, отдохните с нами.

В противоположном углу комнаты заваривалось какое-то препирательство.

- Почему забыли о знаменитом чтеце-декламаторе Булкине? Включить его в программу!

- Граждане! - отбивался Булкин. - Я салонный декламатор, камерный. При организованных массах у меня голос пропадает.

- Нехорошо, Булкин, думать только о себе.

- Некрасиво, Булкин.

- Одну минуточку, - успокаивает всех Большов, - вы должны понимать, что при всемирной известности маэстро Булкину трудно просто так согласиться на выступление. Попросим!

Вокруг зааплодировали. Булкин гордо выпятил грудь, великосветски благодаря кивком головы. Изобразил процесс снимания пенсне, закатил глаза, зашатался. Плюхнулся на лавку, обмяк и произнес:

- Ладно. Уговорили.

По часам уже утро, но по всем признакам - ночь. Серединой деревенской улицы идут гуськом темные, грузные фигуры. Под унтами звонко скрипит снег. Из домов выходят по нескольку человек, пристраиваются, цепочка густеет и становится длиннее.

- Фу ты, черт, - бормочет Фонарев, - мороз такой, что воздух аж обжигает.

- Дыши, Леша, дыши, - подбадривает Панкин. - Лишний кислород не повредит.

Панкин сменил осенний реглан на зимний, но он по-прежнему у него почти до земли, и планшет все так же отскакивает от ног.

- Товарищ старший лейтенант, у вас мозоль на пятке еще не набило? заботливо спрашивает Булкин.

- Не язви, Булкин, - беззлобно отвечает Панкин, - а то попрошу перевести тебя в нашу эскадрилью и лично займусь перевоспитанием.

Эскадрильи сейчас идут вперемешку, веселые возле веселых, молчаливые среди молчаливых, одни отыскивают своих друзей, другие пристраиваются к командирам. Лишь немногие уехали на машине, большинству хочется размяться перед работой, тем более, что идти недалеко.

Перед вылетом у каждого свое настроение: кто становится говорливым, кто, напротив, уходит в себя, молчит, кто больше обычного курит.

Цепочка втягивается в лес. Удар ногой по стволу невысокой сосенки густо валит снег,

- Булкин, уши нарву, - обещает Панкин, не оглядываясь.

- Булкин! - слышится в другом месте цепочки. - Прекрати эти свои штучки!

- Да что я вам - Фигаро, что ли? - взрывается Булкин. Он, действительно, далеко от этих событий и в данный момент мирно разговаривает со своим другом Большовым.

- Не трогайте Булочку, - угрожающе заступается Большов.

- Под Булкина начинают работать, - догадывается Панкин. - Зубчонок, это ты дурные повадки перенимаешь?

Морозный воздух гулко разносит голоса.

Вскоре цепочка начинает распадаться на три ручейка - эскадрильи расходятся по своим стоянкам.

- Привет зоркому стражу Лиде Доморко! - Булкин вскидывает руку в большой летной краге.

Часовой Лида Доморко не отвечает. Вообще девчата наши выполняют уставы безукоризненно.

- Так кого это ты вызывала на свидание выстрелами?

Булкин напоминает о недавнем эпизоде. Ночью, стоя на посту возле самолетов, Доморко открыла стрельбу. Прибежал караул. "Сверкнул огонек, я окликнула, а там упали и стали ко мне ползти". Пошли туда, куда она показала, и увидели волчьи следы.

На аэродроме уже давно хлопочут инженер полка майор Лелекин, инженер по вооружению Денисов и вообще вся инженерно-техническая команда.

Старшина Жирновой, с Таней Коровиной, тужась, поднимают к крылу самолета тяжелую бомбу. Если уж Миша Жирновой

кряхтит, то каково девчонке! Закусила губу. Будь это днем, видно было бы, как смертельно побледнела.

Лейтенант Филипп Косолапов замечает неподалеку старшину Алхименко. Старшина выполняет в полку миллион обязанностей, никто, кроме начальника штаба, не помнит, кем он числится по штату. Но все знают, что если отремонтировать часы, - это к Алхименко, раздобыть каракуль на кубанку (фронтовая мода) - и это к нему. Утеплить избу, сменить белье, получить чистые простыни для прибывшего новичка, взять гвоздей, заиметь карандаш по любому поводу обращайся к Алхименко. Поэтому стали называть его старшиной полка.

- Алхименко! - окликает Косолапов, - ты чего тратишь зря время и болтаешься тут? Баньку готовь! Сегодня день отмывания грехов.

- А когда это я забывал? - обижается старшина, и даже в предрассветной, чуть начавшей таять темноте видно, как его широкие рыжие брови взлетают вверх. - Банный день у меня - святое дело.

- Венички имеются?

- Само собой.

- Давай, чтобы к нашему возвращению все было готово.

- Баня по вечерам, - напоминает Алхименко.

- Сегодня нужна утром.

- Что такое? - тревожится старшина.

- Будем одного тут, наверное, отмывать,

- А-а...

Алхименко догадывается. Это о Шахове. Несколько раз замечали: если воздушный бой - он пикирует вниз и наблюдает оттуда, поджидая, когда все кончится. Или носится себе на окраине, где фашисты не обращают на него внимания, потому что все связаны дракой, а он ведь не угрожает. Закончится бой - он и пристроится к остальным.

Посветлело. Аэродром оглашается рокотом первых запущенных моторов.

В эти дни на Волге гремит финал Сталинградской битвы. Мы все с жадным вниманием следим за сводками Совинформбюро, понимая, что, может быть, как раз сейчас начинают сбываться слова Сталина: "Будет и на нашей улице праздник!".

Чтобы не дать врагу возможности перебросить туда войска с севера, на нашем участке начаты Великолукская и Ржевско-Сычевская наступательные операции. Идут упорные бои. Тяжелейшая работа и у нас. Приходится одновременно решать все задачи: бомбежка вражеских позиций, мостов, железнодорожных узлов, аэродромов, прикрытие наших войск, сопровождение

бомбардировщиков и штурмовиков, истребительные бои.

Сегодня наша задача - штурмовка наземных объектов, причем в глубине обороны. Пожалуй, это самые трудные для летчика-истребителя полеты. Психологически трудные. Страшно быть сбитым над врагом. Гнетет мысль, что если придется вступать в воздушный бой, - горючего может не хватить.

Вспыхивает ракета. Начинается взлет.

Внизу проплывают темные массивы леса и серые заснеженные поля. А вот линия фронта, потому что под нами, на земле, засверкали, беспрерывно чередуясь, десятки молний. Между машинами и впереди распускаются чернью хлопья - в каждом дымке смерть, которая на этот раз промазала. Жутковато. Почему-то в такие минуты вспоминаешь летчиков бомбардировочной авиации, им не позавидуешь.

Зенитный огонь остается позади. Еще несколько минут полета - и мы у цели. И пришли как раз вовремя, потому что фашистский аэродром уже ожил, машины выползли из укрытий, но еще ни одна не взлетела.

Резко ручку от себя - и низвергаюсь к земле. Кажется, спиной чувствую, как мой маневр повторяют, один за другим, все звенья...

Мы улетаем, оставляя внизу несколько пылающих костров, десятка два округлых пятен от взорвавшихся бомб на погрязневшей сразу скатерти аэродрома.

Несколько минут спокойствия, потом линия фронта дает о себе знать всполохами молний внизу и хлопьями разрывов рядом. Неожиданно зенитки замолкают - значит, сейчас появятся "мессершмитты".

Так и есть. Наверное, с другого аэродрома поспешили сюда. Прикидываю: по количеству самолетов силы примерно равны. Но у нас горючее на исходе и мы не можем по-настоящему ввязаться в бой. Отстреливаемся, скупо маневрируем, подстраховывая друг друга.

Показывается группа из шести самолетов, которую я, предвидя такую ситуацию, оставил на аэродроме и теперь вызвал по радио. Это вносит перелом - "мессершмитты" отваливают...

Один за другим самолеты производят посадку. Мы с замполитом и начальником штаба ведем мысленный подсчет. Вот последний. Значит, кто-то не вернулся.

Ждем докладов от командиров эскадрилий.

- Нет лейтенанта Булкина, - тихо говорит капитан Соколов, подходя.

А в это время разъяренный Саша Майоров направляется к тому месту, где стоит самолет Шахова.

Шахов, бледный, какой-то весь натянутый, настороженный, горбящийся, курит возле дерева, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

Майоров последние метры преодолел почти бегом, вцепился своими длинными цепкими руками в грудь Шахова.

- Я тебя, гада, сейчас казнить буду. Ты! - Майоров кричал, и лицо его все больше приобретало выражение безотчетного гнева. - Почему свернул и остался, когда мы подошли к линии фронта, к зенитному огню? Почему не пошел за нами?

Шахов не сопротивлялся, только опустил безвольно руки, забыв о папироске, и она дымила себе меж его пальцев. Красивое лицо было теперь обезображено жалкой гримасой трусливого унижения.

- Саша, погоди...

- Да чего годить!

- Я не могу. Не могу себя пересилить. Ну, может, мне не дано.

- А-а! - взвился еще пуще прежнего Майоров, однако Шахова выпустил и в изумлении отступил от него. - Ему не дано! Кто-то должен, а ему не дано. Тебя надо понять, правда? Подыскать тебе другое местечко, так сказать, по способностям, да? Разделим сейчас все, всю армию, весь народ на тех, кому дано и кому не дано. Одни будут ходить в атаки, в разведку, на дзоты, на бомбежки, получать раны, умирать, а другим не дано!

- Может, это ты должен был Булкина спасти от смерти, - вмешался Федоренко, - а тебя не оказалось.

- Я тебе Булкина не прощу, - глухо выдавил из себя Большов, вот так, напрямую, связав после слов Федоренко два этих факта - смерть друга и трусость Шахова.

- В следующий раз, - уже с ледяным спокойствием произнес Майоров, пойди и соверши все, что надо. Если больше ничего не сможешь, то хоть умри честно. Понял?

Шахов молча кивнул и вытер ребром ладони сбежавшую на щеку слезу.

Обычно малоразговорчивый Скрыпник сказал и тут коротко:

- А повторишь прежнее - сами потащим в трибунал.

- Нет! - возразил Майоров и подошел к Шахову вплотную. - Будет иначе. Если увижу, что уходишь, сам пойду за тобой и расстреляю в воздухе. Все повернулись и пошли прочь.

Шахов стоял у дерева, голова опущена, плечи содрогались. Ему было стыдно поднять глаза. Стыдно было смотреть на механиков, которые возились у его машины, даже себе под ноги было стыдно смотреть.

Виктор Васильевич Власов имел совершенно особую способность чувствовать, где ему надо быть. Он подошел, потоптался вокруг Шахова.

- Ладно, хватит.

Шахов вздрогнул, стал торопливо перчаткой вытирать лицо.

Самолеты уходили вновь.

- А ты останься, - сказал замполит, Они молча наблюдали за взлетом.

- Сколько тебе лет?

- Девятнадцать.

- Вот видишь, солидный уже человек...

Шахов поднял глаза, в них мелькнула надежда. Ему очень хотелось найти опору. Как утопающему почувствовать твердую руку - и полностью ей довериться. И очнуться уже на берегу. Потому что теперь он сам ничего не мог.

- Еще не все потеряно, - продолжал замполит после паузы. - Ты ведь неплохо летаешь, очень даже здорово. Мог бы стать настоящим асом. Но страх идет впереди тебя.

Шахов быстро закивал головой и так же быстро заговорил:

- Взлетаю - ничего. К линии фронта, к зениткам, подхожу, или "мессера" появляются - ноги трясутся, прямо стучат по педалям, а сознание делается как не мое.

- Ерунда! И со мною вначале так было, - замполит, конечно, говорил неправду. Помолчал.

- Мы ведь на войне не просто деремся. Все мы становимся бойцами лучше и лучше. И людьми лучше и лучше. Есть у нас один моторист, в бога верит. Говорит: "Зачем вы меня все перевоспитываете? Разве не все равно, верю я в бога или нет? Главное, чтобы обеспечивал работу мотора. А я, вы уже знаете, дело делаю не хуже всех неверующих". Отвечаю ему: "Правильно, толково работаешь. Но мне не все равно, с какой мыслью дело делается и жизнь живется. Потому что ты думаешь: бог кару за какие-то грехи послал - а это фашизм войну развязал. Ты думаешь: бог тебя защитил при бомбежке - а это Соболев, Панкин или Шахов успели взлететь и разогнали "юнкерсов".

Услышав свою фамилию, Шахов умоляюще посмотрел на замполита, но не поймал на его лице никаких признаков нарочитости.

- Мы с тобой вот что сделаем, - вернулся замполит к главной теме. Пойдем четверкой. Ты и трое самых сильных летчиков полка. Твоя главная задача - сбить. А они гарантируют безопасность. Согласен? После этого сразу станешь другим.

Шахов благодарно и жалко улыбнулся.

Они долго ходили вдоль опушки. Говорил Власов, а Шахов лишь изредка. Стали возвращаться с задания. Началась заправка машин.

- А сейчас пошли обедать.

- Нет! - испуганно отшатнулся Шахов. - Я не могу.

- Ты что - так есть и не будешь?

- Как же есть? - с болью спросил Шахов. - Меня отец приучал: раз ешь, значит, заработал. А я...

- Пошли.

- Нет, я... Я после всех...

- Вот что, - жестко сказал Власов, - отныне ты мой ведомый, ясно? И марш за мной!

Под невысокими сосенками протянулись длинные столы. Во время боевой работы обедали здесь, Власов подошел к свободному краю и демонстративно сказал:

- Садись, Юра.

Перед ними поставили две самодельные, выкроенные из алюминия и склепанные местным жестянщиком миски с супом. Суп обжигал губы, а макаронинки, упавшие с ложки на край миски, быстро замерзали.

Метрах в пятнадцати на сосне прибит кусок фанеры. Обычно полковой киномеханик вывешивал тут свои объявления или появлялись неожиданно дружеские шаржи или боевой листок. Но сейчас на фанере висело что-то другое. Власов спросил:

- Фонарев, что там?

- Фронтовая газета. Тут про наших. "Слава лучшим!" - называется статья. И вот фамилии... Власов выслушал и тихонько сказал Шахову:

- Вот увидишь, ты еще этот список продолжишь. Я верю...

Неожиданно ворвались звуки летящего самолета.

- Булкин! - радостно вскочил Большое. Но это была пара "мессершмиттов", Прошли низко над полем и пропали за противоположной кромкой леса.

- Товарищ капитан, - позвал Скрыпник Соболева. - Помните? Посмотреть, может, чего сбросили? - Не сбрасывали, - ответил командир первой эскадрильи. - Я наблюдал. Теперь не сбросят. Мы не на "лаггах" теперь...

К "летней" нашей столовой приближался капитан Козюк. Оперуполномоченный был одет по-обычному. Кожа на худощавом нервном лице натянута, с синевой. Чувствовалось, что мороз его пробирает.

Подошел к Власову.

- Хотел бы заняться сейчас Шаховым. Власов встал, взял капитана за локоть, легонько увлек его за собой, и они пошли, будто прогуливаясь.

- Я уже занялся.

- Вы им занялись, но его просто надо судить.

- Этого парня мы переделаем.

- Покрываете вы трусов, - жестко сказал Козюк. - Меньше надо церемониться.

- Хотя и идет война, но ведь воспитание в нашей армии никто не отменял. А Шахов летчик молодой. Надо помочь ему перебороть страх. Давайте потерпим, а?

Козюк колебался, ему трудно отступать. Надо было знать эту натуру, чтобы представить, как уязвляет его любое несогласие.

Через несколько дней столкнулся с ним и я.

Лейтенанты Косолапов и Горюнов выполняли задание.

Уже возвращаясь, увидели фашистского разведчика и пошли на него. Разведчик увертывался и тянул их за собой - все выше. Пришлось повозиться. А когда бой закончился, спохватились:

горючее в баках кончалось.

Садились на ближайший аэродром. Пока заправились - погода испортилась. Три дня небо закрывали низкие облака. Наконец можно! было вылететь. До полкового аэродрома оставалось совсем немного, но мотор на машине Косолапова начал давать перебои. Филипп понял, что не дотянет, и стал выискивать более-менее подходящую поляну для вынужденной посадки.

Горюнов прилетел один и показал на карте, где остался ведущий. Снарядили группу. Оказалось, что прокладка в карбюраторе расползлась и перекрыла отверстие для горючего.

Но иначе все расценил Козюк. Косолапов прибыл, доложил командиру эскадрильи, и тут же его пригласил оперуполномоченный. Между ними произошел дикий и страшный, как потом выразился Косолапов, разговор.

Из землянки Козюка лейтенант выскочил бледный, распахнул грудь, ему не хватало воздуха. Я еще издали заметил его неестественный вид.

- Товарищ полковник, он меня в предатели записывает, дезертиром назвал!

Лейтенант говорил, как в горячке,

- Успокойся. Иди в эскадрилью. Все будет, как было. Сразу догадался, что речь о Козюке. Надо поговорить с ним основательно и сейчас же, пока не наломал дров. Козюк явился с видом непреклонным.

- Что у вас с Косолаповым?

- Он уклоняется от боя. А вам же известен приказ - Верховного Главнокомандующего номер двести двадцать семь...

Приказ был известен на фронте всем. Он вышел в июле сорок второго года и получил свое второе название: "Ни шагу назад!". "Пора кончать отступление, - говорилось в приказе. - Ни шагу назад!.. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории... " Вводились жесткие меры борьбы с паникерами, нарушителями дисциплины.

- Косолапов не паникер, - говорю, - он храбрый летчик, что уже не раз доказал,

- Выгораживаете, - с сарказмом ответил на это Козюк. Лицо его раскраснелось, у него начинались знакомые мне "приливы болезненного самолюбия". - Но теперь ничего не выйдет! Я еще помню историю с Шаховым..,

Мне уже трудно было сдерживать себя.

- Послушайте, капитан!..

Вмешался Власов:

- Все видят ваше усердие, Козюк, но нельзя же молиться так, чтобы стену лбом расшибать. Хотите, скажу, отчего ваши конфликты? В центре всего сущего вы держите себя. В центре и над всеми. А в действительности вы случайный человек на этой работе. Вы вообще случайный человек на любой работе, где надо иметь дело с людьми. Вам нельзя с людьми. Есть такая категория, которым нельзя...

- Напрасно вы.

- Нет, не напрасно. Вот у Шахова был страх. Страх можно преодолеть, и, кстати, у Шахова уже получается. А презрение к людям не преодолеть. Его можно только сковать и лишить активности.

- Чем же мне лечиться? - не без заносчивости полюбопытствовал Козюк.

Замполит не обратил внимания на интонацию.

- Мне кажется, это не излечивается. Можно лишь сковать. Чем? Страхом... Вот тут страх как раз нужен. Страх перед тем, что безнаказанно не пройдет, что заметят, укажут, а то и накажут. Впрочем, - неуверенно заключил Власов, - может быть, потом человек перестроиться и больше...

- Не пойму, - на лице Козюка удивление, - кого мы судим - меня или Косолапова?

- Никого не судим, - ответил я. - Косолапов тут ни при чем. А вам надо перестать терроризировать летчиков. Это не дело: заклинило пушку, дал летчик "козла" на посадке, заболел - вы во всем видите попытки уклониться от участия в боях.

- Значит, будем считать, что Косолапова вы берете на себя? успокоившись спросил Козюк.

- Считайте так, - ответил я.

По-моему, Филипп Косолапов даже Козюка вскоре покорил. Изо дня в день, от боя к бою росло его мастерство, все ярче проявлялась отвага. Придет и день, когда на его груди засияет Золотая Звезда Героя.

Война отсчитывала последние дни сорок второго года. Старшина Алхименко уже и елку срубил, чтобы установить в столовой. Но в это время полк получил приказ: перебазироваться на аэродром возле станции Шум.

И снова на Волховский фронт. Снова - под Ленинград.

Такой долгий-долгий бой...

- Ну докладывай.

- Товарищ генерал, полк перебазировался, к боевым действиям готов.

- Готов? - переспросил командир корпуса. - Только что прилетели - и уже готов?

- У них отработано, - пояснил командир дивизии. - Одна эскадрилья берет в самолеты техников, вторая лампы, третья - чехлы. На новом месте, таким образом, все есть, чтобы моторы разогреть и сразу летать.

- Правда, - дополняю комдива, - каждому технику, пока подъедут остальные, приходится обслуживать по три машины, но ничего.

- Хорошо, что готов, - удовлетворенно говорит генерал Благовещенский.

- Как прошло перебазирование? - интересуется начальник политотдела.

- Было неважно с погодой. Плохая видимость. Обледенение начиналось.

- Лучше бы, конечно, подождать, - соглашается комдив генерал Кравченко. - Но нас торопили.

Командир корпуса пододвинул ко мне карту,

- А теперь слушай задачу. Мог бы поставить комдив, но раз уж я здесь...

В те дни готовился прорыв блокады Ленинграда, хотя об этом прямо еще не говорили. Поэтому и перебросили сюда наш авиационный корпус резерва Верховного Главнокомандования.

В любом большом или малом сражении у каждого свои особенности действий. На этот раз полку не придется подвешивать бомбы, ходить на штурмовку, сопровождать бомбардировщики.

- У полка особая задача: борьба за господство в воздухе. Что это значит? Держать под контролем небо, всюду успевать на помощь и обеспечивать превосходство. Помечено на карте все, что надо пометить, записано все, что надо записать, спрошено все, о чем надо было спросить.

Командир корпуса смотрит на часы.

- Поздно уже. Оставайся поужинать с нами.

Убрали со стола карты и бумаги. Ординарец внес дымящуюся картошку, раскрытые консервы, сало.

Минуту шло "молчаливое осмысливание" вкуса обжигающей картошки и холодного, сверкающего изумрудной изморозью сала.

- Ай, ка-ла-со! - засмеялся Благовещенский. Засмеялся и Кравченко.

- Так китайцы говорили, когда встречали нас после боев, - пояснил Благовещенский.

Оба они сражались в Китае. Известный уже в то время летчик-испытатель Благовещенский возглавил истребительную группу, был в ней и Кравченко. За отличия в тех боях оба стали Героями.

Я давно заметил неожиданность начала застольных бесед.

Крякнут, закусят, пожуют, а кто-то потянет ниточку из совсем далекого клубка: "А помните, года три назад..." И необязательно будет значительное. Может, главное событие жизни, а может, и просто случай на охоте.

- Да... - протянул Благовещенский. - Был бы тогда старик близоруким, не есть тебе сейчас картошки. Разглядел-таки, что русский. А то вздумал топить, решил - японец. Ну уж перепутать тебя, Григорий Пантелеевич, с японцем!

Плотный, широкоплечий, крупнолицый Кравченко приглаживает пятерней густые, слегка вьющиеся волосы. Память воскресила случай, когда он сбил три японских самолета, но увлекся, и подбили его самого. Выбросился с парашютом, угодил в озеро. Подплыл старик рыбак и стал веслом колотить. Но на счастье, скоро разобрался. Потом посадили крестьяне советского летчика в паланкин и с почетом несли до городка почти двадцать километров, как он ни сопротивлялся.

- Да и вам не сидеть сейчас тут, если бы тогда чуть сильнее зацепило...

Они вспоминали былое, и как тогда с кем было, и кто потом куда подевался, и где теперь. Но разговоры за столом ведутся по одному принципу; в конце концов "все возвратится на круги своя".

- Должны, должны, Алексей Сергеевич, взломать блокаду. Как там люди заждались, как натерпелись! - говорит начальник политотдела.

- Трудно представить, как натерпелись, - соглашается Кравченко. - По льду Ладожского озера пока еще доставляют в город кое-что. Но начнется весна, и Дорога жизни перестанет существовать.

Командир корпуса поворачивается ко мне.

- Тяжелая будет драка. Так и настраивай людей.

- Твоему замполиту я сказал, - подхватил начпо. - Соберите коммунистов, проведите комсомольские собрания, общеполковой митинг. Объясните всем исключительный смысл того, что их прислали сражаться за Ленинград...

Первые полеты на новом месте - ознакомительные. Начинает их руководство полка и эскадрилий. Надо изучить местность, ориентиры, поглядеть с высоты, где проходит передний край.

Вылетели рано утром. Скованная снегом, матово поблескивает земля. Воздух, кажется, промерз насквозь. Передний край спит... Кажется, спит, а на самом деле что там творится? Там, в заполненных снегом окопах, где ветер несет колючую, обжигающе холодную пыльцу и где чуть застоишься, начинает протаивать уснувшее болото. Там, где не дает поднять головы вражеский пулемет и где не разложить огонька, не обогреться

даже пробежкой, где раз в сутки, ночью, вползет в окоп повар с остывающими термосами...

Вдалеке, над берегом Ладожского озера, тянется шестерка наших транспортных самолетов. Идут из Ленинграда, сопровождает их несколько истребителей МиГ-3. Мы летим парами: командиры эскадрилий со своими заместителями, у меня ведомым Майоров. Люблю летать с ним - отважный, зоркий, цепкий.

Откуда ни возьмись - "мессершмитты". Свалились на наши транспорты, истребители прикрытия завертелись, отбивая нападение. Но силы далеко не равны.

- На выручку! - кричу своим.

Когда врезались в эту гущу, когда вцепились в выбранные цели, сразу почувствовали преимущество своих машин. Раньше, бывало, "мессер" от "лагга" уходил вверх и догнать его было невозможно. А тут чувствуешь: идешь ты за ним - и расстояние сокращается, сокращается...

Ла-5 для фашистов здесь еще новинка.

На земле - мы совершили посадку первыми - Майоров радостно вспоминает:

- Смотрю: он эдак себе самоуверенно взял вверх, а мы за ним, и догоняем... Эх, занервничал он тут, да деваться некуда.

Майоров говорил, а в это время на посадку шел Соколов. Вдруг из-за леса на бреющем выскочил истребитель, догнал Соколова и, обгоняя, закрутил вокруг него спираль, потом перевернулся на спину и понесся почти над землей вот так, кабиной вниз.

- Ё-моё! - воскликнул Майоров. Он подался всем телом, следя за таким удивительным полетом, в глазах полыхали восхищение и зависть.

- Карабанов! - уважительно произнес Соболев, Карабанова знали все кто лично, кто понаслышке. Волшебник пилотажа, виртуоз. В бою неописуемо дерзок. Мастерское владение машиной позволяло ему применять в бою такие маневры, что порой в голове не укладывалось. На фюзеляже его самолета нарисована пасть разъяренного тигра - символ, хорошо соответствующий бойцовской беспощадности Карабанова.

Знали его и фашисты. По отличительному знаку, по манере боя, по тому урону, какой он наносил, по фамилии, которая звучала в эфире. Они и сами ее произносили. Нередко наши радисты, настраиваясь на волну их радиопереговоров, слышали панические предупреждения:

- Ахтунг! Внимание! В небе Карабанов!

Сейчас наши аэродромы были рядом, и Карабанов таким

образом, возвращаясь к себе, передавал нам приветы.

Соколов зарулил, поставил самолет, направился к остальным. Добродушному Соколову и возмутиться как следует не удается. У него даже это выходит без гнева.

- Что за народ! Сесть спокойно не дадут.

Еще несколько дней продолжаем облеты.

В полку заведено правило: если поднялись в воздух, но в бой не вступали, обязательно выполнить потом, возле аэродрома, "курс пилотажа". Так в людях постоянно поддерживается натренированность, они совершенствуют приемы боя. Как бы много в схватках ни участвовал, слабые места остаются, потому что не станешь же применять прием, в котором не уверен. А здесь есть возможность отточить, как на уроке.

И еще закон: половина обязательно в это время несет сторожевую службу в небе. Потому что противник нередко нападает, именно когда самолеты возле дома, идут на посадку или на взлет, когда нет скорости и высоты и т неуклюж.

Мы с Власовым обходим хозяйство. Аэродромное поле у нас большое, обросло лесами. Ближе к железнодорожной станции стоит школа, там живет летный состав. Вернее будет сказать, спит. Днем летчики либо в работе, либо, если непогода, находятся в землянках. Такая землянка носит солидное название: КП эскадрильи. Она перегорожена надвое. В меньшей части - стол, телефон, документация, тут "кабинет" командира. В большей - нары, тоже стол, где пишут письма и "забивают козла", печь. Три такие землянки - три КП. Недалеко от школы - небольшой домик, здесь теперь столовая. Чуть поодаль - бывший винный склад, похожий изнутри на тоннель. Тут КП полка. Разгородили фанерой, получились комнаты командира полка, начальника штаба, замполита, партийного бюро, служб.

Через наезженную дорогу, наискосок, среди деревьев стоит сколоченная из досок красная пирамида с красной алюминиевой звездочкой. Под ней лежит сержант Акимов. Оторвался в бою от группы. Последними его словами были: "Иду за разведчиком. Преследую". Майор Островский с КП приказал: "Возвращайтесь!" Начштаба знал: горяч Акимов, увлекается. Но не всегда сыновья внимательны к отцовским наставлениям...

Приближается рокот моторов. Над белой скатертью поля появляется шестерка самолетов. Двое пошли по кругу, двое ринулись в пике. Хорошо пошли, круто. Но пора выводить... Пора... Давно пора!.. Машины выравниваются у самой земли.

Лихачи!

- Скрыпник и Федоренко, - подсказывает замполит.

Пока мы следили за этими, третья пара стала пикировать в

стороне, вышли к аэродрому уже на горизонтальном полете, но вдруг, словно по команде, перевернулись головой к земле - так и понеслись до противоположного края.

- Майоров и Косолапов, - комментирует Виктор Васильевич Власов. - Эти двое у нас становятся настоящими асами.

- Сейчас я задам нашим асам! - отвечаю, и мы идем на КП.

Они ввалились нерешительной гурьбой, волоча за собой шлейф клубящегося морозного воздуха.

- По вашему приказанию прибыли, - за всех отрапортовал Косолапов.

- Вы что вытворяете? Что у нас тут - цирк?

- Товарищ полковник, - недоуменно округляет глаза Майоров, - вы же сами велели отрабатывать...

- Отрабатывать, а не хулиганить.

- Мы не хулиганим, - решается встать Скрыпник. - Вот Карабанов...

- Что Карабанов?

- Он, случается, без стрельбы сбивает. Уходит из-под атаки пикированием. Фашист за ним, а он так низко выводит, что преследователь не успевает - и в землю.

- А вы? - обращаюсь к другой паре.

- Вот Карабанов владеет машиной, как своим телом. И мы хотели...

- Опять Карабанов! Для этого не обязательно вниз головой и волочить волосы по земле.

- А может, пригодится? Ведь труднее всего чувствуешь себя у земли. Надо уметь маневрировать на малой высоте, - горячо доказывает Майоров. - Но как же учиться?

Здорово вырос этот летчик, которого полгода назад я называл пацаном и отчитывал за то, что пренебрегает маневром. И вот уже он не то что на высоте - кувыркается в нескольких метрах над полем.

А вообще мне нечем крыть. Конечно, чем "невероятнее" летает летчик, тем богаче у него возможности в бою. Но в авиации так уж устроено - без риска не дается ни один шаг вперед. А риск всегда пугает. И когда рискуют другие - даже страшнее.

Они уходят, неуверенные в том, что через несколько дней не повторят своих упражнений, а я остаюсь, уверенный, что повторят.

- Итак, бунт на корабле, - смеется начальник штаба, - И главный зачинщик - Карабанов.

Начштаба перебирает бумаги на столе, находит нужную.

- Между прочим, я боялся, что вы им выговор объявите.

- Ну и объявил бы, так что?

- Телефонограмма пришла. Троим из них звание лейтенанта присваивается. И всем нашим сержантам-летчикам.

- Тогда вместо выговоров, - подключается к разговору замполит, праздничный ужин.

- Чтоб не очень-то праздничный, - предупреждаю. - Метеорологи обещают назавтра видимость миллион на миллион, так что фашист полезет.

Вечера в столовой - самое приятное время. Кончился день - спадает напряжение. Можно расслабиться, посидеть в тепле, потолковать. Здесь узнаешь последние новости, послушаешь, грея ладони о кружку с чаем, импровизации полковых весельчаков.

Правда, как выразился Панкин, уровень юмора в полку после гибели Булкина сильно понизился.

Возле меня сегодня сидит Майоров. Вообще, место слева от командира, как я знал, считалось местом для переменного состава. Каждый вечер рядом появлялся другой, кому выпадала очередь или жребий, или какой-либо иной случай пить мои сто граммов. Сегодня восседал Саша Майоров, ладный, крепкий, лукавый. Взять, что ли, "пошутить" и выпить?

Устанавливается тишина. Звучат слова приказа, звучат фамилий. Аплодисменты. Поздравления...

Когда прошли первые минуты и волна оживления схлынула, Иващенко сказал:

- Бросали в кружки кубики, а надо было бы звездочки, Ведь будут погоны. Вводятся...

- Как погоны?

- Я летал сегодня в штаб корпуса. Говорят: погоны будут.

Кое-кто новость уже слышал, кое для кого она звучит впервые.

- Верно, - подтверждает Власов.

- Как же так? - растерянно смотрит то на меня, то на замполита Скрыпник. - Старая армия была в погонах...

- Видишь ли, - начинает издалека замполит, - винтовка, которой наш боец еще воюет, тоже была в старой армии, и авиация, как тебе известно, тогда еще начиналась...

- И гимнастерка, - подсказывает Фонарев,

- И гимнастерка... Дело не в том. Может, это напомнит нам, да и миру всему об извечном величии русского солдата. Того, что водили в сражения Суворов, Кутузов, что бил Наполеона, что бывал уже в Берлине. А?

Не знаю, совпадает ли толкование Виктора Васильевича с официальными мотивами нововведения, но, по-моему, здорово. Да и всем остальным разъяснение нравится.

Разговор вновь распадается на отдельные темы по группкам, до новой поры, пока чьи-нибудь слова не привлекут общего внимания.

- Что-то союзники никак не раскачаются, - слышится оттуда, где сидят Тришкин, Федоренко, Хашев, Панкин.

- Никак с этим вторым фронтом не выходит, - подхватывают в другом конце стола.

Потолковали о втором фронте, о союзниках, о Рузвельте и Черчилле...

- Это что, - возвышает голос Панкин, - вот у нашего старшины Алхименко конфуз на два фронта вышел. Написал матери и девушке, а ту и другую одним именем зовут, - да наоборот конверты подписал. У старушки, получилось, спрашивает: ходишь ли ты на танцы, провожает ли тебя кто домой? Девушка поняла, что ошибка вышла, а мама нет. И пишет: "Бог с тобой, сыночек, что ты такое говоришь? Может, контузия с тобой была, так не скрывай от матери... "

Панкин изображает "в лицах", все хохочут.

Вдруг раздается взрыв. Неужели бомбят? После секундного оцепенения несколько человек выбежали. Прогремело еще - подальше.

Вошел Тришкин.

- "Берта"...

Было известно, что у немцев есть мощное орудие "Берта", установлено оно на железнодорожной платформе и кочует. По ночам "Берта" обстреливала станцию Шум, куда приходят эшелоны. Теперь вот нащупала и нас.

В ту ночь "Берта" не давала спать.

Приближалось время "главного события". Обычно такой назначенный час прячут за сургучными печатями и за головоломной путаницей шифров, его знают немногие, его берегут в тайне. И все же он говорит о себе - подвозом бомб и снарядов, запасом бинтов и йода, тем, что вдруг разбегались туда-сюда командирские машины, что, надев солдатскую плащ-палатку, генерал ползет на самый передний край. Он заявляет о себе множеством иных вещей, и ты чувствуешь: "носится в воздухе", Может, точная дата не раскроется для тебя до последнего мига, до сигнальной ракеты, но что она "вот-вот" - ты чувствовал.

И вот наступило это время - 12 января. Вновь два фронта Ленинградский и Волховский - устремились друг к другу. На сей раз встречный их удар ведется на северном фланге, там, где передний край обоих фронтов упирается в Ладожское озеро. Между ними - полоса земли, занятая врагом. Задача: вытеснить

врага, соединиться и соединить Ленинград с Большой землей.

И вновь со стороны Волховского фронта в прорыв идет 2-я ударная армия. Ожившая, воспрянувшая, заряженная еще большей силой ненависти к врагу,

Для нас с первого дня началась напряженнейшая боевая работа. Ни дня без боя. Да что там - по нескольку боев в день! День за днем. Лучше сказать все слилось в один сплошной, долгий-долгий бой.

Начальник штаба не успевает писать донесения. Полные драматизма, высочайшего напряжения факты мелькают с однотонной будничной поспешностью.

"Шестерка Ла-5 во главе с А.П. Соболевым вышла на патрулирование. В группе - старшие лейтенанты Н.Г. Марин, Х.П. Хашев, Н.М. Резников, лейтенанты Ф.М. Косолапов и И.М. Горюнов. Их атакует 8 "мессершмиттов". Итог боя: наши уничтожили трех "мессеров", сами без потерь. Два из сбитых на счету Соболева".

"Отличился лейтенант Майоров, который повел свою пару на выручку наших "илов". Майоров сбил вражеский самолет... "

"Шестерка во главе с Косолаповым атаковала группу бомбардировщиков, прикрываемых истребителями. Сбито шесть фашистских самолетов".

"По данным станции наведения командир дивизии поднял истребителей для уничтожения приближающихся к нашему переднему краю бомбардировщиков. Группу возглавлял командир полка полковник Е. Кондрат... "

Их было шестнадцать, нас - вдвое меньше. Я скомандовал Николаю Пушкину со своей четверкой связать боем истребители, остальных повел в атаку на бомбардировщики.

Но неожиданно появляется еще группа самолетов. Чьи - сразу не понять. Недавно тут у немцев появились новые истребители "Фокке-Вульф-190". Очень похожи на наши Ла-5. То ли случайно, то ли с умыслом это, но передняя часть выкрашена в красный цвет, как и у нас (отличительный знак самолетов нашей дивизии). На такую удочку мы уже попадались. Вот и сейчас, вижу, Соколов не обращает внимания на "фоккера". Рвусь к нему, но поздно. Машина Соколова уже горит, кренится. Бью по "фоккеру" - не успел он уйти, тоже вспыхивает. Но что ото? Справа и слева от меня трепещут длинные и белые, как веревки, трассы. Это - конец, тут не вырваться. Если бы ведомый помог...

- Саша, выручай!

Тут он, тут, мой ведомый. Рву машину в сторону, резко оборачиваюсь и вижу: Майоров идет за мной, а "фоккер", который просто чудом не сбил меня, неуклюже несется вниз. И еще ниже,

вижу - белеет купол парашюта. А сердце колотится, едва не выскочит из груди.

"... Патрулировали И. Скрыпник и К. Федоренко. Обнаружили четверку "мессершмиттов", которые шли ниже. Произвели атаку. Двоих сбили. Но их самих сверху атаковали "фокке-вульфы". Двое против шестерых... "

Да, скупы строки, выведенные твердой рукой начальника штаба.

Двое против шестерых! Не записал начштаба, что чувствовали два неразлучных друга, когда увидели эту шестерку, несущуюся на них в лобовой атаке. Не записал, как зазвенел в наушниках Кости голос Ивана:

- Тараним! Прощай, Костя... - И как застыла на их лицах гримаса предсмертной ярости.

Но фашисты не выдержали и рванули свои машины вверх. Две из них тут же получили в брюхо горящие зеленым пламенем очереди.

...Долго стояли на аэродроме Иван и Костя, обнявшись.

Сразу полагается делать описание боя. Но они - не могут. Не слушаются руки.

- Ватное тело, - жалуется Федоренко. Звонит телефон. Майор Островский зовет меня:

- Генерал Кравченко.

- Видел, видел бой твоих молодцов. - Комдив доволен. - Передай, что скоро привезу им ордена...

"Молодцы" сидят за столом, глаза слипаются, лица серые н смертельно усталые.

- Генерал очень вас хвалил, - говорю. - Подтверждает сбитых вами, сам наблюдал. Так что напишете завтра. А сейчас ужинать.

Устало улыбаются,

- Мы не хотим.

- Поэтому-то как раз и надо...

Все слилось в один долгий-долгий бой...

Метель. Ветер бросает в лица колючий снег, рвет полковое знамя. Четверо, неловко ступая, несут к уже завьюженной яме гроб.

Хороним капитана Тришкина.

- Я почему-то всегда думал: его невозможно убить, с печальным недоумением произносит Федоренко.

Он только что вернулся. Пришлось на несколько дней отправлять лечиться. Бои, физические нагрузки, а главное - постоянная, до предела, натянутость нервов, когда каждый день идешь под пули, - все это так вымотало Костю, что в последнее время стал он страшно тощий, ничего не мог есть, один чай.

- Такой летчик! Так летал! - соглашается Панкин.

Разрослось полковое кладбище...

Насупились мужчины. Всхлипывают девушки. Трещит прощальный залп. Сегодня не можем воздать Тришкину как положено. Обычно взлетает группа и, делая над могилой горку, бьет в небо из всего оружия.

Мы еще скажем ему это наше авиационное "прощай", А сегодня в воздух не подняться.

Расходятся. Таня Коровина и Мария Пащенко остались закончить последний венок. Задерживается и Леша Фонарев.

- И мое место, наверно, здесь - рядом с командиром нашим Тришкиным.

- Да что вы, товарищ лейтенант! - в ужасе отмахиваются от него.

Нельзя погибать умелым - это сильно бьет по молодым. Раз уж, мол, такого перебороли... И потом, когда погибнет бывалый, вспоминают: "Он ведь предчувствовал"... Мало ли что люди говорят. Из миллиона один раз просто случайно совпадает. Но в остальных, наверно, бывает так, застрявшая в мозгу мысль сама способствует роковому исходу. Она гнетет и в самую важную минуту что-то сломает внутри...

Через несколько дней Скрыпник и Фонарев, Федоренко и Бессолицын вылетели на задание. Скрыпник и Фонарев не вернулись. Это было 21 февраля.

Два человека в полку переживают особенно остро,

Костя Федоренко вновь ничего не ест. Вчера на ужин вовсе не пошел. Сегодня его затащили в столовую. Сидит, пододвинув к себе кружку с чаем, глаза опущены, словно ищет он, высматривает что-то там, на дне.

Я поздравляю летчиков с праздником. Сегодня - 23 февраля, двадцать пятая годовщина Красной Армии,

Костя дождался конца официальной части,

- Разрешите, товарищ командир? Выходит, провожаемый сочувственными взглядами. Костя стоит у крыльца, медленно застегивает куртку. В темноте раздается скрип снега, кто-то делает несколько шагов.

- Это ты, Таня?

- Я, - доносится тихое, как шелест ветра. Она подходит ближе, молчит, боясь спросить.

- Ничего нового, - угрюмо отвечает Федоренко на ее немой вопрос.

Таня плачет, давясь рыданиями, стараясь пересилить, смять эту вспышку горя. Костя обнимает ее рукой за плечи, привлекает к себе, и она дает волю слезам.

- Да ладно тебе, - успокаивает ее Костя, голос у него дрожит, ломается, и худое его лицо тоже становится мокрым.

Так они стоят минуту.

- Ты почему здесь? - беспокоится Федоренко.

- Меня отпустили, - говорит Таня и начинает вытирать слезы. - Я сейчас пойду... Значит, ты не видел, что он точно погиб?

Таня спрашивает так уже в сотый раз, и в сотый раз Федоренко отвечает:

- Не видел. Он вернется...

Горе Федоренко всем понятно. Со Скрыпником они земляки и еще довоенные друзья. Горе Тани Коровиной для всех неожиданность. Так узнали об их любви.

Из столовой начинают выходить. Таня никого не стесняется, не боится, что вот узнали теперь о ее чувствах к Ивану Скрыпнику, ей все равно, кто как к этому отнесется. Но все относятся одинаково. Все тронуты тем возвышенным и чистым, что эти двое всегда носили в себе и что помогло им найти и полюбить друг друга. Летчики узнают в предутренней темноте Таню, каждый старается найти для нее теплые и дружеские слова.

Она ждет меня.

- Товарищ полковник! Сказали, что только вы можете отменить...

Действительно, наблюдая эти два дня, как она мучается, я предложил послать ее за запчастями. Длинная дорога, хлопоты, смена обстановки помогут приглушить боль.

- Можно мне не ехать?

- Почему?

- Вдруг Ваня вернется, а меня нет...

День сегодня обещал быть отменным, разгорался яркий, солнечно-слепящий, и вместе с ним разгорались бои за Синявинскую сопку. С утра фашистская пехота с танками предприняли отчаянную контратаку, их самолеты беспрерывно пытались бомбить. Все время находилась в воздухе и наша авиация - группа сменяла группу, из разных полков шли сюда истребители. Шли и на другой горячий участок - севернее, где фронты соединились и уже действует новая железная дорога Ленинград - Большая земля, где непрерывные вражеские бомбежки.

Я только что вернулся и ждал, пока заправят самолет. Показался "виллис". Он обогнул столовую, приблизился. Машина командира дивизии генерал-лейтенанта Кравченко. Выходя, он наклонился, чтобы не задеть папахой край брезентовой кабины. Приостановил мой доклад, поздоровался. Бросил перчатки на капот "виллиса", вытер сверху виiз ладонями лицо, словно

умылся.

- В последние дни не удается выспаться - по ночам вызывают к начальству. Требуется, чтобы взаимодействие с наземными частями было, как часы. Все утрясаем да утрясаем...

Огляделся, улыбаясь такому чудесному дню, щурясь от слепящего снега.

- Ну, ладно, полюбовались и хватит. - Расстегивает шинель. - Пусть подготовят мне самолет. Вылетит группа из полка Кузнецова - я ее возглавлю.

Существует приказ, ограничивающий участие в боях командного состава. Так было потеряно много лучших командиров авиации, особенно в первое время войны.

- Не надо вам, Григорий Пантелеевич, лететь. Сейчас там очень сложно.

Несколько тяжеловатый подбородок и острый внимательный взгляд придают его лицу строгое выражение. Но стоит только появиться улыбке - и лицо сразу становится молодым, почти юношеским, даже озорным.

- Вот видишь, - мгновенно реагирует он на мои слова, реагирует почти с радостью, словно я попался, - сам говоришь: сложно, значит, тем более командир должен быть там.

Он медленно, неспешно надевал меховую куртку, которую возил с собой в машине.

- Кроме того, - продолжал - сам должен понимать: нельзя командовать только с КП. Хорошо это, если летчики будут думать: командир дивизии не участвует в боях, трусит, что ли?

- Вы - дважды Герой, кто так подумает?

- Ладно-ладно, дифирамбы потом... Уже направляясь к самолету, повернулся, опять улыбаясь и щуря веселые глаза.

- Да, вот что. Вечером приеду вручать награды, У тебя сегодня много будет именинников. Как самодеятельность - подготовили новую программу? Пусть будет праздник как праздник...

Появляется над нами эскадрилья из соседнего полка.

- Кузнецов точно по часам. Давай и мы, - скомандовал Кравченко.

Он выруливает, машина идет на взлет. Поднимаю и я свою шестерку.

Группы расходятся. Теперь слышу комдива только по радио.

- Я - ноль первый, - это он. - Смотреть внимательнее.

За воздушной обстановкой следят с командных пунктов - полка, дивизии, корпуса. Если прямой видимости происходящего нет, КП "видят" по радиодокладам. Поэтому время от времени старшие групп или летчики, действующие самостоятельно,

докладывают о себе.

- Я - ноль первый. Подходим... Эфир пока спокоен.

- Я - тридцать первый. У нас чисто. Это мой доклад.

- Я - одиннадцатый, - доклад командира одного из наших полков. Атакуем "юнкерсов".

Солнце слепит. Кажется, все, что оно накопило за зиму, излучает сегодня.

- Я - ноль первый. Видим группу бомбардировщиков. Атакуем.

У нас пока только синь неба да солнце.

Накануне партизаны и разведчики сообщили о предстоящем массированном налете фашистской авиации. Стараемся встречать врага на подступах.

Вижу вдали точки, они приближаются, увеличиваются, уже различимо, что это бомбардировщики под прикрытием истребителей.

- Я - тридцать первый. "Юнкерсы" и "мессершмитты". Идем на сближение.

Эфир густеет звуками. Доклады все отрывистее, все чаще срываются в короткий крик.

- Я - ноль первый. Преследую восемьдесят восьмого!

- Никитин, куда ты девался?

- Леша, отверни! Отверни, Леша!

- Я - Федоренко. Нас зажали. Мы не справимся,

- Я - тридцать первый. Пушкин, помоги ему! Ну и Славгородский! Влез в самую гущу бомбардировщиков...

- Я - ноль первый. Появились фашистские истребители...

- Держись, Костя!

- Десятый, у тебя на хвосте "фоккер"! - Голос выпаливает это с пулеметной скоростью, отчаянным надрывным криком.

- Получай, гад!

Сквозь близкие и громкие звуки доносятся отдаленные:

- Двойка, возьмите на себя верхних...

- Не дай, не дай ему уйти!..

- Командир, берегись!..

Ухо выхватывает из этого хаоса по-прежнему ровный, спокойный голос Кравченко:

- Я - ноль первый. Ранен. Машина плохо слушается. Через какое-то время:

- Я - ноль первый. Прыгаю...

Комдива сбили! Но жив он, жив, и все будет хорошо, ведь над своими прыгнул.

Передаю на свой КП, чтобы нас сменили, - горючее на исходе.

Садимся. Бензозаправщики, оружейники хлопочут возле

самолетов.

Приземляется Як-3. Подрулил. Это командир корпуса.

- Подбили комдива, - говорю. - Прыгнул он.

- Знаю...

Но в это время от штабной рации кричат:

- Командир дивизии погиб!

- Не может быть! - Я ничего не понимаю. - Сам слышал, что он прыгает.

Генерал Благовещенский берет микрофон.

- Как - погиб?

- Он, товарищ генерал, дотянул до своего КП. Машина сорвалась, не могла держаться. Он выпрыгнул, мы видели. Но парашют не раскрылся...

Командир корпуса улетел. Во второй половине дня вызвал меня к телефону.

- Как настроение?

- Неважное. Все переживают. Ожидали вечером... Знаете, как его любили!

- Знаю... А погиб ваш командир, как, может быть, никто не погибал. Осколок перебил вытяжной тросик его парашюта. Дернул кольцо - а впустую.

На другом конце телефона какое-то мгновение молча г.

- Вот что. Ожидается новая волна налетов. На заходе солнца. Подготовься. Команду получишь.

Приняв от меня трубку, чтобы перенести ее на аппарат, стоящий на дальнем конце стола, майор Островский повторил:

- На заходе солнца... "Юнкерсы" могут летать до глубокой темноты.

- Верно. А поэтому заготовьте побольше ракет. Может, в самом деле понадобятся при посадке.

Когда команда поступила, группа сразу же поднялась в воздух. На земле договорились: шестеро атакуют, а двое - в группе прикрытия.

В наушниках:

- Будьте внимательны!

И точно, на горизонте, где солнце легло на лес, красное зарево запятналось точками. Я стал считать. Восемнадцать! Может, и больше, может, за ними приближались другие, но считать уже некогда - первые перестраивались для пикирования.

Только ведущий клюнул носом вниз, чтобы разогнать свое многотонное тело для бешеной атаки по пехоте, я ему наперерез - он тут же вспыхнул.

Второго срезал Майоров. Третьего - Соболев.

- Как в учебнике, - не выдержал Соболев.

Разворачиваемся крутым виражом. Очередной фашист уходит в атакующее пике, чтобы сбросить свои бомбы, но он у меня в прицеле. Жму на гашетку, самолет содрогается от пушечных выстрелов, вижу в прицеле дымок...

- Тридцать первый, меня зажали! - это Соболев, и трудно передать его интонацию.

- Вижу!

Соболев - вот он впереди меня кладет машину с крыла на крыло, а за ним два цепких "мессершмитта". Я тут же выстрелил по одному из них - он шарахнулся в сторону.

Бросаю машину вверх. Что-то заставляет оглянуться - ох как он несется на меня! Огонь ему еще далековато открывать. Но мне все равно не уйти. Если отверну, - достигнет и расстреляет. Если вверх, - тоже расстреляет. Крутой вираж - вниз и влево, и навстречу ему!

А, не нравится! Отворачиваешь!

Метров с пятидесяти всадил в него длинную очередь - полетели куски...

В жизни я не видел такой пальбы. Бьют синими толстыми струями "юнкерсы", бьют "мессершмитты", сыплются по небу наши серовато-белые брызги, лупят зенитки, и расцветают их черные, голубые, белые дымки... Голова ходит кругом. Где мы крутились? Как удавалось держаться вместе? Как уцелели?

Возвращаемся. Уже сумерки. Наши встречают морем огня. Горят костры, указывающие направление, палят из ракет, освещая аэродром.

Поставлены самолеты на свои места, остывают горячие моторы: техники, механики, мотористы осматривают, ощупывают заправляют.

Мы стоим гурьбой, еще разгоряченные, еще взволнованные, переживая вновь те моменты, когда сразил врага, когда выручил товарища, когда сам чудом уцелел. Переживаем гибель комдива...

Вдруг на привычной нашей дороге показались три легковые машины, и прямо к нам.

Распахнулась дверца первой - вышел командующий Волховским фронтом генерал армии Мерецков. Еще генералы - члены Военного совета фронта. И наш командир корпуса. Докладываю.

- Где летчики, которые прилетели только что?

- Здесь, товарищ командующий.

- Постройте.

Я скомандовал, он подошел к нашему немногочисленному строю. Повернулся ко мне:

- Кто дрался?

- Все.

- Кто производил первую атаку?

- Я, товарищ командующий.

- Ваш позывной?

- Тридцать первый.

- Спасибо! Очень хорошо, - Подошел ближе к шеренге.

- Ваша фамилия?

- Капитан Соболев,

- Спасибо!

- Ваша?

- Старший лейтенант Пушкин.

- Спасибо! - Каждому крепко жмет руку. Отступил на миг. - Спасибо за отличный бой!

- Служим Советскому Союзу!

Поворотом головы подозвал адъютанта, взял у него блокнот, тот подсветил ему фонариком.

- От имени Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик Военный совет фронта награждает личный состав, участвовавший в этом бою орденом Красного Знамени - капитана Соболева, старшего лейтенанта Пушкина, старшего лейтенанта Соколова, лейтенантов Косолапова, Майорова, Резникова, Федоренко.

И еще раз похвалил:

- Хорошо дрались!

Сделал шаг к машине, но вопрос Майорова заставил обернуться:

- Товарищ генерал, а что же командира нашего забыли?

Командующий медленно подошел к Майорову, положил руку на плечо.

- А командир ваш заслуживает большего.

Только они уехали - над нами в звонком морозном воздухе зашелестело, и следом на дальнем конце аэродрома раздался взрыв.

- Начинает "Берта" свой концерт, - прокомментировал Косолапов.

Быстро пошли к землянке. Запахло порохом, скрипел снег, и под частые шаги Панкина гулко стучал планшет.

- Я ходил смотреть ее осколки, - заговорил Майоров. - Ё-моё! Как клепки от дубовой бочки. Опять прошелестело и громыхнуло...

Транспортный самолет, стоящий у леса, начинает запускать моторы, я вижу это из кабины и подаю своей группе команду на взлет.

Мы уходим восьмеркой в небо, и когда, сделав круг над

нашим аэродромом, возвращаемся, - Ли-2 как раз взлетает.

Восьмерка догоняет его, делает горку - и шестнадцать пушек бьют в небо. Прощальный салют нашему комдиву.

- Сопровождаем Ли-2 до Тихвина, здесь уже нечего опасаться вражеской атаки.

- Прощайте, Григорий Пантелеевич, - говорю я. Он будет похоронен у Кремлевской стены.

* * *

27 февраля неожиданно объявился Скрыпник.

Он вошел в здание школы, и единственный, кто оказался здесь, был Костя Федоренко. Иван постоял над спящим другом, не решаясь будить, и все же не выдержал. Он тронул спадающий Костин чуб, отвел его - полностью открылось исхудалое лицо, и сердце Скрыпника кольнуло острой жалостью.

Костя открыл веки. Глаза какое-то мгновение с недоумением смотрели на Скрыпника, и вдруг Федоренко рванулся, обхватил руками друга.

- Ваня! Родной мой...

Но тут же отшатнулся, судорога прошла по лицу, словно ему передалась боль Скрыпника.

- Ой, прости!..

- Ничего, - ответил Скрыпник, здоровой рукой поправляя ту, что была в бинтах и безжизненно держалась на перевязи.

- Что с тобой было? Рассказывай, - перебил Костя.

- Что было, то сплыло. Видишь, я живой и здесь. А ты, дружище, мне не нравишься.

- Непонятное творится, - пожаловался Костя. - Силы нету, а от пищи рвать тянет. Командир велел несколько дней побывать на лазаретном режиме. Наш медик майор Егоров говорит: "У тебя, Федоренко, нервы оголились... " Ну да ерунда! Ты-то, Ваня, как? Нет, погоди... Ложись, я же вижу: еле на ногах держишься. Я сейчас... - и он выбежал.

На КП полка, в наш "тоннель", Федоренко ворвался возбужденный, шумливо-радостный.

Я пошел с ним.

Когда вошли, Скрыпник шагал по комнате, качая свою руку, как незасыпающего ребенка. Обнялись. Поздравил его с возвращением.

- А теперь рассказывай.

- Долго рассказывать, товарищ командир.

- Ничего. Рассказывай долго.

- Сколько ж это дней тому было? - спросил Скрыпник, вспоминая.

- Шесть, - подсказал Федоренко.

- Ну вот, вылетели мы, - начал Иван. - Федоренко с Бессолицыным чуть впереди, мы с Фонаревым позади, а между нами три девятки Ил-2, которых прикрывали.

- Это ясно, я докладывал, - поторопил его Федоренко.

- В общем, когда нас уже возле станции Мги атаковало шесть "мессеров", я понял, что попались асы. И все же одного, как-то получилось, сразу снял. Вижу, Костина пара тоже связана боем, а Фонарева оттеснили от меня. Как ни пытался подойти к нему, - не получалось. Сбили Фонарева. Сразу загорелся, я видел. И тут удар в правую руку, стала она бесчувственной. Ну, повел я машину левой, а какая уж тут маневренность...

- Одной рукой не налетаешь, - вздохнул Федоренко.

- Совсем обнаглели "мессеры". Один выскочил сбоку вперед, я чудом каким-то левой рукой успел и машину довернуть, и на гашетку нажать. И сбил! А тут очередь по мне с хвоста, по двигателю. Тяну к своим, и - спасибо зенитчикам: над линией фронта сбили они фашиста... Выбрал я поляну и направил туда - мотор уже не тянул. Плюхнулся в снег. Выбрался, смотрю: самолет пополам развалился. А мне ничего. Рука только...

В этом месте рассказа Скрыпник стал приподниматься, глаза жадно тянулись куда-то за наши спины. В дверях стояла Таня. Стояла, будто натолкнулась на преграду, но вся сияющая, счастливая.

- Садись, Таня.

Мы устроились по двое на койках, друг против друга:

- А что с рукой? - напомнил Костя.

- Гляжу: полная крага крови. Стащил перчатку и вылилась кровь ручьем.

Таня испуганно закусила губу. Костя подал ей знак: спокойно, мол, все уже позади.

- "Мессеры" не улетели. На снегу я - прекрасная цель. И стали они парой пикировать на меня. Бежать? Но снега по пояс. Бросился под двигатель, и тут они начали палить - только звон стоит. Ушли. И с противоположной стороны пикируют. Прячусь под другой бок мотора. Добили бы они, но как раз наша шестерка появилась...

- Та, что выслали на помощь, - уточнил Костя.

- Содрал еле-еле с себя нательную рубаху и наложил жгут. Переночевал в кабине. Про жгут забыл, что его долго держать нельзя. Рука вовсе омертвела, Утром выдрал из-за бронеспинки НЗ и пошел. Тяжело нести - взял только шоколад. Куда идти? Решил на канонаду. Прикинул, что до передовой ближе, выйду. А в тыл если - по этим лесам можно год петлять. Два дня шел. Представляете, по такому снегу? К вечеру набрел на лесную

дорогу, сел на пень - буду ждать. Чувствую, могу сознание потерять. Откушу шоколада, снега глотну, и все жду. Глубокой ночью слышу песню. Наши? Немцы? Не понять, и не понять откуда. А может, мерещится уже? Жду. Вдруг лошадь в упряжке, сани а ночь лунная. Оказалось - наши.

Скрыпник рассказывал, стал я замечать, уже в жару. Хотел было остановить его, но он, видимо, устав, сам заторопился:

- Завезли меня в медсанбат, там посмотрели: руку ампутировать! Взмолился: "Что хотите, только оставьте руку. Нужна драться". Заговорили, засоветовались, вызвали полковника. Попробую, говорит. Сделали операцию. Ну а потом - в санитарный поезд, оттуда я и сбежал. Вот и все.

- Молодец, что сбежал, - поощрил Федоренко. - Вот так оторвешься, а потом попробуй в свой полк вернись.

- Нет, только в свой, - тряхнул головой Скрыпник. - Он ведь родным тебе становится, твой полк.

В тот же день врач полка доложил: Скрыпника нужно в тыл.

И все-таки вернется он в свой полк. И будет сражаться до победы. И увезет потом в свою Полтаву сибирячку Таню. Будет у них два сына, и оба тоже свяжут свою жизнь с авиацией...

На КП я засиделся допоздна. Отвлек дежурный: - Вас какой-то пехотный старший лейтенант спрашивает,

Вошел он, высокий, подтянутый. Замялся. Странно как-то...

Кашлянул. Снял шапку, начал перебирать в руках. Все это длится мгновения, но очень выразительно.

- Одним словом, - сказал старшин лейтенант, - диверсант я.

Чего угодно можно было ожидать, только не этого.

- Диверсант? - переспросил я, обескураженный.

- Вообще-то, старший лейтенант, из 2-й ударной армии. Попал в июне прошлого года в плен. Стали немцы вербовать на это дело. Подумал: вот путь, по которому можно вернуться. Пусть тюрьма, пусть даже расстрел, но чтоб вернуться к своим...

Он сильно волновался. Надо было поговорить с ним подробнее. Дежурному приказал разыскать капитана Козюка.

- Вы один?

- Еще четверо. Выбросили с самолетов По-2. Немцы так и оставили наши опознавательные знаки...

- Откуда у них По-2?

- Наши когда-то ошибочно сели.

Припомнился тот давний случай. Группа По-2 должна была доставить грузы в окруженную 2-ю ударною армию и взять раненых. Ведущий заблудился над лесами и приземлил группу на похожую поляну, но там были фашисты...

- Давно вы здесь?

- Десять дней.

- Десять дней, а только сейчас явились.

- Нельзя было, мог провалиться.

- Что же делает эта группа?

- Днем находятся в назначенных пунктах. Кто возле аэродромов, - между прочим, корректировку "Берты" тоже вели, кто на железнодорожной станции, кто интересуется штабами. Вечером собираются, обобщают, передают по радио собранные разведданные. В ближайшее время намечено переходить к диверсиям.

Похоже на правду. Теперь понятно, отчего, лишь приходят на станцию эшелоны, - валом валят сюда "юнкерсы". И все же надо быть осторожным.

- Чем вы докажете все это, да заодно и искренность своих намерений?

- Завтра все соберутся, вся группа. Мы живем в лесу...

Хлопнула дальняя дверь, послышались шаги, стали осторожнее, и в кругу света неслышно появился Козюк.

... - Живем в лесу. У нас там землянка, рация. Завтра можно всех взять.

Козюк все понял из услышанных им слов.

- Позвоните в особый отдел корпуса, - посоветовал. На другом конце провода какое-то время размышляли.

- Отпустите его, иначе группу нам не взять - всполошатся. Об остальном договоримся с утра. Где землянка?

- Недалеко от нас, в лесу.

- Тогда ваших людей и используем. Нашим в помощь. А этого надо поскорее отпустить.

Ему явно не хотелось возвращаться.

- Заслуживай прощение, - сказал Козюк.

- Да, конечно, - спохватился старший лейтенант. - Я готов кровью... Пусть даже погибну, но чтоб не в одной яме с ними хоронить, а?

- Тебя не тронут, - пообещал капитан.

Когда старший лейтенант уходил, Козюк продолжительно смотрел ему вслед. Может, запоминая? Обернулся ко мне:

- А мы их искали... СМЕРШу сейчас работы - ужас! Очень густо их тут немцы насажали... Жалко мне чего-то стало этого, - без всякой связи с предыдущим завершил он.

Взгляды наши сходятся. Козюк тотчас отводит глаза, смущенный. Неужели "лед тронулся"? Во всяком случае, мягче стал, сдержаннее, приходит, рассказывают, к людям - посидеть у огонька, покурить, поговорить. Заставляет себя? А хоть бы и заставлял, хуже не будет.

- И насчет Шахова вы с замполитом оказались правы, - опять неожиданно произносит он. - Крепкий боец получился.

Представляю, как даются ему такие признания. Не от неловкости ли торопится:

- Разрешите идти?

На следующий день, точнее сказать, уже ночью, наши механики и мотористы, выделенные в группу захвата (они с гордостью произносили незнакомый им прежде термин) несколько раз повторяли рассказ о поимке вражеских диверсантов.

А через несколько дней погиб лейтенант Константин Федоренко. Смерть доказала, что сильных людей она умеет подстерегать на мелочах, на мгновениях их расслабленности.

Получив самолет после ремонта, Федоренко решил облетать его. Уже когда шел на посадку, спикировали два "мессершмитта" и разрезали беспомощный Костин самолет надвое.

Забыл Костя о приказе: если тренировочный полет, - обязательно кто-то прикрывает. А еще пуще должен был помнить об этом его непосредственный командир. Пренебрегли - и вот какой бывает за это плата...

И вновь весна. Раскисли аэродромы, авиация с обеих сторон бездействует.

Едва просохло - нам приказ: ехать в тыл за самолетами. И вновь знакомый городок Сейма, и стоит, ожидая, когда подрулит наш Ли-2, подполковник Акуленко. Он уже не зам - командир запасного полка. Я схожу по трапу и вижу: Акуленко разводит руками, весь его облик, его жесты выражают одно: "ну и ну!".

- Что такое, Прокоп? - спрашиваю, подходя.

- Вот те на! - не перестает он удивляться. - А говорили - ты погиб. Молва была такая: погибли в одном бою "три К", то есть Кравченко, Кузнецов и ты.

- Как видишь, жив.

- Вижу, - говорит он, и мы обнимаемся - соратники по Испании, соученики по академии, правда, сразу же прекратившие учебу: пришлось участвовать в конфликте с белофиннами. И здесь я встречаю его уже третий раз, получая из запасного полка летчиков.

Потом мы вылетели транспортным самолетом на завод. Узнав, что прибыли летчики гвардейского полка, авиаконструктор Семен Алексеевич Лавочкин пожелал встретиться с нами, поговорить о своей машине, послушать отзывы. В память об этой беседе подарил каждому именную зажигалку, а мне, кроме того, велел дать более усовершенствованный самолет, первый из новой серии.

Возвращались уже каждый на своей машине.

- Ну-ка покажи, как гвардейцы летают, - попросил Акуленко по радио.

Я снизился до пятидесяти метров, пронесся над аэродромом, взял горку, сразу вошел в правый боевой разворот и тут же закрутил левую бочку. Обычно в бою так удается уходить из-под вражеской атаки. И пока вокруг меня вертелись небо и земля, слышу треск. Кое-как выровнял, оглядываюсь, Оказывается, от перегрузок сорвалась мачта на кабине и разбила хвост. Внизу забегали. Еще бы: с такой высоты не прыгнешь, а посадить не так просто, С большим трудом и риском удалось это сделать.

Мне явно не везет на подарки от конструкторов.

Сообщили на завод. На следующий день заводской летчик пригнал новую машину.

- Семен Алексеевич сам лично выбирал, - сказал он со значением.

Все было готово к новым боям, Впереди ожидало огненное небо Курской битвы.

Японские крепости

Никогда в жизни не изменяли мне так нервы, не проявлял я такой невоздержанности.

Уже, разгорались бои на Курской дуге, как вдруг приказали явиться на фронтовой КП командующего ВВС Красной Армии маршала авиации А.А. Новикова.

- Вот что, товарищ Кондрат, - начал маршал, вертя в руке карандаш и пристукивая его тупым концом по столу. - Есть соображение перевести вас на Дальний Восток.

- Зачем? - опешил я.

- Зачем? - переспросил командующий и усмехнулся. - Везде есть авиация, и надо ею командовать. Будете командовать дивизией.

"Товарищ маршал, - заволновался я, - разве мы плохо воевали? Под Ленинградом полк уничтожил около полусотни вражеских самолетов. Почему же такое понижение?

- Странный человек, - вмешался член Военного совета ВВС генерал-полковник Шиманов, - ему дивизию дают, а он - понижение.

- С фронта в тыл - значит понижение, - запальчиво возразил я.

- Там тоже нужны знающие люди. Вы с фронтовым опытом, кроме того, на Дальнем Востоке служили - это важно.

- Собственно, на вас сделан запрос, - маршал Новиков взял со стола две бумажки. Командующий ВВС на Дальнем Востоке Павел Федорович Жигарев знает вас лично и просил прислать в его распоряжение.

- Не поеду!

- Как это - не поеду?! - удивился он,

- Я никогда не отказывался. В бои не отказывался, а в тыл не поеду.

Командующий приподнялся, заговорил жестко, зло:

- Мы за такие вещи снимем звезды с погон, и партийный билет положите!

- Я их себе верну, товарищ маршал. Ни одного вылета не пропущу, ни одного боя - и верну.

- Вот что, Кондрат, - спокойно вмешался генерал Шиманов. Он помнил меня по службе в Ростове, - ты далеко зашел. Давай договоримся: погуляй часок, поостынь и приходи.

Погулял, поостыл, вернулся. Наметил такую линию: твердо и с достоинством стоять на своем

- Пришел? - скупо улыбнулись оба, - Мы решили тебе помочь. Видим: трудно человеку принять решение, поэтому приняли его сами. Итак - едешь, распоряжение об этом передано кадровикам в Москву.

Что поделаешь - такая она, военная жизнь...

В Москве выпросил денек для свидания с семьей.

Все светлое время пути простоял у вагонного окна. Вокруг зеленели поднимающиеся хлеба, вдоль железной дороги бежали узкие огородные полоски с молодыми упругими картофельными кустиками, ребятишки веселой стайкой шли по тропинке в школу - от всего веяло забытой довоенной жизнью. Глаза задерживались на этих картинах, а душа торопила их. Скорее мелькайте, телеграфные столбы, чаще проноситесь, рощи, леса, мосты, деревеньки!..

И вот завизжали тормоза, залязгали вагонные буфера, и прямо против окна появился низенький невзрачный станционный домик с выцветшей надписью: "Сарапул".

Я почти бегу. Останавливаю прохожих и долго не могу понять, куда мне сворачивать, каких примет держаться. Наконец - вот эта улица, вот этот дом...

Во дворике, за непрочным, одряхлевшим заборчиком стоит Димка и смотрит на меня строгими глазами. И когда раздался счастливый вскрик Нилы, и когда ее мать поднесла платочек к глазам, и когда Димка, поняв все, запрыгал и зачирикал: "Папка приехал!" - что-то теплое пролилось внутри, согрело всего, и я подумал, что ради этого мига стоило часы, месяцы и годы терпеть испытания, что счастье сильнее любых лишений. А они никого из нас не обошли.

* * *

В Хабаровске представился командующему ВВС генералу

Жигареву. Был он, как и прежде, скупой в движениях, медлительно-чеканный в речи.

- Положение у нас здесь не такое уж тыловое, как может показаться издали, - говорил он. - Хотя с Японией в сорок первом наша страна заключила договор о нейтралитете, но отношение врагов к договорам нам уже известно.

- Кроме того, - продолжал генерал, - Япония все время наращивает силы в Маньчжурии. Увеличивает свою Квантунскую армию. Строит аэродромы. Словом, готовность нам здесь нужна постоянная и наивысшая.

Сообщив, что мне предстоит ехать в 9-ю воздушную армию, где принять истребительную дивизию, заключил:

- Задача: сделать ее боеспособной, как это должно быть с точки зрения, фронтовика.

Оказалось, что вначале я слишком просто все понял. Думал, от меня требуется внести в налаженную жизнь дивизии фронтовой опыт. В первую очередь. Собственно, это и требовалось, но начинать пришлось совсем с другого.

Это мне стало ясно уже в первый день. Один из беседовавших со мной летчиков вдруг побледнел, зашатался, отошел в сторону, прислонился к дереву.

- Случается, - пояснил начальник политотдела. - От недоедания.

- Разве так плохо кормят в столовой?

- У нас ведь нормы довольствия совсем не те, что в действующей армии. На одного более-менее хватало бы, но семьи голодают, каждый стремится побольше от своей порции унести домой.

Военный городок располагался в трех-четырех километрах от села. Но отдаленность ни о чем не говорила. Контрольно-пропускной пункт - КПП существовал для формы, целый день по городку ходила масса гражданских, тарахтели телеги.

- Дивизия тут недавно, а перед тем городок некоторое время пустовал. Вот и заселились люди. Кто из села, кто приезжие...

Да, начинать надо было "широким фронтом". Не случайно подряд состоялись две такие разные беседы. Первая - в конце дня с начальником штаба - о том, как организуем боевую подготовку, что изменим, что внесем нового, чтобы сделать учебу интенсивнее. Второй разговор был позже, дома.

- Нила, придется тебе возглавить одно важное движение.

- Сразу - важное! И сразу - возглавить? И целое движение? - засмеялась она, еще не подозревая, насколько все серьезно.

- Понимаешь, людям-то голодно. Детишки страдают. И в то же время удивляешься: кругом столько земли, копай, выращивай -

вот и будет тебе помощь.

- Что же я конкретно должна делать?

- Конкретно - взять огород, вскопать, посадить картошку, лук, чего там еще...

- Нам ведь хватит и так.

- Я не говорю нам. А для примера, и для всех.

* * *

Было 13 апреля 1945 года.

- Несчастливое число, - пошутил командующий 9-й воздушной армией генерал Виноградов. Я представлял, как он там, на другом конце провода, морщится: - Только что была комиссия и вновь пожаловала. Ты там ближе всех. Возьми машину, съезди в город и тихонечко разузнай.

Тихонечко не получилось. Эшелон действительно прибыл. По перрону деловито проходили туда-сюда командиры в полевой форме. Стояла охрана.

- Мелькнула повязка дежурного. Направился к нему, назвал себя, объяснил: мне поручено узнать, кто прибыл.

- Вот и прекрасно, - ответил он, выслушав. А мы вам только что звонили. Авиационное начальство интересовалось вами.

Пока шли к вагону, размышлял: почему интересовались именно мной? Успокоился на мысли, что, видимо, причина та же: наш гарнизон ближе других.

В вагоне лысоватый человек в пижаме читал какие-то бумаги. Я назвал себя.

- А я - командующий 9-й воздушной армией генерал Соколов.

Новый командующий?

Он вышел и через какое-то время явился в форме.

- Сейчас мы с вами пройдем в следующий вагон. Провел меня через охрану, зашли в просторный вагон и генерал доложил:

- Товарищ командующий, прибыл командир 249-й дивизии полковник Кондрат.

Хозяин вагон-салона, генерал-полковник, пил чай. Сразу бросилось в глаза: широкоплечий, с полноватым круглым лицом, волосы гладко зачесаны назад и набок. Запрокинул голову вверх, вглядываясь. Поднялся, протянул руку, весело говоря:

- Будем знакомы. Генерал-полковник Максимов. И посмотрел пытливо в глаза.

Есть люди, которые не меняются. По-моему, он не изменился даже с того времени, когда я видел его в Испании.

- Но ведь...

- Ни слова! - спокойно прервал. - Я генерал-полковник Максимов. Понятно?

Передо мной стоял маршал Мерецков.

- Присядем, - предложил он и, обращаясь к Соколову, продолжал: - Это, Иван Михайлович, тот самый летчик, бой которого я наблюдал под Ленинградом. К Герою мы его тогда представили, а он до сих пор без Звезды.

- Два года прошло, - уточнил Соколов.

- А Золотую Звезду я вам привез, - повернулся ко мне. - На днях вручу. Очень рад был видеть и поздравляю с повышением. Теперь немножко о делах.

Вопросы были в упор: каков уровень боевой готовности дивизии, какие еще, на мой взгляд, есть слабые места, что надо сделать, чтобы быстро их ликвидировать.

Когда вышли, я спросил:

- Как же мне доложить генералу Виноградову?

- Так и доложите...

Едва телефонистки соединили с генерал-майором Виноградовым, он нетерпеливо спросил:

- Узнал! Ну кто там приехал? Чего откашливаешься, как перед лекцией?

- Прибыл командующий 9-й воздушной армией со своим штабом.

В трубке установилась тишина. Наконец кашлянули и там, и генерал спросил, удивленный:

- А я кто же?

- Сказали, что вам все завтра объяснят.

Объяснили, правда, не все. Сообщили только, что Приморской группой войск руководить теперь будет генерал-полковник Максимов. Тут же генерал-майор Виноградов узнал, что он отныне заместитель командующего 9-й воздушной армией.

С приездом нового, закаленного фронтом командования и началась у нас подготовка к будущим военным действиям против Японии. Они ехали под чужими фамилиями, в знаниях ниже своих собственных. С ними прибыли и их фронтовые штабы, с которыми сливались наши.

Еще через два дня меня вновь пригласили в вагон генерал-полковника Максимова. Здесь собрался Военный совет, многие были известны мне по Волховскому фронту. Уселись за накрытые столы. Кирилл Афанасьевич, вручив мне Золотую Звезду, очень тепло поздравил. Все стали вспоминать тот бой, который был виден с командного пункта фронта, и как потом приехали на наш аэродром...

Жизнь в наших краях резко изменилась. Шли постоянные учения, смотры, проверки, сборы командного состава. Однажды во время оперативно-тактических сборов генерал-полковник Максимов вдруг быстро вошел, лицо радостное, и сказал:

- Товарищи, победа! В Берлине принята капитуляция...

В тот вечер торжественно отмечали долгожданное великое событие.

Но все понимали: еще предстоят бои.

Наступил день, когда вновь собрали командный состав. Появился, уже в форме маршала, К. А. Мерецков и начал свою речь волнующим словом:

- Завтра...

* * *

Жду телефонного звонка. Днем состоялся короткий разговор с генерал-полковником Соколовым.

- Назавтра вам предстоит особое задание. Кроме того, подготовьте две эскадрильи к перебазированию. Погоду обещают.

- Ясно. Разрешите узнать, в чем будет состоять задание?

В трубке какое-то мгновение шелестит телефонная тишина.

- Сколько их у вас на счету "особых заданий"? - Командующий уходит от ответа. Угадывается шутливая интонация вопроса. Сам же он и уточнил: - Два. Вот в таком же духе что-то придумаем и на этот раз. И уже серьезно:

- Ждите. Вечером позвоню. Жду.

- Слышь, Юра! - обращается к собеседнику в смежной комнате мой адъютант Гаранин. - Был я на КП армии и видел там карту. Представляешь, с запада отмахали уже километров пятьсот, с нашей стороны - почти триста. Это за какую-то неделю и по такой-то местности!

- Не помогли японцам их крепости.

- Куда там! Хотя некоторые, рассказывают, долго и упорно держались.

Встает и перед моими глазами оперативная карта того времени, оживает, напоминает. 9 августа, после того как нашим правительством было сделано Заявление, с запада - со стороны Монгольской Народной Республики и с востока - с Приморья ударили в извилистые линии границы красные стрелы, навстречу друг другу. Забайкальский и 1-й Дальневосточный фронты. И с севера - 2-й Дальневосточный. С трех направлений стали вгрызаться они в трудную землю Маньчжурии, где сосредоточены основные силы Квантунской армии. Трудную с запада - безводными, жаркими, бескрайними степями, пустыней Гоби, Большим Хинганским хребтом; с востока и севера - мощными таежными дебрями, топями, скалами, бездорожьем. И со всех сторон - упорной обороной японцев.

Здесь, с нашего направления, у японцев сплошная линия дотов. Мощнейшие сооружения из мертвого бетона, с бронещитами, тяжелыми орудиями. Перед ними проволочные

заграждения в несколько рядов, рвы, минные ловушки. Пришлось поработать и летчикам тяжелыми бомбами, и артиллеристам главным калибром, и саперам своими взрывными приспособлениями, и пехотинцам в рукопашных. По узким дорогам устремились танки с десантом, вонзаясь в тайгу, карабкаясь по осыпающимся камням в ущельях, выскакивая к городам, перерезая магистрали, встречая шквальный огонь врага.

В первый день бомбардировщики совершили налеты на крупные военные объекты в глубине Маньчжурии. Я наблюдал встревоженное лицо их командира корпуса - много машин не вернулось.

Мы прикрывали бомбардировщики и наземные части. Знакомая фронтовая карусель: одни уходят в воздух, другие возвращаются, третьи заправляются.

Войска продвигались быстро. Потом произошла заминка. Перед Муганьцзяном японцы сильной контратакой связали наших танкистов. К этому времени у них как раз заканчивалось горючее.

Вот тогда от генерал-полковника Соколова было получено первое "особое задание": слетать в освобожденные нами города Мулин и Мулинсян, посмотреть, нет ли там японских запасов горючего.

Конечно, при бездорожье, а оно усугубилось еще и обрушившимся перед тем ливнем, быстро разведку можно совершить только на самолете. Это было очень важно - найти горючее для наступающих танков, так разве мог я доверить выполнение задания кому-то?

В Мулине подошел ко мне полковник. Познакомились. Солнце после дождей заботливо обсушивало землю, от нее шел приятный запах освеженной травы. Полковник снял фуражку, наслаждаясь ласковой теплынью утра. Увидев, что я с любопытством разглядываю капониры, усмехнулся. В них и кое-где в открытую на поле стояли деревянные макеты самолетов.

- Хитрецы, - сказал полковник, повернувшись в ту сторону и щурясь от солнца. - Но наши не бомбили - разгадали.

- Давно вы здесь?

- Недавно, но уже обживаем, - полковник сделал рукой широкий жест, словно приглашая приглядеться.

И точно - в зарослях поодаль дымила полевая кухня, за речушкой светлели палатки полевого госпиталя, солдат с автоматом стоял на посту у свежевыструганного шлагбаума.

Выслушав о моем деле, полковник с готовностью шагнул, поманив меня приглашающим кивком светловолосой головы.

- Пошли посмотрим.

В складских помещениях из красного кирпича, обведенных по

контурам окон и фундамента белой краской, находились ящики с галетами, рыбные консервы, много других запасов, все такое сухое и соленое, что могло пролежать, казалось, хоть сто лет.

Нашли и бочки с бензином.

- То, что нужно, - оценил полковник. - С маслом разведут - и порядок.

Поднял голову к небу, спросил, показывая на пару истребителей:

- Чего крутятся?

Пара была моя. Я приземлился, они остались охранять,

- Мало ли что, вдруг налетят и разобьют на земле - это проще простого. Хоть и найдешь горючее, а не вернешься, не сообщишь.

- Верно, - согласился полковник. - Как говорится, трудно угадать, с какой стороны ждать.

- У меня к вам просьба. Прилетят Ли-2, будут этот бензин брать. Так вы им покажете.

- Организуем, - коротко пообещал он. - А сейчас пойдемте, интересную покажу штуку.

Прошагали немного по бетону взлетной полосы, и тут сбоку, из бурьяна, ударила очередь. Мы пригнулись, упали.

Но только он уже не поднялся...

Сопровождавшие нас бойцы, выпустив в то место, откуда стреляли, по полдиска, быстро, срывая дыхание, понесли полковника через речушку к палаткам госпиталя. Вышел навстречу врач, посмотрел на лицо светловолосого полковника, тронул его безвольную руку, поморщился, как от боли, сказал со вздохом:

- Неживой он уже, ребята.

Это всегда потрясает: вот был рядом человек, говорил, с тобой, по-детски счастливо щурился - и вдруг в один миг его нет, ни его голоса, ни улыбки - ничего. И к этому никогда не привыкнуть.

Его тело бережно, будто он живой, пронесли еще метров тридцать и положили крайним в длинном ряду погибших. Таких же прошедших долгие годы войны с гитлеровцами, счастливо улыбавшихся в конце: "А мы, видишь, выжили!", пересекших после победы всю страну, чтобы прибыть сюда и - так им выпало - умереть. Их лежало здесь много. Наверное, сносили, всех, кто погиб в бою за этот город.

Неподалеку стоял китаец. Невысокий, худенький, в одноцветном ветхом облачении, рубашка поверх брюк, с длинной жиденькой бороденкой. Глаза его слезились - не знаю, от старости ли, от грустной ли этой картины. Никто не обращал на него внимания, и он теперь ни на кого не смотрел - только на

убитых. Может, пришел поблагодарить освободителей да попал на их горе, так и окаменел здесь, возле мертвых, молчал, не благодарил - слишком очевидным было, что даже самая маленькая радость теперь неуместна, а самая большая благодарность все равно не возместит утраты...

* * *

В раскрытую дверь постучали, и начальник особого отдела майор Борбот начал с порога:

- Так что счастливое вы место выбрали, товарищ полковник.

Собственно, это он напоминает о втором "особом задании" генерала Соколова. Тогда генерал вызвал меня к себе.

- Возьмите карту. Видите этот город? Он стоит на реке, ее подпирает плотина. Просили помочь наши разведчики. У них есть сведения, что возле плотины сконцентрирована белогвардейская группа. Когда наши будут брать город, они рассчитывают взорвать плотину, затопить город, его жителей и наши войска. Надо отыскать площадку, где бы можно было посадить самолеты с десантом. Ясно? Выполняйте.

Со штурманом дивизии майором Разиным вылетели на По-2. Такой площадки, чтобы посадить транспортный самолет, не оказалось. Но мы внимательно все изучили с воздуха - и плотину, и подходы к ней, и ближайшие строения, прикинули, где лучше выброситься с парашютом, как передвигаться.

Теперь майор Борбот возвращает меня к той истории:

- Парашютисты хорошо приземлились. А группу взяли за преферансом. Рассказывают, они так обалдели при виде невесть откуда взявшихся наших, что пошевелиться не могли.

Вообще, можно сказать, шла и еще одна война, скрытая - борьба, с диверсионными группами, с остающимся в освобожденных районах японским, гоминьдановским, белогвардейским подпольем.

Майор Борбот ушел, и я вновь услышал негромкий разговор Гаранина со своим приятелем. Говорили они теперь о недавнем событии, о нем мы узнали не сразу, и не сразу оно привлекло внимание. 6 и 9 августа американцы сбросили атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки,

- Неужели может быть такая бомба, чтоб сразу целый город снести? спрашивал товарищ Гаранина.

- Ты же слышал, - напомнил Гаранин о беседе, которую проводил начальник политотдела.

- Зачем было им бросать? Тем более вот так - на города. В них и военных-то объектов, думаю, почти не было. Выходит, уничтожили стариков, женщин, детей. Как же это расценить?

- Я и сам необходимости в этом не вижу.

Вначале никто у нас особого значения сообщению об атомных бомбардировках не придавал. Во-первых, было не до того, собственные дела захватили полностью. Во-вторых, подробностей еще не знали. Даже не произносили такого слова "атомная". Говорили о какой-то очень мощной бомбе, но никто просто представить не мог, что мощь так колоссальна, что она не укладывается в понятия, к которым люди привыкли. Когда позже стали доходить известия о действительных размерах трагедии - люди были потрясены таким непонятным, ненужным шагом союзников, какой-то бессмысленной варварской жестокостью.

Но смысл-то, оказывается, во все это был заложен: так в недрах войны горячей начиналась будущая война "холодная", отсюда побежали ее волны на десятилетия вперед...

Но пока что никто из нас этого не знает.

Шелестит над головой дождь...

Звонит телефон. Генерал Соколов неторопливо развивает задачу:

- Значит, так. В Харбине уже наши десантники. Посылайте туда две эскадрильи, обживайте аэродром. Самому вам придется проделать еще такую работу. В районе Харбина, по-видимому, есть подземный авиационный завод. Вам лично проверить, верно ли это, каково его состояние, обеспечить сохранность. Отступая, японцы взрывают важные объекты. На аэродроме к вам подойдет представитель нашего командования.

Мы вылетели сразу же.

Пока самолеты приземлялись, пока мы с командиром полка майором Моисеевым решали, куда их поставить, как расположить, есть ли на месте горючее, как-то не обратили особого внимания на то, что поодаль, у низенького приаэродромного здания, собралось немало людей. Они махали нам руками, приветствовали. Чуть в стороне косили траву: кто продолжал работу, а кто, облокотившись на древко косы или граблей, пристально смотрел в нашу сторону, кто вообще бросил занятие и подошел совсем близко к взлетной полосе.

Только потом я обратил внимание, что китайцев тут только, пожалуй, половина. Остальные лица - привычные, европейские.

- Мирно у вас, - сказал я старшему лейтенанту из десанта, который разыскал меня сразу и доложил, что несет тут с несколькими бойцами охранную службу.

- Да, товарищ полковник, - согласился он. - Почти мирно. Не ожидал. Обстановка оказалась в нашу пользу.

- Что вы имеете в виду?

- Ну как же! - его молодое, еще не потерявшее юношеского румянца лицо посерьезнело. - Местное население страшно

ненавидит японских захватчиков. И потом в Харбине ведь насчитывается несколько десятков тысяч русских.

- Как относятся к нам? - мне было любопытно.

- Те, что враждебны, притаились или сбежали. А основная масса встретила хорошо. Сами посудите, большинство ведь - это простые люди, обманутые и сагитированные белогвардейцами бежать сюда, приведенные в ту пору в составе своих частей. Да и живут тут они в основном бедно.

Он на мгновение задумался, вспоминая что-то. Наверное, то, о чем ему самому недавно рассказали.

- А сторожилы из русских здесь - это те, что еще работали на КВЖД Китайско-Восточной железной дороге. Россией ведь она и была построена. В девятьсот третьем. Много русских строили ее и потом работали на ней, да так и остались. Ну а кроме всего, выросло уже и новое поколение.

Видно, решал свою задачу десантник со знанием дела.

- Бои были?

- Перестреливались. Вы же знаете, уже через неделю началась капитуляция. Но одни части капитулировали, другие продолжали сражаться - до этих приказ о капитуляции еще не дошел, третьи, хотя им передали, фанатично вели борьбу. Даже и сейчас сопротивляются кое-где. Так что будьте осторожны.

Решив самые неотложные дела, мы с майором Моисеевым и его замполитом майором Пирожком подошли к группе людей, Китайцы, монголы, русские разных возрастов, много женщин и детей. Чуть подальше один продолжал косить. Был он крепок, с копной взлохмаченных волос, бородат - типичный дореволюционный крестьянин. Черные штаны, такая же рубаха, разодранная на спине, с каймой белесой соли по краям широкого мокрого пятна.

Он делал свое дело, будто ничто его не касалось. К нему-то и потянуло меня.

- Что, батя, такой хмурый?

Остановился, внимательно посмотрел из-под густых бровей. Махнул рукой - решился.

- Эх, жизнь сволочная! Было плохо, а теперь еще хуже станет,

- Отчего же хуже?

- Плохо было с японцами, а красные, говорят, и то, что имеешь, отберут.

Нас обступили, в толпе тихим неодобрительным говором обсуждали смелость старика, китайцам торопливо переводили разговор.

- Кто так говорит?

- Все говорят, - хмуро ответил старик.

Начинаем беседовать. Вокруг командира полка, замполита тоже толпятся, слушают. Выясняется, как одурачивали этих людей. С жадностью ловят слова о войне с гитлеровской Германией, о нашей советской жизни, о теперешних событиях.

Подошел старший лейтенант десантник, поманил за собой.

Среднего роста, плотный, крупноголовый человек с седеющим ежиком, в хорошем гражданском костюме, назвал себя:

- Генерал-майор Шелахов.

На него, я знал возложена миссия по организации порядка в городе. Генерал прибыл вместе с десантом, а то, что в гражданском, - так, видно, ему надо было.

Выслушав меня, сказал:

- Машину вам раздобудем. Поезжайте. А вечером прошу в гостиницу, там командный пункт.

"Виллис" с шофером, капитаном, китайцем-переводчиком, двумя автоматчиками и мной пробежал с десяток километров, подкатил к ангарам и строениям.

- Тут и есть завод, - сказал переводчик,

Из-за здания вытягивался строй японских солдат, но переводчик был спокоен.

- Остановись, - сказал я шоферу насторожившись.

Подойдя, остановился и строй, офицер дал команду. Все были при оружии. Офицер отрывисто заговорил, обращаясь ко мне.

Переводчик пояснил:

- Генерал, командир дивизии докладывает, что ведет свою дивизию капитулировать. Это одно из подразделений...

Строй потянулся дальше, а мы стали наблюдать. Японцы прошли к бетонной рулежной дорожке, перестроились. Прозвучала команда, солдаты начали чистить винтовки.

Завод был неподалеку, правда, оказался он не подземным и не очень мощным, просто сборочный завод. В цехах и ангарах - идеальный порядок.

На обратном пути мы еще раз остановились там, где дивизия совершала акт капитуляции. Все выглядело странно для нас. Казалось, это не поверженная армия, на лицах солдат которой должны бы отразиться естественные для такого случая чувства. Нет, все было иначе. Подразделения проходили старательным строевым шагом, по команде останавливались, поворачивались, наклонялись, клали оружие... "Направо"!.. "Смирно"!.. "Раз-два"!.. Словно сотня оловянных солдатиков... Другая сотня. Третья... Винтовки выложены на бетоне идеально ровными рядами, блестели свежей смазкой. В строжайшем порядке, в определенном удалении от приклада, располагались масленка и

принадлежности для чистки оружия. На все это о недвижно взирал наш капитан из десанта, неожиданно, видать, вынужденный принимать такой необычный парад, и в глазах его застыло выражение непроходящего изумления.

На другой день произошли два события. На ангары, занятые нашими самолетами и людьми, напали. Я стоял метрах в пятидесяти от ближнего ангара, разговаривал со вчерашними своими собеседниками, и старик в черной разодранной рубахе, который вчера был не очень-то разговорчивым, больше всех забрасывал вопросами.

Неожиданно поднялась стрельба, послышались крики.

За ангаром, пока я добежал, все стихло. Лежало несколько трупов в японской форме. Один японец, без оружия, стоял спиной к ангару, настороженно, словно загнанный зверь, бросал взгляды по окружающему его полукольцу наших бойцов.

- Хотели на нас напасть, - говорил механик Свешников, тяжело дыша и не спуская глаз с японца, а пальца - с курка автомата. - Да вот заметили мы их раньше...

Кто-то шагнул к тому солдату. Глазом моргнуть не успели, как он рванулся, сделал быстрое движение рукой, переломившись в пояс, словно ударили под дых, и, скрючившись, поджав ноги, упал.

- Харакири, - произнес Свешников непривычное слово.

Он отошел и принес нож, взятый у одного из застреленных. Стали с любопытством разглядывать. Толстое, длинное острое лезвие, массивная тяжелая ручка.

- Смотрите, бляхи какие-то на груди. С черепом.

Это были солдаты специальных войск, из бригады смертников. Солдаты, заранее обреченные на гибель, идущие на нее с мыслью, что их отличили высочайшей избранностью, священным долгом перед богом и божественным императором.

- Надо же! Носить нож, чтобы самому себе кишки выпускать, - не переставал удивляться Свешников.

К полудню над аэродромом появились два японских самолета. Зашли одновременно на посадку, подрулили к заправочной машине. Свешников потом рассказывал:

- Я ближе всех стоял. Гляжу, катит самурайский самолет. Совсем рядом. До этого не обращал внимания, а тут смотрю - японский! И летчика вижу: глаза выпучились, а лицо прямо-таки перекосилось. Секунду, другую вглядывался он в меня, а потом как даст по газам, и сразу на взлет, и второй тоже.

Иного быть не могло: летчики не знали, что аэродром уже в наших руках. Ведь наземные советские войска были еще далеко. Поднялись самолеты, долетели до края поля и резко, один за

другим, врезались в землю.

- Еще одна разновидность харакири, - прокомментировал Свешников и уточнил по-своему: - Авиахаракири.

Он смотрел туда, где, едва различимые, дымились обломки. Плечи его сдвинулись, на лице гримаса удивления как это бывает, когда человек сталкивается с нелепостью.

Нас предупредили: прилет японских самолетов возможен и впредь. Дело в том, что японскому командованию оставлены на какое-то время все средства связи, с тем, чтобы оно могло оповестить свои войска повсюду о капитуляции.

Вскоре появился еще один самолет. Сел, подрулил. Выбрался наш подполковник-артиллерист, за ним летчик-японец.

- Нужно заправиться, - сказал подполковник.

- Куда это вы с ним? - полюбопытствовал я.

- Облетываем их части, где еще наших нет.

- А как ведет себя? Подполковник засмеялся.

- Исправно. Его начальство поставило задачу - и он как часы.

Они улетели...

Все время прибывали на самолетах то еще одна наша рота, то командование, то доставили тяжелую радиостанцию.

Сотрясая землю, подошли танки...

Вечером, направляясь, в свою гостиничную комнату, я повстречал генерала Шелахова.

- Хотите Семенова посмотреть? Наверное, я не сразу сообразил.

- Ну, того, что бандитствовал у нас в годы гражданской войны.

Мы прошли немного, спустились в полуподвал. Миновали несколько постов. У одной из дверей генерал остановился, ее открыли.

Лицом к зарешеченному окну стоял человек, сложив руки на груди. Обернулся. Хороший костюм ладно сидел на его неувядшей еще фигуре. Глаза внимательно обежали нас. Лицо интеллигентного служащего.

Никак не ожидал увидеть его таким. В ту минуту подумалось, что привык представлять себе все иначе. Если предатель, то обязательно жалкий, ничтожный всем своим обликом человек. Если изверг, то в глазах непременно сумасшествие. А комендант гитлеровского концлагеря демонстрировал великолепные манеры, заботливо выращивал розы, холил собаку, как ребенка, слушал с пластинки музыку Вагнера, и от чувствительности на его ресницах дрожали слезы. Музыку он слушал вечером. А утром собственноручно пристреливал ребенка, как собаку, или травил псами обессилевшего пленного, или, спасаясь от скуки, шагал на

допросы с пытками. Семеновщина была не менее жестока, чем гитлеризм. Но вот стоит перед тобой изверг, и ты не веришь глазам. Этот благообразный мужчина - тот самый палач, чье имя рождало ужас в сибирских деревнях?!

- Он и есть, - словно угадывая мои мысли, подтверждает генерал Шелахов.

Несколько долгих секунд висит тишина. Мы всматриваемся друг в друга, и я только теперь вижу, что атаман глядит со страхом. Он опускает руки пальцы на одной из них подрагивают.

- Что, господин Семенов, вот и финал? - спрашивает генерал жестко.

Глаза Семенова влажнеют. Он с трудом проглатывает застрявший в горле комок. И тут же в зрачках, в глубине, мелькает огонек злости. Всего на миг. Страх гасит эту вспышку, атаман не выдерживает, оборачивается, уходит в дальний угол комнаты - как зверь в угол клетки.

Мы поворачиваемся, слышим, как беспощадно лязгают тяжелые засовы этой клетки...

Ночью меня разбудили: принят по радио приказ перебазировать дивизию.

Повсюду в городе транспаранты и флаги. При встречах корейцы с волнением обнимают советских пехотинцев, танкистов, моряков, авиаторов, благодарят нашу страну за освобождение от японского ига. На каждом шагу радушие и счастливые лица...

Вечер. Аэродром затихает. Золотая осень. Со стороны моря тянет прохладой.

Механик из звена управления Свешников выходит из землянки с баяном. Он в чистом, недавно выстиранном, хотя и пооблинялом обмундировании. Пилотка чуть сдвинута на затылок, открывая волнистую прядь русых волос. Сержант стал отпускать усы, говорит, что домой надо явиться "в гвардейском виде". На груди его, крутой и широкой, ярко выделяются четыре разноцветные нашивки - знаки ранений. Серебряным звоном позванивают медали. "Вся география у тебя на груди, Василий", - сказал я ему вчера, когда он прилаживал свои награды к только что выглаженной гимнастерке.

- Не вся, товарищ полковник. Вот еще за победу над Японией прибавится...

И одновременно улыбнулся улыбкой счастливого человека и вздохнул тяжелым вздохом смертельно уставшего за долгие годы боев солдата.

А сейчас Василий Свешников выходит из землянки, растягивает меха, пробует лады. На эти тихие, пока еще не собранные в мелодию звуки отовсюду стекаются бойцы.

Устроившись на железной бочке, он закурил. Жадно, в четыре затяжки, сжег самокрутку, сказал:

- Ну вот...

И растянул меха.

Песню подхватывают. Знакомый всем мотив, но слова другие, Может, их сочинил сам Свешников, а может, пришли откуда-то. Лишь последняя строчка из старого текста: "И на Тихом океане свой закончили поход".

Закончили!

Другое время, другие события и другие слова у песни - но мотив тот же и концовка та же.

Вот она - последняя строчка, последняя точка второй мировой войны: "И на Тихом океане свой закончили поход".

Пройдет немного времени, и разъедутся солдаты по домам. К своим прежним мирным занятиям. Но прежними людьми они уже не будут. Пусть за тот же станок встанут, за тот же плуг, пусть такой же, как прежде, облик приобретут, пусть вновь жизнь их втиснется в кольцо своих обыденных забот но прежними они уже не будут, нет. Потому что теперь они люди, причастные к самому трудному, но и почетному делу - борьбе за свободу и независимость своей прекрасной Родины.